

№ 689.

А. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ.

47

МАЛОРОССІЙСКІЕ
ПОСПОЛИТЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

(1648—1783 гг.)

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

Цена 25 коп.

К І Е В Ъ.

Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятит. 5.

1908.

МАЛОРОССИЙСКІЕ
ПОСПОЛИТЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

(1648—1783 гг.)

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПО АРХИВНЫМЪ
ИСТОЧНИКАМЪ

Ал ЛАЗАРЕВСКАГО.

К І Е В Ъ.

Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятит. 5.

1908.

Oct 10, 1970

Предисловіе.

Исторія лѣвобережной Украины, или, какъ называль ея въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ А. М. Лазаревскій, Старой Малороссіи, мало изслѣдована въ научномъ отношеніи. Не много найдется въ ней вопросовъ, которые можно было бы считать, если не рѣшенными окончательно, то болѣе или менѣе близкими къ такому рѣшенію; много вопросовъ едва только намѣчено или поставлено для разрѣшенія, а еще больше и совсѣмъ незатронуто. Причинъ этому нужно искать, съ одной стороны, въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, которыя существовали въ Россіи, когда изученіе Украины считалось вообще дѣломъ неблагонадежнымъ, а съ другой стороны—въ разбросанности источниковъ и ихъ, вслѣдствіе этого, малой доступности для изслѣдователей. Архивныя богатства лѣвобережной Украины находятся въ настоящее время въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ, Москвѣ, С.-Петербургѣ, при чемъ, напр., источникъ первостепенной важности, Румянцевская опись, раздѣлена между тремя городами—Кіевомъ, С.-Петербургомъ и Харьковомъ¹⁾. При такихъ условіяхъ исторію лѣвобережной Украины могли заниматься только немногіе изслѣдователи, и труды ихъ, за небольшими исключеніями, носятъ эпизодическій характеръ. Мы мало встрѣчаемъ изслѣдованій, посвященныхъ широкимъ вопросамъ и обобщеніямъ; въ большинствѣ случаевъ они занимаютъ подборомъ и

¹⁾ *В. А. Мякотинъ*. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго, „Описаніе Старой Малороссіи, т. II Полкъ Нѣжинскій“, въ „Отчетъ о 37 присужденіи награды графа Уварова“, стр. 1–2. *Н. П. Василенко*. „Къ исторіи малорусской исторіографіи и малорусскаго общественнаго строя“ въ „Кіевской Старинѣ“, 1894 г., т. 47, стр. 244—245.

группировкой матеріаловъ и описаніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ исторіи лѣвобережной Украины.

Среди изслѣдователей исторіи лѣвобережной Украины первое и выдающееся мѣсто принадлежитъ, безспорно, покойному Александру Матвѣевичу Лазаревскому (р. 1836 † 1902 г.). Его труды, разбросанные по многочисленнымъ, преимущественно провинціальнымъ изданіямъ, составляютъ и, безъ сомнѣнія, долго еще будутъ составлять основу для изученія разныхъ сторонъ жизни украинскаго народа XVII и XVIII, да отчасти и XIX вѣковъ. Такъ много вопросовъ затронуто имъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, такъ много матеріаловъ имъ использовано, указано, опубликовано! ¹⁾.

А. М. Лазаревскій былъ изслѣдователемъ, преимущественно, внутренней жизни украинскаго народа. Задачей его было изученіе тѣхъ явленій и процессовъ, совокупность которыхъ привела, въ концѣ концовъ, къ крушенію стараго украинскаго общественнаго строя. Не всё, конечно, стороны жизни затрогивалъ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Онъ, напр., почти совсѣмъ не касался экономическихъ вопросовъ. Его интересовала, главнымъ образомъ, бытовая сторона жизни административной и частной въ старой Украинѣ, и, изучая ее въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, А. М. Лазаревскій вездѣ находилъ подтвержденіе той основной своей мысли, которую онъ высказалъ еще въ своемъ раннемъ изслѣдованіи о „Малороссійскихъ посполитыхъ крестьянахъ“, именно—что не одни только внѣшнія условія, не одна только централистическая политика и воздѣйствіе русскаго правительства, о рѣшающемъ вліяніи которыхъ серьезно можно говорить только со времени измѣны гетмана Мазепы, а, главнымъ образомъ, уродливый самостоятельный ходъ внутренней жизни украинскаго народа привелъ къ крушенію тѣхъ началъ чисто демократическаго строя, которые были выдвинуты великой украинской революціей 1648—1654 гг.

¹⁾ Объ А. М. Лазаревскомъ и его научной дѣятельности: статьи въ „Кіевской Старинѣ“ 1902 г. май. Тамъ же и библиографическій указатель его трудовъ, составленный С. П. Пономаревымъ. Кромѣ того, Н. П. Василенка „Памяти А. М. Лазаревскаго въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ лѣтописца Нестора за 1902 годъ. *Его-же*, Къ исторіи малорусской историографіи въ „Кіев. Стар.“, 1894 т. 47, стр. 264—270. В. А. Мякотинъ, Біографія А. М. Лазаревскаго въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, Брокгаузъ-Ефронъ. *Его-же*. Рецензія, стр. 5 и слѣд. Проф. Д. И. Багалъй. Новый историкъ Малороссіи въ „Отчетѣ о 32 присужденіи наградъ графа Уварова“.

III

Эта основная мысль, въ сущности, проходитъ черезъ всѣ труды А. М. Лазаревскаго, но впервые, какъ только что было замѣчено, она высказана и обоснована въ его монографіи „Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 гг.)“ по отношенію къ вопросу о происхожденіи и развитіи крѣпостного права въ лѣвобережной Украинѣ. На основаніи изученія обширнаго архивнаго матеріала, онъ пришелъ къ выводу, что крѣпостное право въ лѣвобережной Украинѣ явилось результатомъ не однѣхъ только мѣръ русскаго правительства въ этомъ направленіи, а цѣликомъ вытекло изъ украинскихъ общественныхъ отношеній, изъ украинской жизни, и русскому правительству во 2-й половинѣ XVIII столѣтія приходилось часто только утверждать своими указами то, что, на самомъ дѣлѣ, давнымъ давно существовало уже въ жизни.

Въ исторической литературѣ мысль эта была высказана еще раньше А. М. Лазаревскаго покойнымъ профессоромъ кіевскаго университета А. Ф. Кистяковскимъ въ „Основѣ“ за 1862-й годъ ¹⁾, и это дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ говорить о вліяніи статьи А. Ф. Кистяковскаго на выводы и изысканія А. М. Лазаревскаго, ²⁾ причѣмъ проф. И. В. Луцицкій находитъ даже, что А. М. Лазаревскій, равно какъ и позднѣйшіи изслѣдователи украинскаго крестьянства В. А. Мякотинъ „увеличили, правда, и въ громадной степени сумму данныхъ. характеризующихъ процесса закрѣпощенія, но не измѣнили въ существѣ картины процесса“, нарисованнаго А. Ф. Кистяковскимъ ³⁾.

Мнѣніе о вліяніи статьи А. Ф. Кистяковскаго на трудъ А. М. Лазаревскаго основано, повидимому, единственно на томъ, что изслѣдованіе А. М. Лазаревскаго появилось позже статьи А. Ф. Кистяковскаго. Другихъ доказательствъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ. Между тѣмъ достаточно болѣе внимательно сравнить статью А. Ф. Кистяковскаго съ изслѣдованіемъ А. М. Ла-

¹⁾ „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи“, „Основа“ 1862 г. № 1. Статья подписана — *кій*.

²⁾ В. А. Мякотинъ. „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи, въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1894 г., № 2, отд. I, стр. 30. Проф. И. В. Луцицкій. „Труды А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права“, въ „Кіевской Старинѣ“, 1895 г., т. XLVIII, стр. 66—69.

³⁾ „Кіев. Старина“, 1895 г., т. XLVIII, стр. 69.

заревского, чтобы увидѣть независимость отъ нея выводовъ послѣдняго. Проф. И. В. Лучицкій говоритъ, что статья А. Ф. Кистяковского намѣчаетъ только общіе контуры процесса, при томъ контуры, набросанные скорѣй благодаря остроумію и проникательности автора, чѣмъ на основаніи историческихъ источниковъ, которыхъ въ распоряженіи А. Ф. Кистяковского было немного ¹⁾). Трудъ А. М. Лазаревского, наоборотъ, покоится на широкихъ архивныхъ изысканіяхъ и его выводы и соображенія обоснованы солиднымъ количествомъ данныхъ, до тѣхъ поръ никому неизвѣстныхъ. Самая задача у А. М. Лазаревского поставлена гораздо шире, вопросъ изслѣдуется болѣе всесторонне, и у него мы, дѣйствительно, находимъ „картину“ процесса прикрѣпленія украинскаго крестьянства, картину, блѣдные, общіе контуры которой такъ остроумно и проникательно, хотя, по словамъ В. А. Мякотина ²⁾), и не вполне послѣдовательно набросаны А. Ф. Кистяковскимъ. Вотъ почему, когда появилась „картина“, нарисованная съ натуры А. М. Лазаревскимъ, „набросокъ“ А. Ф. Кистяковского былъ забытъ. О немъ послѣ долгихъ лѣтъ впервые вспомнилъ, кажется, В. А. Мякотинъ въ своемъ обзорѣ немногочисленной литературы по исторіи украинскаго крестьянства ³⁾). Изслѣдованіе же А. М. Лазаревского „приобрѣло значеніе исходной точки для всякой новой работы, посвященной крестьянскимъ отношеніямъ въ лѣвобережной Малороссіи за XVII и XVIII в.“ ⁴⁾).

Это—фактъ, котораго отрицать нельзя; не слѣдуетъ и умалять его. Значеніе труда А. М. Лазаревского не въ одномъ только „увеличеніи данныхъ“, а въ гораздо большемъ—въ выводахъ изъ этихъ данныхъ, въ научномъ обоснованіи этихъ выводовъ, въ постановкѣ цѣлаго ряда вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ исторіей крестьянства и въ ихъ посильномъ разъясненіи и притомъ не на основаніи однихъ соображеній, а на основаніи многочисленныхъ матеріаловъ, имъ изученныхъ.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣніе о вліяніи статьи А. Ф. Кистяковского на изслѣдованіе А. М. Лазаревского должно бы,

¹⁾ Тамъ-же стр. 67.

²⁾ „Русское Богатство“, 1894 г., № 2, отд. 1, стр. 30.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

казалось, высказываться съ большой осторожностью, такъ какъ нельзя найти доказательствъ этому, если, конечно, не предположить, что А. М. Лазаревскій, стремясь „увеличить данныя“, подгонялъ ихъ подъ заранѣ набросанную, но не обоснованную фактами схему А. Ф. Кистяковского. Но этого никто сказать не можетъ и не говорить, а потому нельзя согласиться съ мнѣніемъ, напр., В. А. Мякотина, что „взгляды, не вполне послѣдовательно проведенные г. Кистяковскимъ въ его статьѣ, были затѣмъ развиты, сведены къ болѣе строгому единству и обстоятельно документированы въ замѣчательной работѣ А. М. Лазаревского „Малорусскіе посполитые крестьяне“. 1) Вѣрнѣе утверждать другое. А. М. Лазаревскій не развивалъ и не обосновывалъ чужихъ взглядовъ, а самостоятельно вывелъ ихъ изъ богатаго архивнаго матеріала, которымъ пользовался. Выводы А. М. Лазаревского совпали съ мнѣніемъ А. Ф. Кистяковского о процессѣ прикрѣпленія украинскихъ крестьянъ, высказаннымъ имъ раньше, на основаніи другихъ данныхъ, чѣмъ тѣ, которыми пользовался для своихъ выводовъ А. М. Лазаревскій. Оба, независимо другъ отъ друга, пришли къ одному и тому же заключенію не потому, что одинъ изъ нихъ заимствовалъ его у другого, а потому, что оба изслѣдователя вѣрно подмѣтили ходъ и характеръ процесса.

Помимо тѣхъ соображеній, которыя мы только что высказали, это утвержденіе можетъ быть основано и на свидѣтельствѣ самого А. М. Лазаревского, который однажды въ разговорѣ съ нами заявилъ, что, работая въ Черниговѣ надъ посполитыми крестьянами, онъ не только не читалъ статьи А. Ф. Кистяковского, но и не зналъ объ ея существованіи. Когда она печаталась въ „Основѣ“, А. М. Лазаревскій какъ-то пропустилъ ее, такъ какъ тогда, въ началѣ 1862 года, онъ еще не интересовался исторіей украинскаго крестьянства. Статью А. Ф. Кистяковского онъ прочелъ много лѣтъ спустя, уже послѣ появленія своей работы о крестьянахъ.

Это свидѣтельство самого автора, которое мы считаемъ своимъ долгомъ привести здѣсь, въ связи съ отсутствіемъ какихъ-нибудь фактическихъ доказательствъ относительно дѣйствительныхъ слѣдовъ вліянія статьи А. Ф. Кистяковского на изслѣдова-

1) Тамъ-же

ніе А. М. Лазаревскаго, должно, по нашему мнѣнію, разъ на всегда положить конецъ толкамъ объ этомъ вліяніи.

Изслѣдованіе А. М. Лазаревскаго „Малороссійскіе посполитые крестьяне“ было напечатано въ „Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета“ за 1866-й годъ, ¹⁾ при чемъ было выпущено небольшое число и отдѣльных оттисковъ. Оно давно уже разошлось и составляетъ библиографическую рѣдкость ²⁾. Теперь оно издается вновь безъ всякихъ измѣненій.

Можетъ возникнуть вопросъ: имѣетъ ли смыслъ переиздавать въ прежнемъ видѣ книгу, вышедшую въ свѣтъ сорокъ два года тому назадъ? За это, вѣдь, продолжительное время появились новыя изслѣдованія, открыто и издано много матеріаловъ, бывшихъ совершенно неизвѣстными при первомъ изданіи книги. Не дѣлаютъ ли они излишнимъ новое изданіе этой, по годамъ, „устарѣлой“ книги?

Нѣтъ, не дѣлаютъ—скажемъ мы. Книга эта также необходима при изученіи внутренней исторіи Украины и теперь, какъ была необходима и при своемъ выходѣ въ свѣтъ. Мы уже говорили, какъ слабо шло изученіе исторіи Украины за послѣднее время. Новыхъ изслѣдованій появлялось мало, ³⁾ а при такихъ условіяхъ старыя сохраняютъ долго, очень долго въ научной литературѣ свою цѣнность и значеніе.

И не только это обстоятельство оправдываетъ новое изда-

1) „Записки Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета“. Книга первая. Черниговъ. Въ Губернской типографіи. 1866. in 8°, стр. 256, изъ нихъ 1—152 стр. занимаетъ изслѣдованіе А. М. Лазаревскаго.

2) Есть переводъ его на украинскій языкъ въ XXII томѣ издающейся во Львовѣ (Галиція) „Руської історичної бібліотеки“.

3) До появленія въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1894 годъ, труда В. А. Мякотина, вопросъ о крестьянахъ и крѣпостномъ правѣ на Украинѣ, затрогивался въ исторической литературѣ только мимоходомъ. Правда, въ 1875 году въ „Русскомъ Архивѣ“ (II стр. 229—232) появилась замѣтка Г. Ф. Карпова „О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи“, написанная по поводу статей проф. О. Ф. Миллера въ „Древней и новой Россіи“, объ Остапѣ Вересаѣ; но замѣтка Г. Ф. Карпова, написана безъ всякаго знанія вопроса и можетъ быть отмѣчена скорѣй, какъ курьезъ въ научной литературѣ. Г. Ф. Карпову, отвѣчалъ въ томъ же году, въ „Русскомъ Архивѣ“, проф. О. Ф. Миллеръ, въ статьѣ „О нашемъ крестьянскомъ вопросѣ въ XVIII ст.“, въ которой онъ говоритъ, главнымъ образомъ, о крестьянскомъ вопросѣ въ Великороссіи, относительно же крестьянства на Украинѣ обнаруживаетъ не больше знаній, чѣмъ Г. Ф. Карповъ.

VII

ніе монографіи А. М. Лазаревскаго, но главнымъ образомъ ея высокія научныя достоинства, которыя всегда признавались и до сихъ поръ признаются учеными. „Исторія крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи,—говорить о трудѣ А. М. Лазаревскаго проф. Д. И. Багалъй,—представляетъ выдающееся явленіе въ областной исторической литературы какъ по новизнѣ матеріаловъ (извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ), такъ и по тщательной группировкѣ ихъ“. ¹⁾ Другой ученый,—выдающийся знатокъ исторіи крестьянства въ лѣвобережной Украинѣ, В. А. Мякотинъ, называетъ монографію А. М. Лазаревскаго „замѣчательной“ и, какъ мы уже видѣли, признаетъ за нею „значеніе исходной точки для всякой новой работы, посвященной крестьянству“.

Правда были попытки поколебать основное положеніе А. М. Лазаревскаго въ вопросѣ о процессѣ закрѣпощенія украинскаго крестьянства и оживить старый взглядъ о рѣшающемъ воздѣйствіи центрального правительства на соціальные порядки Украины. Наиболѣе полно и рѣшительно такой взглядъ былъ высказанъ Н. И. Костомаровымъ въ его монографіи о Мазепѣ и Мазепинцахъ, ²⁾ затѣмъ повторенъ И. В. Теличенкомъ ³⁾ и А. П. Шликевичемъ ⁴⁾.

Это коренное разногласіе во взглядахъ на процессъ прикрѣпленія украинскаго крестьянства, съ одной стороны, а съ другой—обиліе неиспользованнаго матеріала, побудили В. А. Мякотина заняться пересмотромъ даннаго вопроса. ⁵⁾ Изучивъ громадныя матеріалы, онъ, въ концѣ концовъ, все же пришелъ къ тому основному выводу, какой сдѣлалъ и А. М. Лазаревскій изъ фактовъ, находившихся въ его распоряженіи въ 1866 году.

И въ настоящее время точка зрѣнія А. М. Лазаревскаго на процессъ прикрѣпленія украинскаго крестьянства должна быть признана единственно правильной въ научномъ отношеніи и

¹⁾ Проф. Д. И. Багалъй. Новый историкъ Малороссіи, стр. 10.

²⁾ Н. И. Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы, изд. 2-е Спб. 1885, стр. 590.

³⁾ И. В. Теличенко. Словные нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской комиссіи, въ „Кіев. Стар.“, 1891 г., февраль, и отдѣльно.

⁴⁾ А. П. Шликевичъ. „Лучше ли жило въ Малороссіи за 100 лѣтъ наладъ?“ въ „Земскомъ сборникѣ Черниговской губерніи“ 1890, №№ 11—12. отд. IV, стр. 152—179.

⁵⁾ В. А. Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянства, въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1894 г., № 4, отд. I.

VIII

именно въ той формулировкѣ, которую впервые обосновалъ фактами А. М. Лазаревскій въ своей монографіи „Малороссійскіе посполитые крестьяне“.

Изслѣдованіе это не теряетъ своего значенія и съ появленіемъ труда В. А. Мякотина. Послѣдній, правда, использовалъ обширный матеріалъ, обосновалъ, освѣтилъ и дополнилъ многое въ процессъ, что было лишь вскользь намѣчено, открылъ новыя стороны, которыя были совершенно неизвѣстны А. М. Лазаревскому¹⁾, но онъ остановилъ и сосредоточилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на XVIII столѣтіи, когда процессъ прикрѣпленія уже ясно намѣчался въ жизни²⁾. Самое же зарожденіе процесса, условія, при которыхъ это зарожденіе имѣло мѣсто въ украинской жизни, намѣчены В. А. Мякотинимъ только въ общихъ чертахъ. и здѣсь изслѣдованіе А. М. Лазаревскаго цѣликомъ сохраняетъ свое первоначальное значеніе и долго еще вѣроятно будетъ служить исходной точкой въ научныхъ изслѣдованіяхъ и по другимъ вопросамъ, связаннымъ съ процессомъ прикрѣпленія крестьянства.

Вотъ почему изслѣдованіе А. М. Лазаревскаго „Малороссійскіе посполитые крестьяне“ имѣетъ полное право на второе изданіе, почему оно не „устарѣло“ и переиздается въ томъ видѣ, въ какомъ вышло въ свѣтъ сорокъ два года тому назадъ³⁾.

Что касается архивныхъ матеріаловъ, на которые сдѣланы

1) Такъ В. А. Мякотинъ вполне справедливо указываетъ на экономическое разстройство крестьянъ, какъ на одинъ изъ важныхъ факторовъ въ процессъ прикрѣпленія крестьянъ (Рус. Бог., 1894 г., кн. IV, стр. 154); между тѣмъ на экономическую сторону въ изслѣдованіи А. М. Лазаревскаго не обращено вниманіе. Изслѣдованію экономической исторіи В. А. Мякотинъ, вообще, придаетъ большое значеніе для выясненія того процесса, какимъ шла и складывалась жизнь Украины послѣ Богдана Хмельницкаго. Попытку такого изслѣдованія по отношенію къ крестьянству онъ сдѣлалъ въ статьѣ „Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 г.“, напечатанной въ „Кіевскомъ Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра“ и составленной на основаніи „Румянцевской Описи“.

2) Конечную стадію процесса имѣетъ въ виду и В. И. Семевскій въ своемъ трудѣ: Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, Спб. 1888, т. I, стр. 148—160, гдѣ X глава разсматриваетъ „вопросъ о прикрѣпленіи къ землѣ малороссійскихъ посполитыхъ крестьянъ“. В. И. Семевскимъ принятъ основной взглядъ А. М. Лазаревскаго.

3) Нами только составлено и прибавлено *оглавленіе*.

IX

ссылки въ трудѣ А. М. Лазаревскаго, то матеріалы эти теперь хранятся: 1) Архивъ Малороссійской Коллегіи—въ Историческомъ Архивѣ при Харьковскомъ университетѣ, а частью въ Архивѣ мин. юстиціи въ Москвѣ и въ Румянцевскомъ Музеѣ.

2) Земельные документы монастырей черниговской губерніи, послужившіе важнымъ источникомъ для А. М. Лазаревскаго (архивъ Чернигов. Казенной Палаты)—въ Центральномъ Архивѣ при Кіевскомъ университетѣ.

3) Обширное собственное собраніе документовъ передано А. М. Лазаревскимъ, вмѣстѣ съ богатой его библіотекой по исторіи Украины, въ библіотеку университета св. Владимира.

4) Книга генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ въ стародубскомъ полку 1729 г. (прим. 4) хранится теперь въ библіотекѣ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, а черновикъ его, содержащій болѣе подробныя свѣдѣнія,—въ библіотекѣ университета св. Владимира.

5) Новое изданіе „Записки о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недосткахъ и неурстройствахъ, о исправленіи которыхъ малороссійской коллегіи трактовать должно“ (прим. 69 и 119), сдѣлано проф. М. Ф. Владимірскимъ Будановымъ въ „Чтеніяхъ въ историческомъ обществѣ лѣтописца Нестора“ 1891 г., кн. V, среди „Актвъ по управленію Малороссією гр. П. А. Румянцева за 1767 годъ“.

6) Румянцевская опись (прим. 90, 96, 108, 129) обнимающая значительную часть черниговской губерніи, открыта была А. М. Лазаревскимъ въ архивѣ Черниговской Казенной Палаты и оттуда, по его иниціативѣ, передана въ Черниговскій Губернскій Статистическій Комитетъ¹⁾, гдѣ и хранилась до начала 1890-хъ годовъ, когда передана въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ. Значительная часть Румянцевской Описи, обнимающая собой, главнымъ образомъ, сѣверо-западную часть полтавской губерніи (бывшій переяславскій полкъ), находится въ библіотекѣ университета св. Владимира (Кіевъ), куда передана изъ архива Кіевской Казенной Палаты. Часть Румянцевской Описи, содержавшая въ себѣ описаніе большей части полтавской губерніи, хра-

¹⁾ *Ал. Лазаревскаго. Обзорніе Румянцевской Описи. Вып. 1-й, Черниговъ, 1866. стр. 12—13.*

Х

нилась, какъ справедливо предполагалъ А. М. Лазаревскій (прим. 129), въ архивѣ Полтавской Казенной Палаты ¹⁾ и сгорѣла во время бывшаго тамъ пожара. Нѣсколько связокъ ея, случайно уцѣлѣвшихъ въ архивѣ Полтавскаго Губернскаго Правленія, перезезены проф. Д. И. Багалъемъ вмѣстѣ, со всѣмъ архивомъ, въ Харьковскій Историческій Архивъ (при университетѣ).

Ник. Василенко.

¹⁾ *Ал. Лазаревскій*. Описаніе Старой Малороссіи, т. III. Полкъ Прилуцкій. Кіевъ, 1902 г. Предисловіе стр. II и *его-же* Архивные отрывки изъ исторіи полтавской евархіи. Полтава 1887 (изъ Епарх. Вѣдом.).

Оглавленіе.

	Стр.
Предварительныя замѣчанія	1—2
Козаки и посполитые. Значеніе отсутствія рѣзкой юридической границы между ними для администраціи..	3—10
Раздача маетностей въ держаніе	10—14
Крестьяне тяглые, лѣзные и огородники	14—15
Происхожденіе земельной собственности въ лѣвобережной Украинѣ.—Займанщина	15—19
Вопросъ о собственности на землю въ державческихъ маетностяхъ	19—22
„Послушенство“ и размѣры платежей и повинностей посполитыхъ крестьянъ	22—35
Отношеніе державцевъ къ „поданнымъ“.—Крестьянскія волненія	35—48
Переходъ посполитыхъ въ козачество.—Нововписные козаки	48—52
Лѣзные крестьяне.—„Нахожіе люди“.—Слѣбоды	52—69
Подсосѣдки	69—75
Скупка державцами земель козаковъ и посполитыхъ.— Борьба державцевъ съ крестьянскими переходами .	75—78
Русская администрація и украинское посполство.—Указъ 10 декабря 1763 года	78—83
Прикрѣпленіе посполитыхъ крестьянъ. — Указъ 3 мая 1783 г.	83—86

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

	Стр.
а) Инструкція Румянцева лицамъ, опредѣленнымъ для составленія Генеральной Описи Малороссіи 7 октября 1765 г.	87—91
б) Ордеръ Румянцева премьерь-маіору Голенищеву—Кутузову 7 октября 1765 г. о томъ же	91—92
в) Ордеръ Румянцева Голенищеву-Кутузову 11 января 1766 года о томъ-же	92

II.

1) Опись деревни Внуковичъ	93—97
Подворная опись подданныхъ д. Внуковичъ	98
2) Вѣдомость объ имущественномъ состояніи посполитыхъ крестьянъ села Туличева	99—100
3) Вѣдомость объ имущественномъ состояніи козаковъ и крестьянъ села Красиловки	101—104
4) Опись владѣнія сотеннаго хорунжаго Пріймы, въ с. Гайворонѣ	105—108

Быть малороссійскаго крестьянства, со времени отдѣленія Малороссіи отъ Польши, такъ мало выясненъ, что до сихъ поръ господствуетъ мнѣніе, будто до конца XVIII в. крестьянство это пользовалось полною гражданскою свободою, которой лишилось по одному лишь указу 3 мая 1783 года. Между тѣмъ ближайшее изученіе предмета приводитъ къ результатамъ противоположнымъ. Судьба малороссійскаго крестьянства тѣсно связана съ исторіею страны. Какъ сама Малороссія, по присоединеніи своемъ къ Россіи, цѣлые полтора вѣка испытывала на себѣ колебательное вліяніе администраціи русской, такъ и гражданскій бытъ ея сословій все это время видоизмѣнялся, постепенно переходя отъ тѣхъ простыхъ формъ, въ которыя поставило его изгнаніе изъ Малороссіи польковъ, къ формамъ русской гражданской жизни. Подъ симъ вліяніемъ, въ связи съ мѣстными условіями, малороссійское крестьянство незамѣтно и исподоволь утрачивало личныя свои права и облегчало стремленіе козацкой старшины къ расширенію надъ собою власти. Польское преданіе, перешедшее отъ прежней польско-русской шляхты къ малороссійскимъ землевладѣльцамъ, служило, для послѣднихъ, нагляднымъ образцомъ возможныхъ отношеній къ крестьянамъ*), а при той обширности власти, которою пользовались козацкіе старшины въ Малороссіи, имъ не стоило особеннаго труда подчинить себѣ крестьянъ въ *подданныхъ*, а самимъ — изъ старшинъ подѣлаться *панамъ*. Захвативъ поземельныя права въ свои руки, старшина стала стремиться затѣмъ къ отнятію у посполитыхъ права перехода, пользуясь которымъ крестьяне могли противоудѣйствовать

*) О юридическомъ бытѣ малороссійскаго крестьянства до Хмельницкаго см. изслѣдованіе О. Леонтовича — *Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XI и XII столѣтій*. Кіевъ, 1863, 80.

общему стремленію малороссійскихъ землевладѣльцевъ—расширить свои права надъ крестьянами. Такое стремленіе, не представляя собою въ глазахъ русскаго закона ничего необыкновеннаго, мало по-малу, стало находить себѣ поддержку въ этомъ законѣ, такъ что къ концу XVIII в., съ изданіемъ указовъ 10 декабря 1763 и 3 мая 1783 годовъ, нисколько, повидимому, не касавшихся существа юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, въ Малороссіи *de facto* и *de jure* образовалось полное крѣпостное право, какъ бы въ силу естественнаго порядка вещей, находившаго свою опору и свое оправданіе въ существовавшемъ уже обычномъ правѣ.

Предлагаемый очеркъ заключаетъ въ себѣ исторію малороссійскаго крестьянства во время гетманщины, рассказанную нами на основаніи источниковъ, добытыхъ изъ черниговскихъ архивовъ. При этомъ мы нашли особенное богатство свѣдѣній для исторіи внутренней жизни малороссійскаго общества—въ архивѣ Губернскаго Правленія; здѣсь хранится такъ называемый *архивъ малороссійской коллегіи*, заключающій въ себѣ архивы малороссійскихъ административныхъ учрежденій XVIII в., перевезенные изъ Глухова. Не смотря на то, что изъ сего архива много бумагъ утрачено, онъ все еще заключаетъ въ себѣ богатые источники для бытовой исторіи Малороссіи XVIII в.—Другой архивъ, доставившій намъ также не мало свѣдѣній для исторіи крестьянъ, хранится въ Черниговской Казенной Палатѣ; онъ состоитъ преимущественно изъ монастырскихъ поземельныхъ документовъ, поступившихъ въ Палату съ отобраніемъ въ казну имѣній малороссійскихъ монастырей; кромѣ того, здѣсь же находится знаменитая *генеральная опись Малороссіи*, составленная по распоряженію Румянцова.

Почти исключительно въ этихъ двухъ архивахъ мы нашли всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя дали намъ возможность уяснить судьбу малороссійскаго крестьянства, если не совершенно, то, по крайней мѣрѣ, настолько, что исторія его закрѣпощенія не будетъ уже представляться какъ послѣдствіе административныхъ распоряженій русскаго правительства, а явится естественнымъ послѣдствіемъ внутренней жизни гетманской Малороссіи.

Съ изгнаніемъ поляковъ, въ Малороссіи не стало крупныхъ поземельныхъ собственниковъ — польскихъ пановъ, а вмѣстѣ съ ними не стало и привилегированнаго сословія; осталось одно *поспільство*, народъ. Земля, принадлежавшая передъ тѣмъ польскимъ панамъ, теперь—пзвѣстный моментъ—оставалась въ фактическомъ владѣніи тѣхъ, кто ее обрабатывалъ. Но такое положеніе продолжалось недолго: право на землю предъявили ея освободители, которымъ она должна была принадлежать по праву отвоєванія. И хотя въ освобожденіи Малороссіи отъ поляковъ участвовалъ весь народъ, но дѣйствительными освободителями „козаки“ сочли исключительно себя; козаками же считалась только та часть народа, которая составляла Хмельницкаго полки, т. е. одни только войны.

Козаки эти, въ интересахъ личныхъ и поддерживаемые своею старшиною, стали выдѣляться изъ народа, *поспільства*, и вскорѣ объединились въ особое сословіе, которое, для большаго отличія отъ *поспільства*, стало связывать свое происхожденіе съ Запорожьемъ и приняло названіе *товариства войска Запорожскаго*¹⁾. Приписывая

1) За поляковъ, въ Малороссіи лѣваго берега Днѣпра — „козаки“ были только воинами, набравшимися изъ *поспільства*, крестьянъ. Въ 1638 г. пугивльскій воевода Пещеевъ доносилъ царю, что „учинено де ихъ черкасъ дѣстровыхъ (т. е. записанныхъ въ реестръ), по королевскому росказанію, шесть тысячъ, а достальнымъ было указано (жить) въ городѣхъ, гдѣ хто похочеть, *модь манскимъ началомъ*“. Акты Зап. и Южн. Россіи, III, 3. Подъ „городами“ здѣсь разумѣется сѣверная Малороссія лѣваго берега Днѣпра, такъ называвшаяся „лѣвобережная Украина“, а черкасами звалось тогда все ея населеніе. Такимъ образомъ, за поляковъ, въ Малороссіи было два сословія: 1) *шляхта*, дворянство, состоявшее преимущественно изъ польскихъ пановъ (нахлынувшихъ на лѣвый берегъ Днѣпра въ началѣ XVII вѣка), а частью, очень незначительною, изъ мѣстной аристократіи, образовавшейся въ то время, когда сѣверная

себѣ всю заслугу въ освобожденіи родины, товариство, по изгнаніи польскихъ пановъ, признало отвоеванную землю собственностью „войска“. Съ этого времени земля становится войсковою, и всѣ прежніе поземельные акты польскаго владѣнія *уничтожены были козацкою саблею*, по выраженію того времени ²⁾).

Съ этого времени (т. е. съ половины XVII в.), въ Малороссіи [†] является два сословія: 1) *товариство*, козаки, взявшие на себя обязанность—постоянно быть вооруженными для защиты родины и получившіе (вѣрнѣе—присвоившіе) за то право на вѣчное владѣніе землею и увольненіе отъ всякихъ другихъ повинностей, кромѣ воинской ³⁾, и 2) *посполство*, крестьяне—землепашцы и мѣщане—торговцы, на обязанности котораго осталась вся земская служба. Право на землю посполства хотя и не ограничивалось временемъ, но зависѣло отъ товариства, потому что земля была *войсковою*, а „войско“ составляло товариство.

Два эти сословія, не имѣя прочныхъ основаній для своего раздѣленія, такъ какъ исторія и бытъ того и другого сходились между собой, строго не различались впрочемъ. Когда въ 1729 г. производилось общее по Малороссіи дознаніе—кто и по какому

Малороссія принадлежала Россіи (1500—1638); 2) *посполство* — мѣщане и крестьяне. Съ изгнаніемъ поляковъ, шляхту замѣнили—козаки, *товариство*, образовавшееся преимущественно изъ того же посполства, принявшаго на себя воинскую службу; кромѣ того, въ кругъ товариства вошли остатки прежней шляхты, не успѣвшей или не захотѣвшей оставить Малороссію, во время войны Хмельницкаго. Посполство и по освобожденіи отъ поляковъ осталось при прежнихъ правахъ, съ прежнимъ значеніемъ. Товариство же, со временемъ, подраздѣлилось на двѣ группы: богатѣйшая его часть, старшина, стала называться, по преданію, шляхетствомъ и образовала изъ себя настоящее дворянство малороссійскихъ губерній; бѣднѣйшее товариство ограничилось рядовымъ козачествомъ и составило другую группу; потомки послѣдней составляютъ теперешнее сословіе „малороссійскихъ козаковъ“.

²⁾ Въ 1729 г. въ Черниговскомъ полку возникъ поземельный споръ за село Яновку, которымъ, за поляковъ, владѣлъ Борисъ Грязный; правнучка послѣдняго стала было отыскивать село это въ 1729 г., на основаніи завѣщанія жены Грязнаго; но тогдашній владѣлецъ Яновки отвѣчалъ: „хотя она, челоубитница, имѣетъ якую отъ своей прабабы шляхтянки Грязной крѣпость, токмо *такая крѣпость козацкою де саблею есть скасована*“. Арх. Малорос. Коллегіи, № 4712. (Въ архивѣ Черниг. Губернскаго Правленія).

³⁾ Впослѣдствіи, кажется со времени Петра Великаго, на козаковъ возложена была повинность—отбывать постой русскаго войска; но сравнительно съ посполствомъ, козаки несли эту повинность въ половинномъ размѣрѣ.

праву владѣть маестностями (помѣстьями), то старожилы села Горчаковъ (стародуб. у.) рассказывая, какъ одни остались козаками, а другіе попали въ посполитые, объясняли: „якъ ослѣли люде (послѣ Хмельницкаго войнѣ), тогда *можныйшіе написались въ козаки, а подальшіе остались въ мужикахъ*“⁴). Вотъ что было главнымъ основаніемъ для первоначальнаго двоенія малороссійскаго народа. И затѣмъ мы постоянно видимъ переходы изъ одного сословія въ другое, и чтобы показать, какъ мало на дѣлѣ разьединены были козаки отъ посполитыхъ, приводимъ здѣсь отрывки изъ „сказки“ (1722 г.) козаковъ села Коровинець (роменск. у.) о происхожденіи ихъ, начиная съ Хмельницкаго⁵).

1) Сказка подъ совѣстью Юска Юхты, козака старости глубокой: понеже не токмо имени его въ компутѣ сотнѣ роменской отъ начала козацтва его, но и компуту самого нѣтъ одѣ того времени⁶). Родился онъ Юско въ Коровинцахъ, а помнитъ Хмельницкаго гетмана старого... онъ Юхта принялъ сына мужичюу, зятя своего, на пляць (усадьбу) и щитить одѣ повинностей мужичихъ.

2) Иванъ Яковенко—поселился въ Коровинцахъ одѣ Хмельницкаго, на отчимовскомъ козакомъ грунтѣ, сыновъ съ нимъ 4 на единомъ пляцу, и зять *сынъ мужичій*, Иванъ Загребеленко.

3) Романъ Дубина старинный же козакъ, зайшоу въ Коровинцѣ, якъ Умань взята, зъ отцемъ своимъ, и поселились на козакомъ грунтѣ... Выселился же Романъ зъ пляцу отческаго *на грунтъ*

⁴) Книга генеральнаго свѣдѣнія о маестностяхъ въ стародубскомъ полку, 1729 г. Рукопись Стародуб. Уѣзди. Суда. При Хмельницкомъ же, какъ это видно изъ юридическихъ актовъ его времени, различіе между козаками и посполитыми не существовало. Въ универсалѣ своемъ Густынскому монастырю, Хмельницкій говоритъ: „жадали отъ насъ господинове отцеве монастыра общезителнаго Густынскаго, ижъ маючи отъ благочестивыхъ князей и пановъ побожныхъ надане не мало и грунту для выхованя мешкающихъ при томъ святомъ мѣстцу, того они приспособивши собѣ старанемъ и працею своею и грунтъ, и футора, а при пемъ и для помочи своей приспособили людей убогихъ, меноните на Машевцѣ. Предто просила насъ, *абы ль ижъ грунтювъ и футоровъ до войски козацкихъ ижъ не приймали...*“ 1648 г., 2 іюля. Арх. Черниг. Каз. Пал., связка документ. Густынск. монаст.

⁵) Арх. Григ. Ал. Милорадовича, которому я обязанъ сообщеніемъ многихъ интересныхъ памятниковъ украинской старины.

⁶) *Компутами* назывались козацкіе списки, реестры, замѣнившіеся съ 1723 г. ревизскими книгами.

землю *мужика Бережною*, давши староствовавшему Макгеровскому гривну, за Обѣдовской (владѣлицы села).

4) Федоръ Лаврикъ, козакъ; сыновъ оставивъ 4; служить козацко въ куренѣ, живутъ селитбою нарознь: Иванъ старѣйшій на Тишковскомъ дялковскомъ козакомъ *грунтѣ и тестя мужика принялъ, а тестевскимъ пляцомъ владѣть*. Матвѣй *купишь грунтъ у мужика Андрея Журавля*. Иванъ младшій—на Коноваловомъ *мужичомъ пляцу*. Андрей—на отповскомъ же *грунтѣ*.

5) Семень Бѣлокобила *сынъ мужичій, принять въ реестръ козацкій* чрезъ староствовавшаго Макгеровскаго, зкорумпованнаго одъ себе (подкупленнаго), и понявши дочь Терешка, тогда атамановавшаго, живъ и живетъ на родительскомъ *грунтѣ мужичомъ*.

6) Василь Дакало зъ братомъ Мискомъ и маткою, зъ-за Днѣпра за сотницства Максима ⁷⁾ покойнаго зайшли; и братъ безженный ходилъ зъ ѣдной хаты, подъ Чигиринъ и проч. походы, а Василь не былъ въ жадномъ походѣ; сидитъ отъ начала житія въ селѣ, купивши грунтъ у Крисы-рибалки, *мужика*.

7) Троцко Сидоренко, по родителю своемъ Божку, отъ Поволоцкой руины въ Коровинцѣ зашедшомъ и поселившемся на громадской землѣ и подъ Чигириномъ бывшомъ, который за Максима *въ мужики вписался*.

8) Грицко Коваленко, атаманъ нынешній, по родителю Федору Ковалю, за Самуйловича гетмана зъ Смѣлой зашедшомъ, который подъ Казикерменомъ взять въ неволю; не былъ нигде въ козацкой службѣ ни онъ, ни Охрѣмъ, братъ его младшій, доселѣ, и служить къ дворцу; поселився Грицко зъ волѣ державской, на мужичомъ Пригариномъ *пустомъ грунтѣ* ⁸⁾.

9) Ярема Старій, пришовши зъ Богуславля одъ Уманщины, поселився на Дейнечиномъ козакомъ *грунтѣ*, бувъ подъ Чигириномъ... По нюмъ Трохимъ, сынъ его, бувъ подъ Казикерменомъ и купивши *пляцъ у Чайки мужика*, за Обидовскаго, преселився на *оный*.

⁷⁾ Максимъ Иляшонко, сначала сотникъ роменскій, а потомъ полковникъ лубенскій (1683—1684 г.).

⁸⁾ Въ данномъ случаѣ—фактъ очень рѣзкій: атаманъ, т. е. представитель сельскаго общества козаковъ, „служить къ дворцу“, т. е. отбываетъ повинности наравнѣ съ посполитыми. *Доорномъ* назывался (и теперь еще въ нѣкоторыхъ старыхъ селахъ существуетъ это названіе) панскій дворъ, усадьба *владѣльца*

10) Ярема, старшій братъ Трохимовъ, поселился недавно, годъ три, *на державскомъ грунтѣ*, не бывалъ ни въ жадномъ походѣ.

11) Оедоръ, молодшій братъ Трохимовъ, построився недавно, *на державскомъ грунтѣ*, а не былъ нигде въ войску.

12) Василь Щербина, *сынъ мужичій*, по полтавской баталіи *утросился у козацтво* и живеть на мужичомъ отческомъ грунтѣ и дядка маеть Щербину мужика.

13) Тишко Безпалчій по Стефану дѣду своемъ, *войтомъ*⁹⁾ въ Коровинцахъ бывшомъ, котораго сынъ, а отецъ Тишковъ. Лиско *ходиль подь Чигиринъ* (т. е. былъ козакъ).

14) Иванъ Мичигъ купивъ хату у Навлихи, вдовичихи *козачки, на грунтѣ державскомъ выставленную* и живеть, *козачое имя носячи*.

15) Иванъ Кудлаенко по отцу, *подь Казикерменомъ бывшимъ*, а потомъ *съ мужики вписавшимся* и помершомъ; котораго matka выйшла было за козака; живеть на отческомъ грунтѣ, не купномъ— *державскомъ*.

16) Иванъ Высоцкій служиль зъ малыхъ лѣтъ у Максима, первого коровинского державцѣ, а по дошествіи лѣтъ, одружився и купивъ грунтъ у Товстяка мужика; былъ разъ, за Обѣдовского, подь Пещерами (т. е. въ походѣ).

17) Харко Величенко, отца своего Ивана, посылавшого одъ себе Хвеска братанича подь Паволочъ и самого подь Чигиринъ козаковашаго. переживши. даль Липевскому, старостѣ за Обидовского, три таляра и поселился на Науменковомъ *мужичомъ грунтѣ* и не былъ нѣтъ нигдѣ.

18) Михайло Рудій, зъ родителемъ Василемъ зайшолъ зъ Богуслава 50 лѣтъ тому, и *поселился било на державскомъ грунтѣ*, и былъ отецъ подь Каневомъ, подь Перекопомъ и подь Чигириномъ; а по отцу былъ Михайло самоволне подь Казикерменомъ, а оттоль нѣтъ нигдѣ; и *живеть самъ на грунтѣ державскомъ* въ другомъ мѣстцу и нашетъ грунтъ державскій.

19) Петра Скибы отецъ Яцко зъ дѣдомъ Петровымъ зайшовши зъ Масловки въ Коровинцѣ, перешолъ былъ въ Роменъ, а потомъ знову въ Коровинцѣ; ходивъ же Петро на Коломакъ и подь

⁹⁾ *Войтъ* завѣдывалъ сельскимъ обществомъ посполитыхъ и выбирался изъ нихъ же; *войты* были такими же представителями *носпольства*, какъ *аті-мамы — товариства*.

Казикермень ¹⁰⁾, а потомъ сталъ *посполитымъ* и рибалкою при дворцѣ.

20) Павло и Ѳедоръ Вѣлокуренки дѣда мѣли козака или мужика—вѣсть вѣдомо въ селѣ; а отецъ, ради свойства, за Максима (Илляшенка) *быль атаманомъ*; толко въ походахъ не былъ; однакъ Павло былъ подъ Казикерменомъ и подъ Рягою; а живутъ на грунтѣ отческомъ, одѣ ялового козака купномъ.

Изъ этихъ сказокъ хорошо видно, какъ спутаны были отношенія козаковъ и посполитыхъ и насколько двоеніе ихъ, какъ словій, было искусственно. Очень часто встрѣчаются примѣры (въ архивныхъ актахъ), что козаки, записанные въ компуты, явно оставляли свое сословіе и переходили въ посполитые, предпочитая „подданической“ быть воинской службѣ... И администрація, въ такихъ случаяхъ, подобнымъ переходамъ препятствовала не только очень рѣдко, но часто еще способствовала имъ, изъ личныхъ выгодъ. Въ 1680 г. Лазарь Горленко, прилуцкій полковникъ, объявлялъ жителямъ села Деймановки, что по гетманскому универсалу село это отдается „въ послушенство“ Густыньскому монастырю, и что онъ, заботясь о деймановскомъ товариствѣ, козакахъ, „абы онымъ не дѣялась кривда, изъ отцемъ игуменомъ розговорилъ—*а которые зъ доброй воли своей, за Третьякова полковництва (1671 г.) откинувшия зъ реестру нашего, сами добровольне монастыреви оповидалися служити*, тихъ теды мють, отставивши отъ своего послушенства и изъ реестру витерши, подъ монастырское начало подати, що южъ теперь жадець таковий, болше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуецъ послушанія” ¹¹⁾. А вотъ рассказъ, какъ сама администрація привлекала козаковъ въ „подданство“. Феско Смѣянъ, посполитый села Бурковки, сознавалъ подъ совѣстью, что передъ чигиринскимъ походомъ (1674 г.) „именно Радько атаманомъ бувъ въ Бурковцѣ, надъ козаками; а когда же покойній п. Бурковский (Василій Каспаровичъ, при Мазепѣ,—генер. обозный) застаючи сотникомъ выбельскимъ, увѣдомился о томъ, же есть листы (документы)

¹⁰⁾ „Ходилъ подъ Казикерменъ“, „быль подъ Чигириномъ“ и проч.—всѣ эти выраженія означаютъ, что такой-то былъ козакомъ, а не посполитымъ потому что отправлялъ воинскую службу.

¹¹⁾ Арх. Черниг. Казен. Пал., связка актовъ Густыньск. монастыря.

ихъ отческіе у Сипка осадчого¹²⁾ на с. Бурковку, того ради, прибывши п. Бурковскій до нихъ, тіе писма отъ нихъ отобралъ и того часу осадчому войтомъ приказалъ бути. А Радько атаманъ, собравшись съ козаками, тихъ же времянь, пану Бурковскому *въ подданствѣ привернулся и зостали (сдѣлались) посполитыми*. А сихъ козакѡвъ дѣды и отцы ихъ не похотѣли въ подданство привернутися и о томъ челобитствовали и до гетмана на пана Бурковского, а по челобитію томъ служили боярско¹³⁾ п. Бурковскому, а напотомъ въ посполитство привернени¹⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе такое двоеніе, по юридическимъ правамъ народа, было по-рукѣ тогдашней малороссійской администраціи: оно избавляло послѣднюю отъ всякихъ административныхъ трудовъ, представляя, съ одной стороны, готовыхъ и всегда усердныхъ ей, за привилегіи, воинѡвъ—*въ товариствѣ*, а съ другой—готовую и почти безотвѣтную землицу—*въ посполитствѣ*. Поэтому малороссійская администрація, какъ ни была она проста, поняла—какую

¹²⁾ Осадчими назывались *основатели* слободъ, тѣ, которые „садили слободы“ (Объ этомъ ниже).

¹³⁾ *Боярская служба*—служба дворовая, при лицѣ; козаки очень часто, людей не возей, поступали въ боярскую службу къ своей старшинѣ, за что послѣдняя обязывалась такимъ *боляремъ* своимъ покровительствомъ (протекціей).

¹⁴⁾ Арх. Марс. Колл. № 330. Приводимъ еще примѣръ, какъ самъ Подуботокъ, по предавію одинъ изъ лучшихъ людей Малороссіи XVIII в., дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ: „отецъ мой Алексѣй Дроздъ“, рассказываетъ одинъ козакъ въ 1729 г., „зайшовши зъ-за Кіева, зъ мѣстечка Василкова, полку Черниг., сотнѣ Городнянк., въ село Жабичи, жилъ на козацкомъ грунтѣ и бывалъ зъ козаками въ походахъ; а потомъ, продавши тотъ свой грунтъ ради убожества, пошолъ за границу и тамъ умеръ; по которой смерти я уже зъ братомъ своимъ, въ тое жъ село Жабичи пришовши, купилъ себѣ козацкіе плечи для житя и хотѣли козацкую службу служить, такъ якъ и отецъ нашъ; но повеже тое село было за разными пл. полковниками черняговскими въ подданствѣ и нельзя было такой силой власти противитя (ибо не толко намъ не возможно было, але *въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и лажилые, старые колыхи подвержены были имѣ въ подданство, а друіе въ боярскую службу*) того ради мусѣли условное отбывать подданскую повинность... Когда же бывшій сотникъ седневскій Петро Войцеховичъ взялъ за себе дочь покойного п. Подуботка, полковника черняговского, въ жену, оный Подуботокъ, имѣючи тогда зуполную власть, отдалъ ему, Войцеховичу зятевѣ своему, с. Жабичи въ придавшихъ; а за онымъ, будучи мы въ подданствѣ, не толко не могли по прежнему въ козацкомъ званіи быть, але и другихъ того села козакѡвъ, которые уставично козацкую службу прежде его вадѣвнѣя служили, подвернулъ до своего двора, въ приватное боярское послушаніе...“ Арх. Марс. Колл. № 192.

пользу можно извлекать из такого двоения народа, и поддерживала сначала это двоение, пока личные интересы членов этой администрации — войсковой старшины — не превозмогли над общественными ¹⁵⁾.

Такимъ образомъ, съ изгнаніемъ польскихъ пановъ, право послѣднихъ на поземельную собственность перешло къ „войску“; гетманъ, будучи представителемъ послѣдняго, могъ раздавать войсковую землю старшинѣ и рядовому товариству, за ихъ „войсковую“ службу. Посполство, жившее на такой землѣ, съ переходомъ ея во владѣніе одного лица, становилось въ обязательныя отношенія къ послѣднему, т. е. должно было за пользование землею отдавать *державити*, владѣльцу ея, извѣстную часть своего труда. Изъ такого посполства въ послѣдствіи и образовалось малороссійское крестьянство, какъ сословіе несвободное.

Войсковыя земли гетманъ сталъ раздавать, какъ только получилъ самостоятельную власть, т. е. начиная съ Хмельницкаго.

Хмельницкій раздачу земель началъ подтвержденіемъ прежнихъ поземельныхъ правъ—монастырямъ: такъ въ универсалѣ его 1648 г. читаемъ: „жадали отъ насъ господинове отцове монастыра общежителнаго Густинскаго, ижъ маючи отъ благочестивыхъ князей и пановъ побожныхъ христіанскихъ ктиторовъ, на церковь божию и на хвалу имени его святаго надане, за отпущеніе грѣховъ своихъ, не мало и грунту для выхованя мешкаючихъ при томъ святомъ мѣстцу,—того они приспособивши собѣ старанемъ и працею своею и грунту и футора, а при немъ и для помочи своей, приспособили людей убогихъ... предто просили насъ, абы зъ ихъ кгрунтовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не приймавали и ихъ грун-

15) Когда малороссійская старшина убѣдилась, что козачество, какъ сословіе воиновъ, со дня на день, стало терять свое значеніе, вслѣдствіе измѣнившихся историческихъ условий, и когда, вслѣдствіе послѣднихъ же, козачество это потеряло свою необходимость для поддержанія разныхъ партій, тогда малороссійская старшина начала сильнѣйшимъ образомъ эксплуатировать силы этого сословія, вербуя членовъ его разными неправдами въ „подданство“ и захватывая его земли только по праву сильного... И если бы русская администрація не поддерживала въ это время (преимущественно въ 1722—1752 гг.) козаковъ разными мѣрами (въ родѣ ревизіи 1723 г. и указа 1739 г. янв. 8, запрещавшаго козакамъ продавать свои земли), то имъ грозила участь одинаковая съ малороссійскимъ крестьянствомъ. Судьба малороссійскаго козачества, какъ сословія, можетъ быть предметомъ очень интересной монографіи для уразумѣнія гетманщины.

товъ, такъ лѣсовъ, яко и сѣножатей и пасѣкъ... што мы на ихъ прозбу, яко богомольцевъ своихъ, вцале, безъ жадного нарушенія, заховеми подь ласкою нашею“¹⁶⁾. Сколько видимъ изъ подобныхъ актовъ, почти всѣ монастыри получили такія подтвержденія.

Затѣмъ Хмельницкій утвердилъ поземельныя права тѣхъ изъ прежнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые помогали ему въ войнѣ за освобожденіе; такъ, напр., въ 1656 г. Хмельницкій утверждаетъ за братьями Рубцами нѣсколько селъ, которыми они владѣли и за поляковъ: „маючи взглядъ на пановъ Рубцовъ, Михайла и Илию. и на прислугу ихъ у войску нашомъ Запорожскомъ, подалисьмо имъ въ посессию села Курозново, Раженичи и друг. *маетности ихъ властными*, въ повѣтѣ стародубовскомъ будучи“¹⁷⁾. Въ другомъ универсалѣ его же, 1657 г., читаемъ, что „позволилъ де онъ гетманъ, шляхтѣ, якую Богъ всемогущій до войска Запорожского наклонилъ, маетностей кгрунтовъ ихъ власнихъ уживать, якъ издавна они уживали“¹⁸⁾.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ уже непрерывный рядъ гетманскихъ и старшинскихъ универсаловъ (преимущественно полковничьихъ), универсаловъ на маетности, за войсковыя заслуги.

Для насъ интересно прослѣдить, по этимъ актамъ, въ какое положеніе ставили жалованные универсалы къ державцамъ той или другой маетности—посполитыхъ, населявшихъ эту маетность, чтобы опредѣлить отношенія между державцами и посполитыми, жившими въ ихъ маетностяхъ.

Для этого приводимъ рядъ отрывковъ изъ сихъ универсаловъ:

1) Универсалъ Богдана Хмельницкаго 1657 года: „маючи мы особливий взглядъ на п. Павла Ярмултовского, симъ листомъ нашимъ приворочаемъ село его власное Вербичи названное, также въ селе Горбове волокъ шесть; мѣти теди хочемъ и сурово розказуемъ, абы жаденъ зъ старшины и черни войска нашего Запорозкого найменшого пренагабана въ держаню тихъ селъ помененному п. Ярмултовскому чинить не важился“¹⁹⁾.

¹⁶⁾ Арх. Черниг. Казен. Пал., связка актовъ Густыиск. монаст. Тамъ же хранятся подобные акты и другихъ монастырей.

¹⁷⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, изд. Арх. Ком., III, 545.

¹⁸⁾ Арх. Мѣрс. Кол., № 4712.

¹⁹⁾ Сборникъ универсаловъ на маетности, рукопись Черниг. Каз. Пал. Въ подтвердительномъ универсалѣ на село Вербичи, данномъ Многогрѣшнымъ вдовѣ Ярмултовскаго, въ 1670 г., прибавлено: „войтъ zase тамошній зо есьми

2) Универсалъ Выговскаго 1659 года: „маючи особливый взглядъ на значіе въ войску Запорозкомъ п. Ивана Домонтовича, сотника слабинскаго, заслуги, надаемъ оному двѣ села: Смолинъ и Максимъ, лежаціе въ воеводствѣ и полку черниговскомъ, въ которыхъ сель такъ обняту, яко держаню и пожитковъ уживаню, абы наименшее не узнавалъ перешкоды и жаденъ зъ старшины и черни до помеченныхъ сель и всихъ принадлежностей втручатись не важился“²⁰⁾.

3) Универсалъ нѣжинскаго полковника Василя Золотаренка 1662 года: „поглядаючи услуги одъ п. Марка Кимбаровича на разныхъ службахъ отдаваніе, даемъ оному на вживлене село Березу, въ сотнѣ глуховской будучое, зачимъ приказуемъ, абы вуйтъ и вся громада березовская помененному пану Маркови Кимбаровичови, товаришу полку нѣжинскаго, *належное послушество, туи звяклой повинности, отдавала.*“²¹⁾

4) Универсалъ Многогрѣшнаго 1669 года: „показоваль и освѣдчалъ намъ пречесній въ Богу господинъ отецъ Лаврентій Касперовичъ, священникъ на тотъ часъ и капелянъ нашъ войсковый, унѣверсалъ антecessоровъ нашихъ на селце Дурнѣ, просячи насъ, абысмо при томъ селци заховали; и мы оное селцо Дурнѣ, яко ся въ собѣ маеть, отцу Лаврентію Касперовичу приворочаемъ и надаемъ, позволивши, яко посессорови, зъ Дурневъ вшелякіе приходячіе пожитки отбирати...“²²⁾.

5) Универсалъ Самойловича посполитымъ села Вишенекъ, 1680 года: „вамъ, войтови и всемъ громадскимъ посполитымъ людемъ села Вишенокъ обивателямъ, ознаймуемъ, ижъ зъ респекту нашего рейментарскаго пану Ивановъ Ломѣковскому, товаришеви войсковому... подалисмо у власть и въ завѣдованіе село Вишенки до ласки нашей войсковою, отколь маеть быти ему п. Ломѣковскому до испартя господарства всякая услуга и вигода: теѣди приказуемъ пилно, абысте вы, вуйтъ и всеѣ громадскіе люде вишенекіе, ему п. Ломѣковскому *во всемъ, якъ оказуетъ звычай, отивали послушество и повинность.*“²³⁾

мужами села Вербокъ, абы нѣкому нишому, опричь ей самой (вдовѣ) не отдавалъ жадного послушенства, аде оной намъ *Ирмудловской во всемъ ся повинности.*“

²⁰⁾ Тамъ же.

²¹⁾ Тамъ же.

²²⁾ Тамъ же.

²³⁾ Тамъ же.

6) Универсалъ его же, 1681 года: „надаемо п. Константиновъ Ивановичу (Голубу) бунчучному войсковому енералному, взглядомъ значныхъ его при боку нашомъ услугъ, звѣрхностю нашею рейментарскою, село Подоловъ, въ сотнѣ крелевецкой лежачое, *позволяючи оному тою села жителей тяглыгъ такъ до правоваия урблѣ, яко и до иншихъ своихъ потребъ заживати...* они зась селяне подоловскіе тяглые абы во всемъ, що прозвойтость несетъ, ему п. бунчучному отдавали послушенство“²⁴⁾.

7) Универсалъ его же, 1682 г.— „респектуючи на старинные въ войску Запорожскомъ заслуги п. Федора Жученка, которіи зъ молодости лѣтъ своихъ до самой сивизны во всякихъ оказіяхъ военныхъ значние оказывалъ праці, надаемо оному въ послушенство село Жуки, якъ ся въ собѣ маеть... *всѣхъ людей тяглыхъ, жеби оттоль онихъ при своей старости, такъ въ кошениу сѣва, якъ и въ иншихъ господарскихъ потребахъ, моглъ мѣти помочь, мѣти теда хочемъ и приказуемъ, абы люде тамошніе тягліе ему безъ противности были послушны,* иначей не чинячи“²⁵⁾.

8) Универсалъ Мазены, 1687 года: „пана Тимоша Улѣзка, урядъ хоружества, тоестъ значокъ полковій, мѣбочого, до праці дальшон заховуючи, заховуемъ при немъ село Рохмановъ, зо всеми до того села принадлежитостями... *войтовъ приказуемъ, абы всякое послушенство зъ посполитими людьми отдавалъ безъ суржи* ему п. Улѣзковъ“²⁶⁾.

9) Универсалъ его же, 1694 года: „маючи мы пана Михаила Гамалѣю, значного товариша войскового, въ особливой ласце нашей гетманской, такъ взглядомъ его самого добре къ войску Запорожскомъ отправуючихся услугъ, яко и взглядомъ того, же передъ тымъ дѣдъ его славное памяти годніе въ томъ же войску ронилъ праці и труды, а теперь его отецъ, п. асаулъ нашъ воесковій енеральній, пристонніе по себѣ показалъ дѣлности, надаемъ ему п. Михаилу... село Ивахники, зо всеми принадлежитостями, въ уездѣ лохвицкомъ будучое, позволяючи ему тымъ селомъ владѣти и *всякое отъ людей посполитыхъ послушенство и дорочную повинность отбирати:* мѣти теда хочемъ и приказуемъ, абы ему п. Михаилу Гамалѣи войтъ оною села *со всеми посполитими тяглыми людьми,* опрочъ

²⁴⁾ Черниг. Губ. Вед. 1858 г., № 12.

²⁵⁾ Сборникъ универсаловъ Черниг. Каз. Пал.

²⁶⁾ Арх. Марс. Кол., № 757.

козаковъ, якіе мають быти ненарушне захованы при своихъ козацкихъ волностяхъ, *абы ему во всемъ повиновалися и належитое послушенство отдавали*“²⁷⁾.

10) Листъ стародубскаго полковника Миклашевскаго 1697 года: „респектуючи на вѣрніе и радѣтелніе п. Ивана Булашевича, товарища значнаго нашего войскового, въ дѣлѣхъ войсковыхъ прислуги, позволилисмо ему село Косачи, въ сотни почеповской, въ державѣ мѣсти до волѣ и ласки самого ясневелможнаго добродѣя его мил. п. гетмана; *войтъ косачовскій съ громадою*, окромъ козаковъ, повиненъ ему п. Ивану Булашевичу *всякое належное отдавать послушенство*“²⁸⁾.

Мы видимъ, что въ универсалахъ Хмельницкаго и Выговскаго нѣтъ упоминаній о „послушенствѣ“ крестьянъ, населявшихъ ту или другую маетность. Но уже въ 1662 г. крестьянамъ ясно предписывается—быть послушными владѣльцу маетности и отбывать въ его пользу обычную (звизлую) повинность. За тѣмъ, въ послѣдующихъ универсалахъ—посполитые крестьяне, безъ всякихъ исключеній, обязываются послушаніемъ владѣльцу (державцѣ) населяемой ими маетности.

Въ тѣхъ же отрывкахъ изъ жалованныхъ универсаловъ мы видимъ вездѣ названіе *тяглыхъ* крестьянъ. Тяглыми крестьянами вообще назывались тѣ, которые имѣли осѣдлость, т. е. грунтъ (усадыбу), полевою землю и рабочій скотъ. Тяглыми (по литовск. статуту—*отчинными*) крестьяне назывались въ отличіе отъ *лѣзныхъ*²⁹⁾ крестьянъ, которые не имѣли осѣдлости и переходили съ мѣста на мѣсто, пока не оселялись гдѣ-нибудь на „слободѣ.“ Середину межъ тяглыми и лезными занимали—*огородники*, имѣвшіе одну усадьбу, съ огородами, безъ полевой земли. Быть тяглыхъ и огородниковъ мало чѣмъ разнился между собой; первые были зажиточнѣе и жили хлѣбомъ, зарабатываемымъ на своей землѣ; между тѣмъ огородники зарабатывали хлѣбъ на чужой землѣ: имѣвшіе скотъ—*половинциною*, а не имѣвшіе его—*скотциною*. Такимъ образомъ малороссійскіе

²⁷⁾ Въ моемъ собраніи.

²⁸⁾ Арх. Млрс., № 8757. Мы не приводимъ здѣсь царскихъ жалованныхъ грамотъ, такъ какъ онѣ давались преимущественно на основаніи гетманскихъ универсаловъ и заключаютъ въ себѣ, большею частью, дословное повтореніе этихъ документовъ.

²⁹⁾ Происхожденіе этого названія отъ польскаго *luźny, lóźny*—празднопатающійся, свободный.

крестьяне, по особенностямъ своего экономического быта, дѣлились на *тяглыхъ, огородниковъ и лѣзныхъ*.

Получивъ, по универсалу, маетность, державца получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ право и на „послушенство“ тѣхъ крестьянъ, которые имѣли въ этой маетности свои осѣдлости, т. е. тяглыхъ и огородниковъ. Но границы „послушенства“, какъ мы видѣли, ясно не обозначались (*всякое належное послушенство* и только) и эта неопредѣленность въ отношеніяхъ между державцей и его новыми подданными веда за собой неминуемые межъ ними споры.

По „надачѣ“ гетмана, державца получаетъ маетность, село или другую населенную мѣстность, со всѣми къ ней принадлежностями, т. е. поземельными и водяными угодьями, и право на послушенство осѣдлыхъ крестьянъ—жителей этой маетности.

При этомъ у крестьянъ возникаетъ два вопроса: 1) получаетъ ли державца, вмѣстѣ съ маетностью, право собственности на земли, находящіяся во владѣніи у нихъ, у крестьянъ? 2) Какого рода послушенство должны отдавать они, крестьяне, державцѣ ихъ маетности?

Юридическое рѣшеніе этихъ вопросовъ было трудно уже и потому, что Малороссія, отбившись отъ поляковъ, отринула общенароднымъ голосомъ всѣ прежнія формы юридической жизни: соглашаясь на подданство русскому царю, Хмельницкій—отъ лица народа—первымъ пунктомъ акта о присоединеніи Малороссіи поставилъ подтвержденіе „правъ и вольностей войсковыхъ, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ Запорожскомъ, что своими правами суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ (имуществахъ) и въ судахъ“³⁰⁾. Для юридическаго опредѣленія правъ и вольностей „войска“ приходилось обратиться къ неписаннымъ установленіямъ Запорожской сѣчи, съ которою, какъ мы уже видѣли, стало связывать свое происхожденіе новое „войско Запорожское“, т. е. привилегированная часть народа, населявшего лѣвый берегъ средняго Днѣпра. Но установленія Запорожской сѣчи, какъ товарищества бездомниковъ, далеко не могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ гражданственнаго общества. Обращаться къ исторіи края народъ положительно не желалъ: она представлялась ему въ неразрывной связи съ польскимъ гнетомъ и тѣмъ самымъ отталкивала отъ себя

³⁰⁾ Бавт.-Кам., Исторія Мал. Россіи, I, примѣч. 323.

народную память³¹⁾. Сборникъ югозападныхъ русскихъ законовъ. Литовскій Статутъ, затертъ былъ, въ памяти народной, польскимъ произволомъ до такой степени, что къ нему обратились не ранѣе конца XVII в. Однимъ словомъ, приходилось создавать новыя установленія и создавать ихъ осторожно, не задѣвая слабыхъ струнъ едва успокоившагося народа; необходимо было громко говорить о „правахъ и вольностяхъ, какъ изъ вѣковъ бывало“, а только въ тиши и незамѣтно воссоздавать опредѣленные формы для гражданской жизни народа, разумѣется, руководясь при этомъ исторіей края. При такомъ положеніи дѣла, крестьяне не могли помириться съ мыслью, чтобы та земля, которую они сами, съ огромными жертвами, отбивали у поляковъ, могла быть передана всецѣло въ руки державцы, а они сами могли сдѣлаться его „подданными“. Вся борьба съ поляками иначе и не представлялась народу, какъ борьбою за свободу отъ всякихъ притѣсненій польскихъ пановъ. А тутъ, вслѣдъ за послѣдними, народу навязывались новые *паны*.

Народъ, живо помня войну Хмельницкаго, изгнаніе крупныхъ землевладѣльцевъ и свое разселеніе затѣмъ на земляхъ уже *своими*, считалъ поземельныя права свои крѣпкими.

Дѣйствительно, если мы рассмотримъ особенности исторіи поземельной собственности въ Малороссіи, начиная съ Хмельницкаго, то эти воззрѣнія народа представляются намъ еще яснѣе.

Когда поляки были изгнаны изъ Малороссіи, право на землю перешло отъ нихъ, какъ мы видѣли, къ „войску“. Но населеніе Малороссіи въ то время было такъ незначительно, что множество земель находилось „впустѣ“³²⁾. Вотъ на этой-то свободной землѣ

31) Въ 1692 г. Мазепа писалъ въ Москву о малороссійскихъ питейно-откупныхъ арендахъ: „множкратно съ старшиною и съ полковниками говорили, чтобы какимъ нибудь инымъ, а не арендовымъ способомъ сборъ денежный постановили, (а) аренду тое оставить; потому что та аренда здѣсь, въ малороссійскихъ городахъ, не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самимъ именемъ изъ давныхъ временъ (частью для того, что при польской державѣ жида оною владѣли и многія вымышленныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестья и хулы“, Читенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1859 г., кн. I, отд. ij, стр. 6.

32) Цѣлыя слободы сажались на такихъ пустыхъ земляхъ, и никто изъ тѣхъ, за кѣмъ послѣднія считались, не спорилъ противъ этого, такъ какъ въ землѣ недостатка не было. Вотъ напр. рассказъ жителей села Порохни (Новгородсѣв. у.) 1705 г.—„люде старожитіе до Хмельнитчины въ селѣ Порохнѣ мешкаючіе, признавали подъ сумленемъ такъ: когда, мовить, еще лядская дер-

и стали разселяться народъ, ужъ не стѣняемый польскими панами, стараясь выбирать угодья привольныя и удобныя. Кромѣ того, съ половины XVII в., жители праваго берега Днѣпра стали непрерывно переходить въ лѣвобережную Малороссію, избавляясь отъ польскихъ угнетеній; этимъ переселенцамъ предоставлялось тоже полное право занимать, подъ свои оубдлости, вольныя мѣста, такъ какъ послѣднихъ было много и заселенія эти никого не стѣняли³³). Отсюда первоначальная поземельная собственность въ Малороссіи возникла на правѣ свободнаго займа земель (*займанщины*). Всякій воленъ былъ занимать порожнія земли и если, приэтомъ, не возникало споровъ отъ сосѣдей, то владѣніе такою землей, тѣмъ самымъ, становилось крѣпко³⁴). За утвержденіемъ такихъ займокъ

жава тутъ была, именно нѣякогось Пѣсочинского, въ той часъ кгрунтамъ порохонскимъ отъ грунтовъ села Знобы межа была—протучокъ Красничинъ, и по той протучокъ грунта *сливали* порохонскіе, до того часу поки Чернацкая слобода въ владѣніе катедрі чернѣговской не досталася. А якъ скоро Чернацкая слобода подана катедрѣ въ подданство, въ той же часъ грунта наши порохонскіе по протучекъ Краичинъ отъ селянъ нашихъ отобрано и привернено оные до слободы Чернацкой; и уже подъ сорокъ лѣтъ жители слободы Чернацкой теми грунтами, въ порохонціовъ отобраными, владѣють; и наши, мовить, селяне порохонці въ тие свои грунта нѣ въ той часъ не вноминалися, а нѣ теперь въ оные втручаются; бо тие порохонскіе отобраные грунта до слободы Чернацкой *гуляше были, а не заживаніе; тилко порохонскими слили*, по межѣ старинной, за лядзкой держави вчининной. Арх. Черниг. Каз. Пал. Докум. Борисоглѣбск. монаст., № 64.

³³) Съ освобожденіемъ Малороссіи отъ поляковъ, населеніе ея стало увеличиваться ежого ными переходами сюда жителей праваго берега Днѣпра, Заднѣпровской Украины, и верхняго по-Днѣпровья, т. е. настоящей Вѣлороссіи. Объ этихъ переходахъ постоянно находимъ свѣдѣнія въ разсказахъ старожиловъ к. XVII и нач. XVIII в., когда они, при слѣдствіяхъ, разсказывали свое происхожденіе. Напр.: Павленко подъ сумленемъ сознался, что изъ-за Днѣпра, изъ Ловкова дѣдъ его, пришедши въ Бурковку, на слободу оубль⁴ и т. д. Но особенно сильнѣй приливъ народонаселенія съ праваго на лѣвѣйй берегъ Днѣпра, послѣдовалъ послѣ разоренія Заднѣпровской Украины турками, въ 1674 г., когда народъ „многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирався и болесиними сердцами, а слезоточительными очима вѣчне зъ своими красными тамошними селеніями и угодіями пожегнавшися (простившись), що живо на сюю Днѣпра сторону перебирался и *иде гулябя*, по разнѣхъ сегобочнихъ полкахъ украинно-малороссіискихъ, для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣстца“. Величко, II, 356.

³⁴) Вотъ разсказъ старожиловъ (1738 г.) села Черториговъ (Глух. у.) какъ заняты были земли юго-западной части Глуховскаго уѣзда: „зъ давнихъ времѣнъ, чему назадъ будетъ болѣе 50 годовъ, начавши отъ села Чарторѣйки ажъ

письменными документами къ войсковой старшинѣ обращались рѣдко, развѣ въ мѣстахъ густо населенныхъ, гдѣ земля цѣнилась дороже; но и въ сихъ случаяхъ займки утверждались безъ формальностей и затрудненій, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго документа 1676 года: „ознаймоваль передо мною Яремѣемъ Андрѣвичомъ, сотникомъ батуринскимъ, Пархомъ Перека, обыватель въѣзду нашего зъ Митченокъ батуринского, ижъ *закотилъ* сѣножать на Тютчи прозываемой, лежачую подлѣ Гаджели, на которую то сѣножать упросилъ насъ урядове, абы нихто ему жадною перешкою не билъ въ кошеню зъ обывателей митченскихъ, такъ и иныхъ людей, бы жадной нихто не мѣлъ утиски до тоей сѣножати; а ежели бы хто малъ отдаляти Пархома Переку вишепоименнаго, на таковаго заруки покладаемъ до шкатули войсковой талярей сорокъ и комшинъ въ флякѣ сто. Для лѣпшой засъ певности казалеми и печать свою приложить“³⁵⁾. Самъ народъ хорошо помнилъ, до поздняго времени, такое *займочное* возникновеніе поземельной собственности въ Малороссіи: въ концѣ XVIII в. возникъ споръ за земли между козаками села Повошичъ и Новгородсѣверскимъ Спасскимъ монастыремъ; монахи требовали у козаковъ письменныхъ документовъ на право ихъ владѣнія, и когда не удовлетворились представленными, въ родѣ вышеприведеннаго, то покошицкіе козаки въ защиту свою говорили: „когда, при помощи Божіей, малороссіане зъ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ держави польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха великаго государя Алексея Михайловича, въ тую пору на обихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіанъ сподная и общая,

до Воронѣжа, была все *пуши волна*, къ какой пуши и села селились, а именно: Чарторига, Дубовичъ, Землянка и иніе села въ близости найдуючіяся, и всѣмъ было водно въ тую пушу вѣдять—и хати съ оной пуши ставили. *А когда намножилась въ селахъ людей и вже оную пушу гораздо вирубили, то въ то время воронѣжи и иніе сель знатнѣйшіе и старшійшіе обыватели начали занимать и окоповать займи, всякъ по возможности своей, что и не возбранно имъ было.* А отъ шляху, идучого отъ Чарториги поузъ села Землянку и Дубовичъ, по лѣвой сторонѣ, а зъ другой сторонѣ, отъ окопу воронѣжскаго ажъ по шляхъ кролевецкій, по общему всѣхъ сельянъ согласію, опредѣлено чагарники убогимъ людямъ и будетъ онихъ чагарниковъ верстъ на десять; и въ тѣхъ чагарникахъ безъ вѣдома сельянъ занимать и окоповать займи было запрещено. Арх. Млрс. Кол., № 9135.

³⁵⁾ Въ моемъ собраніи.

потамисть, покамисть они первѣе—подъ полки, а въ поляхъ подь сотнѣ, а въ сотняхъ подь мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подь свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и *потому сталися вси добра (имѣнія) малороссіянамъ быть властными чрезъ займы*. Оніе жъ займы свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе—копцами обносили и рвомъ окопували, кляками ³⁶⁾ ограничили и что хотѣли въ тѣхъ займахъ строили, гаи возвращали и сади заводили, футори, слободы, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ користь приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мельницъ мѣста, тамъ оніе строили“... ³⁷⁾.

Въ этомъ разказѣ—полная исторія поземельной собственности въ Малороссіи.

Такимъ образомъ тяглые крестьяне, становясь въ роль „подданныхъ“, прежде всего не соглашались съ державцею на счетъ своихъ поземельныхъ правъ. Державца считалъ себя полнымъ владѣльцемъ *всѣхъ земель* (кромѣ козачьихъ, разумѣется), входившихъ въ границы полученной маестности, не исключая и земель, находившихся у крестьянъ. Крестьяне же съ этимъ никакъ не хотѣли соглашаться, опираясь на фактъ своего безспорнаго владѣнія, по наслѣдству отъ отца къ сыну и т. д. ³⁸⁾.

Кто же былъ правъ?

Когда судебной власти приходилось разрѣшать землевладѣльческіе споры крестьянъ съ державцами, то она *ссылалась сначала на обычай*. Такъ, въ 1708 г., Мазепа писалъ монастырскимъ крестьянамъ села Уланова (глуховскаго уѣзда)—„жителемъ улановскимъ подданнымъ прежде катедральнимъ чернѣговскимъ, въ прочку увойшовшимъ въ зарубежніе села, ознаймуемъ, ижъ ясне въ Богу преосвященный его мил. отецъ архіепископъ чернѣговскій доносилъ намъ, что вы зъ своего легкомыслія, удалившиися зъ тоей до ка-

³⁶⁾ Кляки—знаки на деревьяхъ, зарубки, для опредѣленія границъ лѣсовъ.

³⁷⁾ Арх. Черниг. Каз. Пал., связка актовъ Новгородсѣверскаго Спасск. монаст. Выпись изъ дѣла монастыря съ козаками с. Покошиць, за пуцу, 1773 г.

³⁸⁾ При продажѣ своихъ земель, посполитые крестьяне основывали свое поземельное право на безспорномъ наслѣдствѣ, „изъ дѣда и отца“; напр.: „Юяхимъ Швець, посполитий житель села Пleshивца, продалъ лѣсъ свой зъ лукою до Камяного, камявскому попу Моисѣю Нек пѣлому... а взялъ я отъ него денегъ готовихъ рублей 12, да телницю третяку и овецъ двѣ; а *тотъ грунтъ* у мене *дюдизный и отческій*“. 1727 г. Арх. Мирс. Кол., № 380.

тедри чернѣговской належачой маетности за границу, и грунта позосталіе свои продаете, поля, туда приежаючи, засѣваете и засѣвки зъ копи жати позволяете и всякіе пожитки, власне якъ тамъ живучи, зъ своихъ угодій отбираете, що яко не слухне и *праву здавна ухваленому противно дѣется*, такъ мы вашъ тотъ самовольный поступокъ сурово ганячи, пыльно упоминаемъ и подь жестокимъ каранемъ приказуемъ, абысте до тихъ своихъ позосталихъ грунтовъ одъ сего часу жадною мѣрою не интересовалися... *поневажъ всюды такое обыкновеніе есть, же по одейлихъ на иншіе мѣйса для житія подданнихъ, курнта ихъ на державцовъ спадають, а оны тратятъ свою сукцессію*³⁹⁾. Позднѣе, когда время потребовало отъ судебной власти большей точности въ ея приговорахъ, державцы въ своихъ спорахъ съ крестьянами стали опираться на писанный законъ, на Литовскій Статутъ. Въ 1737 году, писарь крелевецкой сотни Климъ Мосцѣпанъ продалъ свою ниву козаку и когда послѣдній хотѣлъ было пахать эту ниву, то его къ тому не допустила вдова генеральнаго судьи Чарныша, на томъ основаніи, что отецъ продавца „въ подданствѣ ея, паней Чарнышевой, по смерть свою обрѣтался, чего-для и оной сѣнжати, яко подданнической, безъ вѣдома ея, паней Чарнышевой, владѣлицы своей, продавать на сторону весьма ему, писару, не подлежало“. Мосцѣпанъ возразилъ было, что юридическое „подданство“ отца его никакими актами не можетъ быть доказано, на что слѣдователь отвѣчалъ, что такое возраженіе ничего не доказываетъ, „понеже во всей Малой Россіи таковыхъ крѣпостей, чтобъ именно въ оныхъ крепостяхъ подданныхъ упоминать, не водится, ибо *все владѣльческіе подданные въ жилии своемъ, кромъ грунтовъ и друиыхъ недвижимостей, въ Малой Россіи свободны суть*“. А такъ какъ фактическое „подданство“ отца Мосцѣпана не отвергается и самимъ отвѣтчикомъ, то Климъ Мосцѣпанъ земли своей, прибрѣтенной отцомъ его въ подданническомъ состояніи, продавать на основаніи разд. IX арт. 27 Литовск. Стат.,⁴⁰⁾ не имѣлъ права и спорная нива отсуждена была

³⁹⁾ Арх. Черниг. Гав. Пал., документы Борисоглѣбск. монаст., № 196.

⁴⁰⁾ Актъ моего собранія. Приведенный артикулъ Статута говорить: „устанавливаемъ, какъ въ бояръ и въ людей простыхъ, княжескихъ, паянскихъ и змянскихъ никто земли закуповати, а ни на лето ку паханью наймовати не масть, безъ воли пана его; а если бы хто въ чужого человека землю безъ воли пана его закупилъ, або нанялъ и што на ней посеялъ, теды тое сеянье и пенсизы тратятъ“.

вдовѣ Чарныша. Мосцѣпанъ долженъ былъ уступить свою ниву *законнымъ образомъ* вдовѣ Чарныша, не смотря даже на то, что, будучи сотеннымъ писаремъ, онъ, тѣмъ самымъ, былъ уже козакъ. Здѣсь мы видимъ примѣръ, что Статутъ превозмогъ обычное право потому только, что законъ этотъ, въ данномъ случаѣ, согласовался съ интересами класса, завѣдывавшаго судебною властью. Но тотъ же самый законъ и въ рукахъ той же судебной власти—терялъ свою силу, когда онъ противорѣчилъ интересамъ самихъ судей: въ 1720 г. совершена была *урядовая* купчая въ конотопской ратушѣ, по которой „Остапъ Шматко, житель с. Поповки, *подданный* ясновельможного добродѣя его милости пана гетмана, спродалъ свой власній отцовскій дворъ, именно хату зъ коморою и пляцемъ въ Поповцѣ, велможному его милости пану Юану Чарнышу, судіи войсковому енералному, за власную суму монети доброй личбы литовской, готовіе гроши талярей двадцать“⁴¹⁾. Наконецъ, вдова Чарныша, не признавая за Мосцѣпаномъ права отчужденія земли, ссылается на арт. 27 розд. IX; а въ 1776 г., при передачѣ пожалованныхъ Екатериною II Румянцеву, въ Малороссіи, имѣній, назначенная для сего отдаточная коммисія, приводя въ извѣстность, между прочимъ, земли, принадлежавшія къ селу Литвиновичамъ, нашла, что нѣкоторые посполитые крестьяне этого села распродали свои земли разнымъ лицамъ, на что послѣднія представили и купчія, писанныя при „людяхъ зацнихъ“. Коммисія не признала этихъ документовъ, основываясь уже не на арт. 27 розд. IX, а на арт. 2 розд. VII, т. е. за несоблюденіе судебныхъ формальностей: купчія были *не урядовыя*, а домашнія⁴²⁾.

Этими фактами мы хотѣли показать, что державцы, предъявляя и защищая свои права на посполитскія земли, руководствовались, при этомъ, очень шаткими основаніями, которыя постоянно встрѣчали фактическое противорѣчіе; но такъ какъ съ вопросомъ о крестьянскихъ земляхъ связывались важнѣйшіе имущественные интересы войсковой старшины (которая и составляла державцевъ), завѣдывавшей въ то же время и судебною властью, то такъ или

⁴¹⁾ Актъ моего собранія *Урядовая* купчая (совершенная на урядѣ, т. е. въ судебномъ мѣстѣ) составляла актъ юридически безспорный; она должна была совершаться не иначе, какъ съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, закономъ установленныхъ.

⁴²⁾ Дѣло Марс. Код. 1770—1776 г., № 117, связка 20.

иначе крестьянамъ приходилось уступать въ своихъ поземельныхъ правахъ, пока время не рѣшило окончательно—силою ежедневнаго факта—вопросъ этотъ въ пользу державцевъ.

За симъ постараемся опредѣлить тѣ формы, въ которыхъ выражалось „послушенство“ посполитыхъ крестьянъ къ ихъ державцамъ.

Сколько можно видѣть изъ актовъ, крестьянскія обязанности, въ отношеніи къ державцѣ, первоначально ограничивались—гаченіемъ плотинъ, уборкою сѣна и доставкою дровъ. На такое ограниченіе крестьянскихъ повинностей мы, дѣйствительно, находимъ указаніе въ нѣкоторыхъ универсалахъ ⁴³⁾. Въ этихъ обязанностяхъ, кажется, и ограничивалось крестьянское послушенство, т. е. державца могъ требовать отъ крестьянъ только извѣстной помощи въ своемъ хозяйствѣ, но не безусловнаго подчиненія. Но такъ какъ въ роль державцевъ вступала преимущественно войсковая старшина, то, пользуясь своею властью, она безъ труда переходила границы такъ неопредѣленно обозначеннаго послушенства. На дѣлѣ такъ и вышло: незамѣтно державца маестности сдѣлался, сверхъ того, и „паномъ подданныхъ“. Народъ, какъ видно, не сразу помирился съ своимъ подданничествомъ и громко жаловался на произволъ старшины. Объ этомъ сохранилось интересное извѣстіе въ донесеніи Мазепы царямъ 1692 г. Какъ видно, народныя жалобы на произволъ державцевъ достигли до русскаго правительства, которое просило у гетмана по сему дѣлу объясненія. Мазепа писалъ: „пресвѣтлѣйшіе великіе государи наши, превысокимъ своимъ разумомъ разсуждаючи о маестностяхъ, разнымъ особамъ даныхъ, что происходятъ межъ народомъ посполитымъ воля и пререканія, изволили милостиво указать—о маестностяхъ учинити разсужденіе“. И далѣе: „о отданныхъ маестностяхъ разнымъ особамъ такъ у себя мы, гетманъ съ старшиною и съ полковниками, разсудили: которые

⁴³⁾ Въ универсалѣ Самойловича 1679 года: „маючи мы респектъ на годныя заслуги п. Федора Кандибы, позволилисмо ему завѣдовати и владѣти людьми тими, якие съ того боку Днѣпра зайшлими будучи, около хутра его, въ селѣ Семяновцѣ, за речкою повседали... которые то люде повинны ему п. Кандибѣ якъ до возжена дровъ, такъ и до кошеня и прятанья сѣна быти ему послушны“. Арх. Млрс. Кол., № 10. См. также въ приведенныхъ отрывкахъ изъ универсаловъ, №№ 6 и 7, стр. 15.

особы еще въ войску и въ народѣ мнятца быти къ службѣ не годны, а за нашими универсалами къ маестностямъ приобщилися, тѣхъ угодно бы отъ того владѣнія отставить. И какъ уже нѣкоторыхъ такихъ въ полтавскомъ полку отъ маестностей отставили есмы, во время бытности нашей въ томъ городѣ, и тѣ маестности въ общую городовую власть превратили, *уоуждая тому, дабы посполство пререканій не чинило.* А которые особы, при нашихъ гетманскихъ универсалахъ, сподобилися на такія жъ дачи, въ универсалахъ нашихъ именованныя, получить милостивыя ихъ царского пресвѣтлого величества жалованные подтврждательные грамоты, тѣхъ мы отъ наданія отдаляти не смѣемъ... ⁴⁴⁾ О томъ отбираниі грамотами утвержденныхъ маестностей, какъ о не маломъ дѣлѣ, просимъ мы, гетманъ съ старшиною, съ полковниками и съ войскомъ Запорожскимъ, милостиваго царского пресвѣтлого величества указу, и то докладаемъ, что какъ во многихъ случаяхъ запорожцы писали къ намъ, гетману, полагая то себѣ въ нелюбіе и народу малороссійскому за особое отягощеніе, что многіе села розданы разнымъ особамъ въ подданство, такъ и нынѣ, черезъ нарочного нашего посланца Юска, козака знатного, жителя батуринаского (которого мы посылали къ нимъ съ нашимъ увѣщательнымъ писмомъ) словесно наказывали, чтобы тѣ маестности были отъ меншихъ отобраны.... то въ словахъ докладывая, есть ли мы, гетманъ, тѣхъ маестностей.... ⁴⁵⁾ *то кода ни есть о томъ межъ народомъ имѣеть быти смятеніе.* И предваряя, чтобъ отъ особо селами владѣющихъ, какъ старшины генеральной, такъ и полковниковъ и товарищества войскового, *люди посполитые, въ подданствѣ ихъ будущіе, отягченія и бремя неудобь носимыхъ не терпѣли,* ⁴⁶⁾ розослали есмы давно наши универсалы во всѣ полки и города, разголошая такой нашъ приказъ, *дабы никто изъ тѣхъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и поборами вымышенными людей въ селяхъ, собѣ данныхъ, обрѣтающихся, отягощати, и ни малой въ земляхъ, поляхъ, мсахъ, сеножатяхъ и всякихъ угодьяхъ чинити имъ обиды и насилія, и чтобъ владѣли ими въ мѣру, ничею вновь и выше мѣры не налая, но извычайными дачами и работами отъ нихъ доволствуяся.* А есть ли бы кто иной имѣлъ власть свою надъ подданными, съ отягченіемъ оныхъ, употребляти,

⁴⁴⁾ См. п. 4 Коломацкихъ статей. Величко. III, 34.

⁴⁵⁾ Точками обозначены мѣста, изгладившіяся въ рукописи.

⁴⁶⁾ Письмо кошеваго Гусака къ Мазепѣ объ утѣсненіи державцами подданныхъ, у Соловьева, Истор. Россіи, т. XIV, стр. 180.

на такого дабы къ намъ, гетману, приношены были челобитья, а мы, гетманъ, имѣемъ въ томъ учинити разсужденіе, и есть ли отъ кого владѣтелей оныхъ лишніе надъ подданными явятся поступки, такового наказати, а есть ли вина явная доведетца, и отъ маестности отдалити, а оттягченнымъ въ подданствѣ людямъ свободу учинити обѣщали“⁴⁷⁾). Изъ этого донесенія видно, что крестьяне громко жаловались на державческія отягощенія; но ни изъ чего не видно, чтобы мѣры, принятія Мазепою, по его словамъ, къ облегченію крестьянъ, приводимы были въ исполненіе. Сообразивъ время, въ которое Мазепа дѣлалъ свои обѣщанія, легко прійти къ заключенію, что они вынуждены были минутою: донесеніе свое царямъ Мазепа писалъ въ октябрѣ 1692 г., а въ іюнѣ того же года—подходилъ къ южной Малороссіи гетманъ-самозванецъ Петрикъ съ татарами и разсылалъ „прелестныя“ свои универсалы, въ которыхъ обѣщаль народу, между прочимъ, свободу отъ „драпѣжныхъ пановъ“... Известно, что, при этомъ, волею-неволей, по-орельскія села (полтав. полка) приняли Петрика и тѣмъ привели Мазепу, стоявшаго въ это время подъ Гадячемъ, въ немалое замѣшательство.... Когда Петрикъ былъ прогнанъ, гетманъ изъ-подъ Гадяча перешелъ въ Полтаву и въ это-то время отобралъ онъ нѣкоторыя маестности отъ полтавскихъ державцевъ⁴⁸⁾).

Подобныя политическія мѣры, разумѣется, не имѣли никакихъ послѣдствій, а между тѣмъ экономическіе интересы старшины затягивали узелъ подданства крестьянъ все крѣпче и крѣпче.

Къ концу XVII в. отношенія посольства къ держанцамъ опредѣлились уже положительно: одни „панщину робили“, а другіе „на чиншѣ сидѣли“. Размѣры той и другой повинности были не опредѣлены и вполнѣ зависѣли отъ воли и права державцы.—Панщина обыкновенно ограничивалась двумя, тремя днями въ недѣлю. Такъ, въ универсалѣ Мазепы 1701 г., читаемъ: „жаловались намъ жители с. Смоляжи на п. Самуйла Аванасевича, сотника веркѣвскаго, державцу того села, что дозорца (управляющій) его п. сотника, къ нимъ назначенный, „великіе и нестирпиміе имъ въ работнѣнѣ дѣяль прикрости, незносіе чинячи обиды и въ панщинѣ непрестанно вимисли“, и просили насъ, гетмана, въ томъ себѣ облегче-

⁴⁷⁾ Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. 1859 г., кн. I, т. 7. Ср. Исторія Россіи, С. Соловьева, т. XIV, стр. 191—193.

⁴⁸⁾ Величко, III, разд. 33.

нія и защиты. Мы призвали означеннаго сотника и поручили суду нашему генеральному разобрать дѣло; жалоба оказалась справедливою, за что сотника мы не похвалили, однако же не отбираемъ отъ него того села, но приказываемъ, „*абы не больше, только два днь въ тиждень, роботу ему панциною отпраовали*, а иншіе днѣ на свои оборочали потребности, и въ рокъ по осмачки овса отъ рабочей товарини давали, надшо (сверхъ того) жаднихъ датковъ и повинностей не маеть и не повиненъ будетъ онъ п. сотникъ вимагати, подъ неласкою нашою“⁴⁹⁾.

Отсюда видимъ, что администрація считала двухдневную панцину достаточною; ниже мы увидимъ, что примѣненіе этого правила, со стороны державцевъ, было очень рѣдко; по крайней мѣрѣ то множество жалобъ на державческія насилія, которое сохранилось въ архивѣ генеральной канцеляріи, заставляеть, съ вѣроятностію, полагать, что размѣръ панцины зависѣлъ отъ одного произвола державцы.

Кромѣ панцины, крестьяне обязаны были доставлять державцѣ еще извѣстное количество живности и сельскихъ продуктовъ.

Размѣръ чинша, точно такъ же, какъ и панцины, зависѣлъ отъ воли державской.

Такъ какъ размѣры всѣхъ этихъ повинностей были не опредѣлены ни закономъ, ни обычаемъ, то мы приведемъ здѣсь исчисленіе ихъ по нѣкоторымъ маестностямъ и получимъ наглядное понятіе о панцинѣ и чиншѣ.

1. *Количество крестьянскихъ повинностей г. Ямпольа и селъ, къ нему принадлежавшихъ, въ концѣ XVII в.*

„Зъ посполитыхъ людей въ годъ—отъ рабочаго коня брано по два золотіа, а съ пѣшого пожилого чловѣка—по гривнѣ. А показанцины съ посполитыхъ же брано по 2 таляры; да затулцини отъ винниковъ зъ посполитихъ брано по золотому; а отъ солодовень мужичихъ брано по 3 копи“⁵⁰⁾.

2. *Обязательство посполитыхъ крестьянъ с. Смичина, данное державцѣ, о количествѣ повинностей:*

„Року 1703, мѣсяца юня 2 дня. Мы житель села Смичина—Петро Кавуренко, Лаврѣнъ Сизикъ, Мартинъ Слишченко, Андрей и

⁴⁹⁾ Сборникъ универсаловъ моего собранія.

⁵⁰⁾ Показаніе ямпольскихъ старожиловъ въ нач. XVIII в., за время, когда Ямполь принадлежалъ Самойлову и Мазелѣ. Арх. Млрс. Кол., № 4084.

Евтухъ Переломенки, Андрей Волобѣка и Павелъ Коваль, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писаніемъ теперъ и въ потомніе часи, ижъ щосмо зъ своей легкомыслности чрезъ лѣтъ чтири противко панови своему п. Петру Булавцѣ, писареви полку чернѣговского, поступовали, не отдаючи ему жадной повинности тяглою; то теперъ одъ того своего самоволства и упорности отдалившися, обѣцують статечне и вѣрне въ прежней посполитой тяглости найдоватися, такимъ способомъ: я Петро Кавуръ зъ братами своими повиненъ естемъ въ годъ каждій вистачати золотихъ сорокъ; я Лаврѣнъ Сизикъ—20 золотихъ; я Мартинъ Слипченко—10 талярей; я Андрей Переломенко зъ братомъ;—10 талярей; я Андрей Волобѣка—10 талярей; я Павелъ Коваль—10 талярей; кожного року половину одну о Покрови пресвят. Богородици, а половину межи святами Рождества Господня, вистачати должны естесмы державцѣ своему вишпреченному готовою сумою монети доброй. А то для того, же подвождь отбування и до жадныхъ роботизнъ уже не имѣеть насъ такъ самъ п. державца нашъ, якъ и его прикажчики, потягати; однакъ же тое докладаемъ, ижъ на каждій годъ во время косовици, повиннисмы тиждень одинъ ему, п. державцѣ своему, косити и во время жатви зъ поля збоже зобрати тиждень одинъ; у осень тиждень зъ своее проможности, нашимъ товаромъ и працею, его поле орати. Лечъ ужъ болшъ до жаднихъ повинностей тяглихъ и посполитихъ, а нѣ роботизнъ поединковыхъ, не належатимемъ. Одъ кормленя сердюковъ и одъ виправи ихъ до походу военного, по указу ясневелможного его мил. п. гетмана, не отмовны будемъ, але повинны во всемъ контентъ давати. Тутъ же докладаемъ и тое, же повиннисмы всѣ шесть человекъ на потребу его панскую, куда намъ роскажетъ, быти готовыми и отбувати службу своими конми и працею, на що даемъ сей нашъ обликъ. А если бысмы мѣли надъ сей обликъ впредь упорне поступовати, теди записуемся всѣ свои худобы и набитки вѣчными и неотзовними часи пану державцѣ своему п. Петру Булавцѣ, писару полковому чернѣговскому, а здорове наше въ рукахъ его пана нашего: волно куда хотя обернути, если ему не будемъ повинни. Писанъ въ Чернѣговѣ. А для лѣпшоѣ въ потомніе часи твердости, яко не умѣтніе писма, подписуемъ руки + + + + + Павелъ Юркевичъ, писарь майстратовий⁵¹⁾.

51) Арх. Млрс. Кол.

3. *Размѣръ повинностей въ маетностяхъ Фридрикевича, въ началѣ XVIII в.* ⁵²⁾.

Посполитые села Хрипковки платили въ юдѣ:

Денежной осенщины золотихъ	36
Курей	20
Яецъ копь (=50)	2
Мотковъ (нитокъ)	20
Ориховъ, когда родятся со всякого	1 гарнецъ.
Хмелю четвериковъ старои мѣри	8
Чоловѣковъ въ ономъ находится пахарнихъ четыре.	

Посполитые села Конопота платили въ юдѣ:

Осенщины денежной золотихъ	45 и 1 гривна.
Курей	35
Яецъ (пултрегъ копь)	225
Мотковъ	10
Ориховъ зъ всякого по	1 гарнцу.
Хмелю четвериковъ	9
Пахарнихъ людей пять.	

Посполитые села Смяча платили въ юдѣ:

Осенщины денежной золотихъ	30
Курей	45
Яецъ копь	3
Ориховъ зъ всякого по	1 гарнцу.
Хмелю чвертокъ	9

4. *Жалоба посполитыхъ села Лобковъ на державцу за требованіе измѣнитихъ повинностей, 1722 г.*

„Мы нижеименные на подписи, убогие и оскорбленние мужеве села Лобковъ, наданные отъ ясневелможного въ подданство п. Андрею Дзѣвулскому до ласки рейментарской, а прежде изъ стародавнихъ лѣтъ наше село zostавало въ тягломъ до города Погара, на ратушѣ, послушаніи, а въ подданствѣ нивогда не бы-

⁵²⁾ Арх. Гр. Ал. Милорадовича. Криштофъ Фридрикевичъ былъ пасынокъ Мазепы; въ универсалѣ послѣдняго читаемъ: „ознаймуемъ, ижъ просилъ насъ п. Криштофъ Фридрикевичъ о наданье собѣ трохъ селець—Конопоту и Смячи и Хрипковки, въ уездѣ седневскому будучихъ, на поратушокъ своего нового господарства“. 1691 г. По этой просьбѣ и отданы были ему Мазепою эти три села. Арх. Марс. Кол., № 4123.

вало..... зъ кровавыми слезами нашими бьемъ челоуъ на своего па-на Андрея Дзѣвулскаго, за котормъ теперъ живемо въ подданствѣ: велия обѣды и тяжести наложенныя и неудобносныя претерпѣваемъ, побойща кievie безвинне, при старости лѣтъ нашихъ; такоужь и дѣтей нашихъ бьетъ мордерско, мало не до умертвія. А на пригонъ—зъ кожного двора по челоуѣку зъ конемъ высылаеть уставичне безъ перемѣны, *каждого дня* на роботизну, не минуючи и не чтячи господскихъ божественныхъ праздниковъ и святыхъ нарочитыхъ: а въ кого немашь коней, то и пѣшии идемъ. Которои то его таковой тяжести не можемъ отнюдь выдержать, бо гдыжъ и до великого убожества пришлисмо и на здоровью пострадалисмо отъ него; а иные мужеве не могли таковыхъ тяжестей выдержать и побойщевъ невинне претерпѣвать, мусили (должны были) дома и жилища свои, гдѣ порожалися, оставивши вся своя, *посходили вонъ изъ села...* Не даждь намъ отъ него въ конецъ разоренымъ быти, бымъ и мы также не поволоклися зъ своихъ жилищъ, якъ иные розволоклися изъ села“⁵³).

5. Жалоба посполитыхъ с. Алтыновки на державу, 1727 г.

„Въ прошлыхъ годахъ село наше Алтыновка надлежало до батуринской ратуши, а потомъ наше село опредѣлено до двору гетманского въ Подоловъ, за покойного гетмана Скоропадского. По инкурсii шведской и не вѣдомо чего ради, наше село отдано у подданство панѣ Дякувской; и мы во всемъ послушенство воздаемъ, яко въ работѣнціи времени подъ часъ косовицѣ, и греблѣ угачуемъ, и жнива отбуваемъ, отъ чего пришли въ немалую скудость. А якъ мы п. Дякувской у подданствѣ zostали, то было въ нашемъ селѣ заможныхъ людей 50 челоуѣка; и въ тѣ поры бывало п. Дякувская на насъ накидаетъ кухвами горѣлку всиловне, отъ чего въ нищету пришли и *поросходилися по сторонамъ*; а нынѣ въ нашомъ селѣ zostаетъ нищетныхъ 20 челоуѣка. А сего 1727 году отъ Воскресенія Христова по се число (ноябрь) zostавали на роботизнѣ 18 недѣль, за которую роботизну Ярема Игнатенко мовилъ слово на

⁵³) Арх. Млр. Кол., № 415. Лобки—стародуб. у. Прошеніе это подано было въ только что учрежденную тогда малороссійскую коллегію и на немъ сдѣлано слѣдующее постановленіе: „судомъ наказано, абы п. Дзѣвулскій впредъ гамовался (воздерживался) въ своей запалчивости ку подданнымъ, которіе взаемъ не важилися бы ему и его слугамъ противными досаждати словами. А *послушенство въ роботизнѣ два дни бы въ тиждень отбували*. Семень Чуйкевичъ“.

панѣ Дякувскую и что панѣ дочувшися, прислала своего сына зъ людьми и хоцетъ Ярему Игнатенка зловивши, до смерти прибити кіями“... 54).

6. *Перечень повинностей посполитыхъ м. Шаповаловки, въ началѣ XVIII в.*

По ревизской книгѣ 1736 г., въ Шаповаловкѣ (борзенскаго уѣзда) посполитыхъ считалось 78 домохозяевъ; изъ нихъ многоземельныхъ 5: малоземельныхъ—27; огородниковъ—8 и безземельныхъ—38 55). Въ 1727 г. представлено было гетману; „вѣдѣніе отъ шаповаловскихъ мужиковъ—сколко за прежнихъ бывшихъ гетмановъ, якъ и за покойного Скоропадского, выдавали, по выданной уставѣ зъ войсковой енеральной канцеляріи, зъ подписомъ руки гетманской, будучимъ владѣльцамъ Анненку и протчимъ, прежде его Анненка и по немъ владѣющимъ Шаповаловкою, *уодовой повинности*“.

„Анненку въ годъ выдавали всякой пашнѣ и живностей по указу гетманскому:

1. Жита батуринской мѣри	18 осмачокъ.
2. Ячменю	10
3. Овса	23½
4. Пшона (полчварта)	3½
5. Барановъ	12
6. Гусей	12
7. Утокъ	14
8. Грошей	105 золот.

Сѣна коповали на степу скиртъ 30 и оное сѣно перевозили въ Батуринъ и въ Глуховъ, уже владѣющимъ Вестову и Гагарину.

А болше всякихъ работизнъ ему Анненку и протчимъ владѣльцамъ не работали и поля не пахали. Противъ прежней выдачи, презрѣвши г. комендантъ выданную уставу войсковой енеральной канцеляріи, самъ по своему хотѣнію, отъ того часу, якъ завладѣль Шаповаловкою, уставивъ дачу и взимаеть въ годъ именно:

Жита батуринской мѣры	50 осмач.
Овса	75 —
Пшеницѣ	3 — 3 четверти.

54) Арх. Марс. Кол.

55) Ревизскія книги 1736 г. Въ арх. Черниг. Губ. Правл.

Пшона	3	—	3	четверти.
Гороху	3	—	3	—
Сѣмя	3	—	3	—

По квартѣ масла отъ вола, итого 300 квартѣ; по квартѣ олѣи отъ вола, итого 300 квартѣ; овецъ—230; кабановъ годованихъ—60; гусей—300; утокъ—300; курей—600; яецъ—5000; грошей—200 золотихъ. Кождаго году власной своей гречки накидаетъ по 300 четвериковъ на всѣхъ мужиковъ, и оную гречь передравши на мелкіе крупи жорнами, отдаемъ ему 150 четвериковъ, половинную часть круповъ, якіе отвозимо на своихъ власнихъ коняхъ въ Москву, до города Ригина, въ якомъ пути, за бездорожемъ, лишаемся своихъ коней и пѣши оттоль приходимъ.

Прадива на всякую жунку, сколько будетъ въ хатѣ, своего накинеть, съ которого прядуть пасомъ по 20; а къ тому зъ своего власного прадива каждая жунка напрадаетъ пасомъ 20, на мотовило косога сажня, 40 пасомъ.

Пшоно и горѣлку куфами возимо въ Москву до Орла своими конми и за своею харчу, и до города Тулѣ. Сѣна на степу накошумо скиртъ по 300; а на оную косовицю каждый господарь по два человекъ или самъ, нанявши къ себѣ другого, идемо за своею харчу, и чрезъ все лѣто косимо. А когда упораемъ сѣно, то тамъ же на степу чрезъ все лѣто и зиму, два человекъ попережно, стережемо того сѣна; якое сѣно на веснѣ прикажчикъ продаетъ скирту по два рублѣ и по три згунщикамъ (гуртовщикамъ) и куда онъ продастъ, то мы усе до того мѣста перевозимо своими конми.

На томъ же степу звѣку не орували, а теперъ мы ему коменданту оремо тотъ степъ своими волами, и пашню сѣмо, на скилко сотъ копѣ. И когда прійде время, то оную пашню (оставивши свою въ полѣ роботу) пожавши, перевозимъ; и не имѣючи себѣ свободного не тилко буденного дня, по и неделного и праздничного, молотимо и пораемо; а себѣ чрезъ все лѣто нѣчого не придбаемо; и такъ—за немалою тяжестью и незносною работизною, остатнего, хто имѣвъ у себе, убожества лишився, *а ини изъ села, не маючи чимъ его отбути, пошли.*

Въ Глуховѣ до его жѣ, госп. коменданта, уставичне сѣно и пашню, которую мужиками приробить, возимо; и когда привеземо и поскидаемо въ дворѣ его въ Глуховѣ зъ возовъ сѣно и пашню, то онъ самъ г. комендантъ прикажетъ насъ не отпустить и возимъ недѣль по двѣ дрова до винницѣ и до двора, за своею харчу;

также груби топимо, муку сѣмо, воду своими власними конми, по цѣломъ мѣсяцю въ Глуховѣ попережно, до двора его возимо и харчующися тамъ, остатную свитину зъ хребта збуваемъ.

А сего 1728 року, когда привезли сѣно въ Глуховъ, то онъ госп. комендантъ загналъ насъ въ село Вихторовъ и тамъ орали мы ему сущками на жито, недѣль чтири, своими власними конми и за своею харчу. А всѣхъ тилко имѣется насъ въ Шаповаловцѣ мужиковъ достатнихъ, убогихъ и подсусѣдковъ вусѣмдесять⁵⁶⁾.

7. Количество повинностей посполитыхъ мѣстечекъ Рашавки и Комъшиной, 1729 г.

Громада м. Рашавки жаловалась гетману Апостолу: „когда принадлежали мы до замка гадяцкого за покойного гетмана Скоропадскаго, тогда мы отбывали свое дѣло воженіемъ дровъ и кошеніемъ сѣна; кромѣ того брали отъ насъ—отъ коня и вола рабочихъ по 4 коп.; отъ цеховъ брали: отъ ткацкаго—полотна локтей 90; отъ шевскаго—чоботъ паръ пять; на митюки (?) шкуръ двѣ; отъ кушнѣрскаго—кожуховъ два, шапокъ пять; отъ рѣзницкаго цеху—лою каменей два. А когда достоявся (вымолилъ, выпросилъ) у покойного гетмана Скоропадскаго бувшій н. полковникъ гадяцкій Иванъ Чарнышъ городка нашего Рашавки, тогда заразъ затѣялъ панщину великую—воженіемъ дровъ, сѣнокосами и прочими тяжестями; а въ годъ сталъ брать поволовщины: отъ вола

⁵⁶⁾ Особенно жаловались шаповаловцы на приказчика (якого въ насъ нѣкогда не бывало, говорятъ они) за его жестокое обращеніе: 1) Матвѣя Омеляненька батожомъ и канчуками билъ нещадно, ногами топталъ за то, что договоровалъ приказчику, дабы гроши провіантовіе, имъ забранніе, повернулъ, 70 золотихъ; и отъ того бою Матвѣй тяжко хоровалъ и сакраментовался въ 1726 г. 2) Федора Пчоленка нещадно билъ, за волосы рвалъ, ногами топталъ за то, что не подписывался дань давать и якого войтомъ хотѣлъ приказчикъ по своему самовластію наставить, того ему Федоръ претилъ. 3) Того жъ Федора другихъ разомъ билъ, что отказалъ: „почому хочеть навъ, нехай беретъ дань, толко ми не подпишемся“, и съ нимъ пяти человекъ; а по томъ побой, въ колодки позабывавши всѣхъ, попровадилъ до Глухова къ коменданту и оттоль припровадивши въ дворъ, прозиваемій Рсменовъ, канчуками всѣхъ билъ, а Федора Пчоленка—найгорше; а потомъ, забравши всѣхъ людей до школы, велѣлъ дяку имена подписывать о выдачи дани. 4) Пршлого 1727 году Ничипоръ Губскій договорилъ приказчику, что по пунктамъ Богдана Хмельницкаго такой подачи и работизни не было; за тое приказчикъ его нещадно батожемъ билъ. 5) Коваки съ посполитыми опасуются брачитися для того, что приказчикъ по полтнвѣ вди по два золотія беретъ кувницъ.

и коня робочихъ по 12 шаговъ и по четверику овса; отъ цеховъ: ткацкаго—полотна локтей 150; отъ шевскаго—чоботь 30 паръ. Такимъ же образомъ собирались повинности и за бывшаго полковника гадяцкаго Михайла Милорадовича; да при немъ вновь прибавлено брать, кто схотѣвъ стать на чиншу, якъ съ крамарей, такъ и посполитихъ, въ годъ чиншу хто сколько достоинъ и на чому сталъ. А нынѣшній полковникъ гадяцкій Гаврило Милорадовичъ, смотря на брата своего, въ томъ же размѣрѣ бралъ: отъ вола и коня по 12 шаговъ и по четверику овса; отъ цеховъ: шевскаго—по 30 паръ чоботъ; отъ ткацкаго—150 локтей полотна и денегъ копъ шесть; отъ кушнѣрскаго—кожуховъ пять и рукавицъ паръ пять; отъ рѣзникаго—лою камней (=50 ф.) четыре и 10 ф.; отъ чиншовыхъ, на чемъ кто сталъ, платили за 1726 г. золотыхъ по десять и меньше. А покойный панъ полковникъ Михайло Милорадовичъ накидами своими еще отягчалъ насъ, именно сыръ (творогъ) накидалъ (насилно заставлялъ покупать), ягоды водочныя ведро по гривнѣ, орѣховъ по гарнцу требовалъ или деньгами по шагу; червецъ отъ каждого двора мѣрою, а буде нѣтъ червцу, то по гривнѣ брали; каваръ (икра) фунтъ по шостаку (накидалъ); марену бралъ, а если ея нѣтъ, то по шагу давали“.

Посполитые м. Комышной писали: „когда принадлежала Комышная на замокъ гадяцкій, то мы, бывало, даемъ отъ громады всего 100 возовъ дровъ или деньгами десять талеровъ; а лѣтомъ—съно покосимъ и сложимъ въ скирды, да на жито день оремъ, а другой день—на гречку, а цеховые—пожнутъ. А больше панщины мы не знали. Отъ цеху кушнѣрскаго давали въ годъ для замка—кожуховъ 4 и рукавицъ паръ 10; отъ цеху шевскаго—чоботь паръ 7, а ткачи съ селянами давали полотна локтей 100. А послѣ шведской руины, какъ отдана была Комышная въ подданство пану Чарнышу, то великія тяжести стали за его полковничества: панщина ежедневная какъ для посполитыхъ (крестыанъ), такъ и для цеховыхъ (мѣщанъ); въ годъ платили посполитые отъ тягла по золотому и два шага вписнаго (?) и по четверику овса. Рѣзники лою въ годъ давали по камению, каждый отъ себя; кушнѣры—семь кожуховъ; шевцы—15 паръ чоботъ; ткачи—полотна 150 локтей. А за покойнаго пана Михайла Милорадовича еще больше было тяжестей: за ежедневною панщиною не можно было и хлѣба лѣтомъ заработать; осенщины въ годъ, отъ коня и вола робочихъ—по 12 шаговъ и по четверику овса; сыру набидаютъ по двѣ куфы (бочки) цѣною

по 50 зол. куфа; ягоды съ водки по ведру накидали, ведро по гривнѣ; орѣховъ съ цеху по мѣшку отбирали; червецу по склянкѣ брали, или деньгами по 4 шага за червецъ брали съ каждой хаты. Пива куфу кислаго по 10 тал. накидаютъ; марены съ каждой хаты по пучку берутъ; прядива—всего горсть дадутъ, а тамъ хоть купи, а чтобъ пятидесятный мотокъ былъ. Кушнѣры давали кожуховъ семь и рукавицъ паръ семь; шевцы 30 паръ чоботъ; рѣзники—лоу по камню каждый даетъ; ткачи—полотна 150 локтей. А панъ Гаврило Милорадовичъ прибавилъ къ этому еще и тютюнную десятину“.

8. *Размѣръ повинностей подданныхъ генеральнои судьи Лисенка, 1750 г.*

„Зъ маестностей, на вакансѣ (свободныхъ) послѣ умертвія судіи генеральнои Лисенка состоящихъ, въ полку стародубскомъ сель: Мефедовки, Андрейковичъ, Ущерця и Халѣвичъ, какъ тѣхъ войты съ посполитыми сказками въ канцеляріи скарбовой показали: платили они за владѣльци годового окладу, кой и послѣ владѣльци платежъ взимаю, а именно зъ села *Мефедовки*—сверхъ панщины. окладу годового съ четвертини поля по 1 р. 20 к.; итого—49 р. 20 к. За мотки—по 20 к.; итого 8 р. 20 к.; за 41 гуску по 6 к.; за 82 кашлуна по 3 к.; итого 4 р. 92 к.; жита и овса по 20 четвертей и 4 четверичка; конопель (зерна) по 10 четвертей 2 четверичка; пеньки (волокна) тертой по 42 пуда. Да зъ бобилей деньгами збиралось по 10 р.

Зъ села *Андрейковичъ*—платили въ годъ чиншу толко деньгами по 100 р.

Зъ села *Ущерця и деревнѣ Халѣвичъ*—платили въ годъ чиншу, зъ обоихъ сель, по 250 р. За медовую дань—по 25 р.

Въ полку лубенскомъ, зъ сель *Бьлоусовки, Приходокъ и Миташевки* (какъ войты тѣхъ сель съ посполитыми показали) что живучи они за владѣльцемъ, сверхъ панщины, давали съ показанныхъ трехъ сель чиншу—отъ всякаго рабочего вола и коня платили въ осенщину по двѣ гривни, а пѣшіе по 10 к. въ годъ.“⁵⁷⁾

Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о *подданническихъ* повинностяхъ показываютъ, что администрація узаконяла для державцевъ только

⁵⁷⁾ Актъ моего собранія.

два дня въ недѣлю издѣлья (панщины), а всѣ прочія повинности зависѣли, какъ мы уже сказали, отъ произвола, и потому сколько нибудь точнаго опредѣленія о размѣрѣ крестьянскихъ повинностей сдѣлать нельзя. Большею частью бывало такъ, что крестьяне, кромѣ издѣлья, обязаны были давать державцѣ еще такъ называемую *осенщину*, часть отъ урожая, соразмѣрную съ количествомъ рабочаго скота, которую отдавали или въ деньгахъ, или натурою ⁵⁸⁾. Сверхъ того крестьяне должны были доставлять державцѣ опредѣленное количество разной живности (отъ вола и до курицы), растительныхъ плодовъ (большею частью орѣховъ, разныхъ лѣсныхъ ягодъ и красильныхъ растений—марены и червецу) и произведеній домашней работы (деревянной посуды, нитокъ и проч.).

Къ крестьянскимъ повинностямъ слѣдуетъ также отнести и такъ называемые „куничные гроши“, которые платили посполитые державцамъ за позволеніе жениться; такъ, подданные „гадяцкаго замка“ (гетманскихъ маетностей въ полку гадяцкомъ) въ 1722 г. платили кунцу: „отъ молодика по чотири алтини, а отъ удовца— по полкопи“ ⁵⁹⁾.

Иногда собиралась съ посполитыхъ еще „пчолоная и тютюнная десятина—берутся десятіе пчолы (десятый улей), а гдѣ десяти пчоль не достанетъ, зъ тихъ отъ жадного улія взимано *очковою* (*очко*—отверстіе въ ульѣ) по 2 алтина; тютюнная десятина тожь отъ посполитыхъ людей бралася, взираючи по левадахъ (по коли-

⁵⁸⁾ Марковичъ въ 1724 г., сентября 7, пишетъ: „приказъ войту сварковскому даль—выбрать сеголѣтнюю осявщину, именно: отъ мужиковъ, имѣющихъ одну и двѣ сохи, по 3 четверти жита. а отъ имѣющихъ три и четыре сохи, по четверику брать“. Дневн. Зап. Як. Марк., I, 47. А вотъ размѣръ денежной осенщины, которая собиралась съ посполитыхъ, въ маетностяхъ Павла Полуботка (ок. 1720 г.): „отъ тяглыхъ людей орлувскихъ (м. Орловки) выходить осенщины 1800 золотыхъ, 40 золотыхъ, таярь и пять чеховъ.—Отъ подсусѣдковъ орлувскихъ 24 золотыхъ и полосма шага. — Отъ казилловскихъ тяглыхъ людей—774 золот.—Отъ подсусѣдковъ тамошнихъ 25 золот.—Отъ оболонскихъ (с. Оболонья) тяглыхъ—570 золот. и чехъ.—Отъ гутинскихъ 26 золот.—Отъ городискихъ—259 золот. и 3 чеки.—Отъ савинскихъ—103 золот. и шагъ.—Отъ крисковскихъ—614½ золот.—Отъ псарувскихъ—251 золот.—Всѣхъ грошей выходить 4430 золот. и полшоста шага“. Рукописн. сборникъ генер. подск. Як. Марковича, которымъ мы пользовались, благодаря обязательности покойнаго Ал. Мих. Марковича (въ с. Сварковѣ).

⁵⁹⁾ Арх. Млрс. Кол., № 1387. См. также примѣч. 56-е.

честву плантацій табачныхъ), иногда десятый камень (=50 фунт.) тютюну, а иногда отъ десятого камня денгами, по цѣнѣ⁶⁰⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что „послушенство“ подданныхъ къ ихъ державцѣ ничѣмъ не ограничивалось; размѣръ повинностей зависѣлъ отъ доброй воли державцы и потому подданнической бытъ, по большей части, былъ тяжелъ и разорителенъ.

Для ближайшаго ознакомленія съ частностями подданническаго быта крестьянъ, приводимъ здѣсь нѣсколько рассказовъ о непосредственныхъ отношеніяхъ державцы къ его поданнымъ.

Въ менской сотнѣ было село Домышлинъ (сосницк. у.), которымъ въ к. XVII в. владѣлъ какой-то Иванъ Курочка. Въ 1698 г. Мазепа отобралъ его отъ Курочки, стѣснявшаго домышлинцевъ повинностями: „одобравши мы село Домышлинъ зъ-подъ держави Курочки и хотячи мы, абы тамошніи жили люде одъ такихъ работизнъ были свободни и въ своихъ господарствахъ оглядѣлися, беремо тую всю громаду домышлинскую подъ нашу гетманскую оборону.... мають они належати до замку нашего батуринского и що слушно, зъ повинности своей, повинни отдавати послушенство, въ чомъ господарь нашъ батуринскій имъ роскажетъ“⁶¹⁾.

Быть въ послушаніи гетмана—крестьянамъ было очень сносно; личной повинности они въ такихъ случаяхъ, большею частію, не несли, а платили чиншъ. Но Домышлинъ не долго побылъ у гетмана; онъ скоро отдалъ его Орлику, а когда послѣдній ушелъ съ Мазепой. Домышлинъ пожаловалъ былъ Петромъ В. Полуботку. Полуботокъ, получивши тогда, между прочимъ, и извѣстное придѣлѣпровское мѣстечко Любечъ, хотѣлъ округлить свои владѣнія и промѣнялъ Домышлинъ на с. Боровичи и сл. Боровицкую—войсковому товарищу Василію Полуницкому. Это было въ 1710 г., а черезъ пять лѣтъ домышлинцы писали гетману: „зъ горкимъ нашимъ плачемъ и неутолимыми слезами прибѣгаемъ до велможности вашей... ускаргаемся на п. Полуницкого, державцу нашего домышлинского, одъ которого незносниє и невыповѣдиміє поносимъ долегливости и утяжєня, такъ въ работизнахъ уставичнихъ, яко и въ подачкахъ не

⁶⁰⁾ Т ж. О размѣрѣ повинностей въ гетманскихъ маєтностяхъ см *Описаніє чинній гетмана Апостола*, въ Матеріалахъ для Отечеств. Ист., изд. М. Судьенка. Кієвъ. 1853. 8°. Т. I, стр. 30 и друг.

⁶¹⁾ Арх. Мзрс. Кол., № 261.

мѣрнихъ. За прежнихъ державцовъ платили въ годъ по пол-таляра ⁶²⁾ денегъ и по пол-осмачку овса; а теперь Полуницкій беретъ одъ двора по 16 шаговъ деньгами и по три четверики овса. И такъ дѣласть—что хочеть; особенно, когда всѣхъ насъ загономъ вышлетъ съ рабочимъ скотомъ въ Любещину, въ свое село Козель, для оранки и сѣвбы... и работаемъ мы тамъ недѣль по шесть, по семь, безъ отдыху; и пусть бы еще мы сами отправляли полевую работу, а то и здѣсь, въ Домышлинѣ, жены и дѣти наши ежедневно на панщинѣ, въ дворѣ п. Полуницкаго. Но и это еще не все,—началь онъ п. Полоницкій облагать насъ разными поборами: выѣхавши на дняхъ въ Черниговъ, приказалъ своей пани брать съ насъ, смотря по богатству, у кого золотыхъ (=20 к.) 20, у кого таляровъ 5, у кого золотыхъ 10... За неплатежъ этого побору, пани посажала женъ и дѣтей нашихъ въ тюрьму (до вязеня туремного) и мучить ихъ не-похристански, обставивъ крѣпкой сторожей и не позволяя намъ и хлѣба имъ подать. И все это—чтобы мы заплатили положенный поборъ. Да и имуществомъ нашимъ распоряжается п. Полуницкій, какъ своимъ: беретъ изъ нашихъ стадъ себѣ барановъ, которые посытнѣе, на выборъ, за что и слова ему не говори... земли наши властныя также самовольно отбираетъ (слѣдуетъ перечень отобранныхъ нивъ.) А мы и гетманскіе универсалы имѣли на свои земли, а онъ, п. Полуницкій, ихъ отобралъ; борги наши рубить и уничтожаеть...“ Прошеніе это подписано: „вся обще громада домышлинская одъ мала до велика“ ⁶³⁾.

Жалоба домышлинцевъ передана была въ генеральный судъ, который вытребовалъ къ отвѣту и державцу и подданныхъ его.

Полуницкій оправдывался: „когда получилъ я въ державу отъ полковника черниговского (Полуботка) Домышлинѣ, въ то время переданъ мнѣ былъ и инвентарь—какъ много съ тамошнихъ людей *даремной* повинности могъ брать.“ На этомъ основаніи онъ и хотѣлъ установить поборы, на которые жалуются крестьяне.—Генеральный судъ однакоже нашель, что Полуницкій былъ не правъ, и постановилъ—затѣянныя имъ поборы уничтожить, съ подтвержденіемъ, чтобы „по прежнихъ обыкновеніяхъ, какъ всѣ прошлые державцы того села, такъ и онъ п. Полуницкій въ отбираніи годового, осенью, отъ жителей датка довольствовался и не вымышляя ника-

⁶²⁾ Таляръ—60 к.

⁶³⁾ Арх. Млрс. Кол., № 261.

кихъ новыхъ поборовъ, обходился бы съ своими подданными „лагodne,“ какъ надлежитъ державцу“. Полуницкій, не довольный такимъ рѣшеніемъ, говорилъ на домышлинцевъ, что они, понося его честь, хвалятъ бывшего того села Домышлина державцу—измѣнника Орлика, надѣясь, что, быть можетъ, онъ снова еще сдѣлается паномъ. Спрошенъ былъ свидѣтель—возакъ охочепѣхотнаго полка, стоявшаго въ Домышлинѣ; тотъ показалъ, что дѣйствительно домышлинцы не разъ вспоминали съ сожалѣніемъ объ Орликѣ, что, за него, не терпѣли они никакихъ тягостей и даже не несли никогда при немъ общественныхъ повинностей; а теперь,—говорили домышлинцы,—никто нашего державцу не боится, и оттого и, кромѣ его насъ обижаютъ...

Оставивъ такое обвиненіе безъ вниманія, генеральный судъ постановилъ декретомъ, чтобы Полуницкій возвратилъ крестьянамъ все у нихъ заграбленное.—Но, какъ видно, постановленіе на бумагѣ ничего не значило: въ 1727 г. одинъ изъ домышлинцевъ—Кугученко подалъ жалобу на имя императрицы, въ которой посяжалъ, что Полуницкій ничего не выполнилъ по декрету, самый декретъ отобралъ у крестьянъ и продолжаетъ угнѣснять ихъ и грабить: 1) въ 1720 г. забралъ у отца просителя пасѣку въ 45 ульевъ и всю землю, съ лѣсомъ и ставомъ, „привернулъ“ къ себѣ; 2) въ 1724 г. у брата моего, говоритъ проситель, родилось дитя, на крестины котораго явнымъ, а не тайнымъ образомъ, взялъ отецъ мой со стороны полкади водки; о чемъ узнавъ Полуницкій, заграбилъ у насъ вола, а потомъ приказалъ доставить осмачку овса, обѣщаясь вола возвратити;—повезъ я овесъ и прошу: повелите, пане, вола мнѣ отдать!—Пань, овесъ принявши, вола не отдалъ, а еще побилъ меня кіемъ. 3) Въ 1726 г., идя въ Гилианскій походъ, Полуницкій взялъ у отца коня и челядника, а возвратившись, взялъ осмачку овса и приказалъ отцу самому прійди къ нему; отца не было дома; тогда онъ взялъ мать мою и забилъ ее въ колодку. Когда отецъ сталъ спрашивать его—за что, то Полуницкій, не отвѣчая, приказалъ отца „до полемерти бити немилостиво“ и за тѣмъ взялъ у него еще 6 р. денегъ, а слуга его Иванецъ за працу (трудъ), что билъ отца, взялъ двѣ гривни. 4) Въ семъ же 1727 г. отецъ мой намѣрился было послать въ Бахмутъ по соль; извѣстившись объ этомъ, Полуницкій передалъ, что если поплеть, то онъ нагонитъ подводу и заграбитъ ее, а за намѣреніе взялъ, „не зная за що“, денегъ 10 р.

Подобныя жалобы поданы были еще отъ нѣкоторыхъ домышлянцевъ, какъ видно богатѣйшихъ, на которыхъ то особенно Полоницкій и налегаль. Назначено было снова слѣдствіе, которое однако жъ ни къ чему не повело: вскорѣ за тѣмъ подана была гетману Апостолу новая жалоба, Шигуненка, который, происходя изъ козацкаго званія, хотѣлъ выбиться изъ подданничества, надѣясь на приказъ тогдашняго черниговскаго полковника Богданова, чтобы посполитые, происходящіе изъ козаковъ, оставили своихъ державцевъ и возвратились бы къ прежнему роду жизни. Шигуненко и хотѣлъ было такъ сдѣлать.—Полуницкій за это,—продолжаетъ проситель, взявши матку мою въ дворъ, потаскалъ сначала ее за волосы, а потомъ заперъ въ кухню, но она ушла оттуда;—такъ онъ взялъ скота рогатого пять штукъ, восемь свиней, четверо овецъ, 20 кошъ жита, 3 копы ячменю, сѣна восемь возовъ; а потомъ и самихъ насъ прогналъ съ нашего грунту собственнаго и поля, отобравъ—такъ что мы принуждены были перейти въ село Чернотичи...”

Въ Полуницкомъ мы видимъ державцу, не занимавшаго никакого уряда въ „войскѣ“, котораго, какъ говорили его подданные, поэтому никто не боялся, но который за то самъ долженъ былъ еще бояться и потому его крестьянамъ, сравнительно, все-таки было легче, чѣмъ другимъ. Мы видѣли, что генеральный судъ обвинилъ Полуницкаго за грабежъ крестьянъ и присудилъ даже возвратитъ имъ пограбленное; а такіе примѣры встрѣчались очень рѣдко. Вліятельнымъ державцамъ притѣсненія ихъ поданныхъ сходили съ рукъ гораздо легче.

Напримѣръ, посмотримъ на державцу Ѳедора Степановича Потребича-Гречанаго. Фамилія эта разбогатѣла при Брюховецкомъ, за котораго Степанъ Гречаный былъ генеральнымъ писаремъ. Сынъ Степана—Ѳедоръ былъ извѣстный гуляка въ молодости; для поправленія своихъ дѣлъ, онъ женился на дочери богатаго ахтырскаго полковника Перекрестова и переселился на женины маетности въ Слободскую Украину. Какъ жилъ онъ здѣсь, видно изъ письма его тѣстя къ гетману, гдѣ онъ пишетъ: „возвратился я изъ Москвы къ дѣтямъ своимъ, только не на радость, а на печаль и слезы; зять мой Ѳедоръ Гречаный, забывши страхъ божій и мою отеческую къ нему ласку, нищетъ дѣтей своихъ отъ умершей моей дочери, растрчивая знатныя грунты и маетности, данныя мною въ приданое за дочерью... продаетъ ихъ за безцѣнокъ, не оставляя дѣтямъ ровно ничего. Знаю и самъ хорошо, что не годилось бы без-

покоють вельможность вашу въ эти свѣтоносные дни поста (письмо писано въ мартѣ), но скорбь о семьѣ своей заставляетъ жаловаться: будь милостивъ, вельможный панъ, запрети своею региментарскою властью Гречаному растрачивать дѣтское имущество“... Дѣло кончилось тѣмъ, что Гречаный оставилъ слободы, вѣроятно прогулявъ все женино имущество, и возвратился снова въ Малороссію. Скоропадскій въ универсалѣ своемъ 1715 г. говоритъ: „п. Ѳ. Гречаный, знатный товарищъ войсковой, будучи перевабленъ тестемъ своимъ п. Иваномъ Ивановичемъ, полковникомъ бывшимъ ахтырскимъ, на жительство въ слободы великороссійскія къ Ахтыркѣ, теперь снова возвратился къ добрамъ отческимъ ⁶⁴⁾ въ Малую Россію, и желая служить подъ нашимъ рейментомъ, просилъ о надачѣ ему села Подолокъ, къ замку гадяцкому принадлежащаго, которое мы и надаемъ ему...“ Такая милость къ Гречаному должна быть объяснена, кажется, пріязнью Скоропадскаго къ отцу его. своему товарищу.

Въ 1723 г. когда Полуботокъ заключенъ былъ въ петербургскую крѣпость, вмѣсто гетмана, назначены были три „правителя“ войсковой генеральной канцеляріи. Выбраны они были, по видимому, самимъ Вельяминовымъ. изъ людей смирныхъ и покорныхъ... Въ это число попалъ и Ѳедоръ Гречаный.

Въ началѣ 1724 г. въ генеральной канцеляріи получено было прошеніе слѣдующаго содержанія: „мы, громада села Подолокъ, падши до преповажныхъ ногъ вашихъ вельможностей, со слезами кровавыми ускаждаемъ на п. Ѳедора Гречаного въ нашихъ великихъ кривдахъ; понеже онъ п. Ѳедоръ, сколько у насъ ни есть рабочаго скота, всѣхъ выганяетъ на свои ланы орать; потомъ, съ тѣхъ же воловъ и коней рабочихъ, осенью, беретъ по 4 алтына и пашни (зерна) отъ воловъ—по четверику; ралець беретъ отъ богатаго—по гривнѣ, а съ убогихъ—по шагу; мотки накидастъ на убогихъ: даетъ конопель не много, а ему нужно возвратить 40 мотковъ, такъ что приходится конопель докупать; въ злой путь (скверную дорогу) посылаетъ до своихъ далекихъ лѣсовъ; а если нельзя, за трудной дорогой, привезти, то хоть изъ своихъ, а у кого ихъ нѣтъ, то нужно купить,—а чтобъ было на дворѣ дровъ

⁶⁴⁾ Добра отческіе Гречаныхъ заключались въ селахъ Римаровкѣ (гадяцк. у.) и Аксютинцахъ (ромевск. у.), которые пожалованы были, по царской грамотѣ, отцу Ѳедора въ 1690 г. Арх. Млрс. Кол., № 271.

по два воза каждую недѣлю! Нанимаетъ панъ себѣ стадника, а **мы** деньги платимъ, бѣдные—по шостаку, а богатые—по 5 к.; да **кромѣ** того, беретъ изъ насъ по два пастуха каждое лѣто, а зимой—**по** два же человѣка для досмотра за скотомъ. Денегъ взялъ у насъ громадскихъ безнадежно (безправно) золотыхъ полсемдесятъ (65); полевымъ сторожамъ собрали было „осыпъ“, а онъ тотъ осыпъ себѣ забралъ, а сторожѣ за то берутъ нашихъ воловъ... Просимъ ваши вельможности, избавьте насъ отъ такихъ отягченій, пусть **мы** будемъ жить, какъ живутъ подданные у другихъ державцевъ, и пусть онъ, панъ, не требуетъ у насъ лишнихъ датковъ“...

Получивши, кромѣ этого прошенія, и частное извѣстіе отъ жены о „непослушенствѣ подданныхъ.“ Гречаный, 2-го апрѣля, подалъ въ генеральную канцелярію, сотоварищамъ своимъ „правителямъ“ Левенцу и Мануйловичу, официальную бумагу: „будучи въ Глуховѣ для правленія дѣлъ генеральной канцеляріи, извѣстился я, что подданные мои села Подолокъ, Яцко Похунка, Киричокъ Рѣзникъ и другіе, въ мое отсутствіе, отказываются отъ всякаго послушанія, приходятъ въ дворъ и бранятъ мою жену... а такъ какъ, по указу императорскаго величества, вездѣ въ Малороссіи державцы надъ своими подданными имѣютъ полную власть и за такую продерзость и противность ихъ караютъ; ⁶⁵⁾ того ради прошу генеральную канцелярію о выдачѣ указа гадяцкому наказному полковнику, чтобы онъ посланному отсюда Данковскому (который, какъ видно, посланъ былъ изъ генеральной канцеляріи усмирить крестьянъ, въ отвѣтъ на ихъ прошеніе), придавши нѣсколько козаговъ для взятія тѣхъ легкомысленниковъ и противниковъ, присылалъ бы ихъ сюда, въ генеральную канцелярію; а по доставленіи ихъ сюда, тюремнымъ заключеніемъ и кievымъ боемъ наказать покорно прошу, ибо они не только не хотятъ отбывать послушанія, но еще нѣкоторые и горѣлкою шинкуютъ въ моей маестности, чего у другихъ державцевъ отнюдь не поводится.“

Подавши эту бумагу, Гречаный немедленно отправился въ Подолку, откуда, 11 апрѣля, писалъ тѣмъ же Левенцу и Мануйловичу: „на донесеніе мое, поданное въ Глуховѣ, до сихъ поръ не получаю резолюціи, почему еще разъ повторяю мою просьбу о

⁶⁵⁾ Указа такого мы не знаемъ, да врядъ ли онъ и былъ, такъ какъ до конца XVIII в. русская администрація не входила въ разбирательство отношеній крестьянъ къ ихъ державцамъ.

немедленной присылкѣ Данковскаго, ибо подданные мой не перестаютъ бѣситься крамолами и непокорствомъ своимъ, меня огорчая (молестуючи;) „сіе предложивши, непремѣнному мене вашмостемъ милостиваго панства братерскому назавше полецаю аффектови“ и проч.

Черезъ нѣсколько дней Данковскій пріѣхалъ въ Подолск и началъ слѣдствіе, для законнаго обвиненія крестьянъ. Вотъ нѣкоторыя показанія призванныхъ для слѣдствія свидѣтелей, очень интересныя для уразумѣнія непокорности крестьянъ:

— Какъ загадалъ войтъ на жнива, Киричковъ сынъ Корнѣй, гоняясь за войтомъ съ цѣпомъ, говорилъ: „доситъ вамъ, скурвіи сини, панщины робити!“

— Ивашину Римаренку загадалъ войтъ по дрова ѣхать, — онъ, выкинувъ „въ грабежъ“ свиту (т. е. отказывался ѣхать, за что отдавалъ свиту для найма другого), сказалъ: „якъ панъ собака, такіе теперѣ и войты настали!“

— Къ Андрею Красѣю онъ же, войтъ, пришелъ, чтобъ по дрова ѣхалъ, а сынъ его Карпъ отвѣчалъ: „тогда будемъ пана слухать, якъ довбня зацвѣтеть“.

— Кондратъ Редька, подольскій войтъ, показалъ на Федора Сердюка и на жену его, что — какъ выганялъ ихъ на панщину, по дрова, слышалъ отъ нихъ такія слова: „не станемъ панщины робити, годѣ вже! Полуботка и Чарныша немашъ, то и сихъ не будетъ пановъ, которымъ теперъ приказано начальство!“

— Онъ же, войтъ, показалъ на Петра Бискупа, что тотъ говорилъ въ кузницѣ: если есть у пана битые талыры, пусть мѣняеть, а то какъ выйдетъ Орликъ съ ордою, то и вамъ, и пану за холявы жаръ сыпать будемъ! А въ шинкѣ Бискупъ подсмѣивался: „вызволь, Боже, изъ темницы нашего пана и уже такъ бы вы были, какъ вашъ (нашъ?) панъ есть!“ ⁶⁶⁾ (?) Спросили одного стараго козака и тотъ показалъ, что Бискупъ въ кузницѣ, при многихъ людяхъ, говорилъ слова: „не зарекаемся еще пану за холявы жаръ сыпать, а старымъ — бороды рѣзати да арканы плести“.

⁶⁶⁾ Не разумѣется ли здѣсь Полуботокъ, сидѣвшій тогда въ крѣпости? Можетъ, Бискупъ здѣсь говорить отъ имени пановъ, которые въ Полуботкѣ видѣли поддержку своихъ притязаній на порабощеніе крестьянства... Во всякомъ случаѣ, изъ словъ Сердюка можно заключить, что Полуботокъ не пользовался популярностью въ народѣ... О Чарнышѣ и не говоримъ: о его насиліяхъ осталось слишкомъ много не подлежащихъ сомнѣнію фактовъ.

Допросивши, виновныхъ повезли въ Глуховъ, о чемъ Гречаный писалъ (27 апр.) правителямъ: „присланный изъ Глухова съ указомъ п. Игнатъ Данковскій противниковъ и самовольниковъ, моихъ подданныхъ, побралъ закованныхъ, съ которыми—пока ихъ къ рукамъ прибрали—много труда мы набрали. А два—Яцко Подолка и Василь Вовкодавецъ—ушли и, какъ говорятъ, пошли въ Глуховъ: если они туда явятся, прошу приказать посадить ихъ въ тюрьму. А допросы ихъ, противниковъ, посылаются при этомъ для вырозумленія явного власти противного поступка.“

Подолка и Вовкодавецъ дѣйствительно явились въ Глуховъ и подали тамъ отъ имени всей громады жалобу, которая нѣсколько противовѣчитъ словамъ Гречанаго: „жалостно ускаряемся на пана своего Федора Гречанаго за его жестокое насъ истязаніе и тиранскіе побои; а кого били, здѣсь показываемъ: 1) Степана Дубогризенка четыре раза билъ (Греч.) нагайками „истягши убрання изъ его, а сорочку Данковскій напинавъ“ (т. е. снявши шаровары, а рубаху поднималъ Данк.), присланный изъ Глухова; а бьючи, допрашивалъ: не поѣдешь въ Глуховъ бить челомъ на пана своего? и къ присягѣ приводилъ, подъ тиранскимъ мученіемъ, такъ что силою присягали, что не поѣдемъ жаловаться. А Данковскій взялъ съ Дубогризенка 5 золот. 2) Сидора Будника билъ четыре раза, допрашивая—поѣдетъ ли онъ жаловаться; и Сидоръ, не стерпя мученій, подписался крестомъ, что не поѣдетъ; а Данковскому долженъ былъ дать копу грошей. 3) Ивана Романенка билъ четыре раза, все за то же, чтобъ не жаловался; а Данковскій таларъ взялъ. 4) Романа Пасичненка билъ четыре раза, и тотъ отъ мукъ поклялся не жаловаться, а Данковскому восемь шаговъ далъ. 5) Дениса Друченка четыре раза билъ и рубля денегъ взялъ Данковскій. 6) Андрея Красья билъ четыре раза, допрашивая—поѣдетъ ли жаловаться въ Глуховъ; тотъ пообѣщаль, но креста не написалъ и Данковскому рубля не далъ, а пошелъ къ вашему державству. Грицко Друкъ хотѣлъ отправляться въ Глуховъ, но видя такое мученіе людей, откупился, давъ рубля Данковскому. Брали „грабежь:“ у Кирика Рѣзника—кожухъ взялъ; у Михайла Голубничого, не заставши его дома, потому что многіе въ то время разбѣжались по лѣсамъ, „молодиць“ били и кожухъ взяли; у Яцка Подолки, тоже не найдя его дома, перепугали „молодиць“ и ножи забрали. Петра Бискупенка—какъ началъ давить колодкою, требуя талара „датку“, и тотъ видячи такое мученіе, далъ 14 шаговъ, а остального не

дать. А Данковскій, будучи у насъ въ селѣ, такія чинилъ долегливости: курей бралъ по пятеро на день, пшена по полсита, сала по два куска, и сала „полтела“ привезъ домой, женѣ своей, и полтѣла пшена. За тѣмъ громада „молить о святой сираведливости.“ Изъ слѣдствія не видно, что было дальше; но видя, какого слѣдователя послали въ Подолки, можно догадываться, что державца не далъ себя въ обиду и послѣ такой жалобы... ⁶⁷⁾

Посполитые с. Хмелевки (стародуб. у.) жаловались Полуботку въ 1722 году: „Жалуемся вашей панской вельможности на п. Ивана Паливоду, который, при помощи покойного полковника стародубскаго Жоравки, завладѣвши ратушнымъ селомъ Хмелевкою, началъ притѣснять насъ непомѣрными работами и поборами собственно съ цѣлю. *чтобисмо по слободахъ расходилися, а сму чтобъ грунта наши и двори остались.*“ И дѣйствительно, изъ десяти насъ тяглыхъ только одинъ остался, а прочіе *по слободамъ, оставивши свои осидлости, мусьли отъ налогу, яко и мы, разволоктися.* И, Курпѣй, Горбачонокъ, когда жилъ подъ ратушею стародубскою, то давалъ одинъ талеръ побору, а какъ достался Паливодѣ въ подданство, давалъ ежегодно по четыре талера, осмачку овса, 80 возовъ дровъ; кромѣ того, Паливода опредѣлялъ мнѣ пахотнаго поля на 8 осмачокъ, которое ежегодно пахалъ, засѣвалъ и сжиналъ однимъ своимъ дворкомъ, кромѣ сѣннаго покосу и особыхъ его Паливоды уставичныхъ пригоновъ. Отъ такихъ тяжестей принужденъ былъ, оставивши свою „отчизну“, выйти въ село Курковичи, въ подсосѣдки... А въ нынѣшнемъ 1722 г. онъ, Паливода, подманилъ меня возвратиться въ Хмелевку и общалъ съ моею землею, засѣянной житою, дать мнѣ скопщину. Полагаясь на его слово, я перешелъ снова въ Хмелевку и накосилъ на своемъ грунтѣ возовъ 30 сѣна; но онъ Паливода обманулъ меня: и сѣно мое забралъ, и скопщины не далъ, и привелъ меня совсѣмъ къ разоренію: „ибо я черезъ лѣто заробилъ бнмъ собѣ и дѣтемъ своимъ шмать хлѣба...“

Иванъ Пилиповичъ, „не могши незмѣрныхъ тяжестей знести, мусѣлъ оставити свою отчизну и пречъ одъ Хмелевки селца пойти, а онъ Паливода забралъ у мене пенки рупень ⁶⁸⁾ копь 10 и три стоги сѣна и вижилъ мене зъ наслѣдія моего“...

⁶⁷⁾ Арх. Млрс. Кол.

⁶⁸⁾ Рупень—въ южной Малороссіи горстка, визка.

Василій Нетьаженокъ отъ безмѣрныхъ работъ и податей, долженъ былъ осѣдность и грунта свои покинуть и пойти на слободу Костобобрь...

Такъ жили державскіе подданные; но не лучше было и монастырскимъ, а малороссійскіе монастыри, какъ извѣстно, владѣли огромными маестностями.—Мы приведемъ здѣсь одинъ только рассказъ (1730 г.) посполитыхъ села Ушни (сосницкаго уѣзда), чтобы показать, какія сильныя средства употребляли монахи въ отношеніяхъ своихъ съ крестьянами: „мы, козаки села Ушнѣ, сею сказкою въ полковую черниговскую канцелярію показываемъ, что отъ праздника Петра и Павла прошлаго 1729 г., по это время, староста ушенскій Кипріянь, да іеромонахъ, заступающій въ Ушнѣ мѣсто священника, Варлаамъ запретили намъ и всѣмъ нашимъ домашнимъ ходить въ церковь, говоря, что такой имъ приказъ имѣется отъ преосвященнаго черниговскаго Иродіона Жураковскаго; и когда кто изъ нашихъ захочетъ пойти въ церковь, то въ шею выбиваютъ изъ церкви... и приказано по всѣхъ околичныхъ церквяхъ, чтобы нигдѣ никого изъ насъ не пускали въ церковь... И потому мы всѣ со всѣми домашними отъ того времени ни въ великій постъ, ни также въ другіе посты не говѣли и молитвы все это время намъ не давано, и въ свѣтлый воскресенскій праздникъ паски намъ не священы... а запрещеніе то учинилось за то, что мы, по указу ясновельможнаго п. гетмана Данила Апостола, написаны изъ посполитыхъ въ козаки. Да тѣ же Кипріянь и Варлаамъ козаковъ ушинскихъ Тараса Косяченка и друг. (семь челов.) за то, что они насъ не допускали имъ въ обиду, отлучили также отъ церкви, и такое запрещеніе имъ продолжалось четыре мѣсяца, пока самъ преосвященный, будучи въ Ушнѣ, не далъ имъ благословенія. А пока дано было послѣднее, то умеръ козакъ Михайло Сѣнченко, который ни исповѣданъ, ни сакраментованъ и по обычаю христіанскому съ похорономъ не хороненъ, но сами козаки въ саду схоронили, котораго гробъ и до сихъ поръ не печатанъ...“⁶⁹⁾

Интересны также рассказы посполитыхъ мѣстечка Комышной, принадлежавшей „на рангъ“ гадяцкихъ полковниковъ; комышане,

⁶⁹⁾ Арх. Млрс. Кол., № 4998. Въ 1767 г. Румянцовъ писалъ: „монастырскія имѣнія управляются безпредѣльно по произволению властей, натурально не съ выгодою для подданныхъ, ниже оныхъ раченіемъ...“ Малороссія въ 1767 г., В. Авсѣенка, 144.

какъ видно, занимались преимущественно торговыми промыслами, а гадяцкій полковникъ Михайло Милорадовичъ, по своему происхожденію—сербскій купецъ, веда самъ значительную торговлю, сталъ включать комышанамъ, въ число ихъ повинностей, комерческіе свои обороты.

Андрей Туръ говоритъ: прежде до замку Гадяцкаго платилъ въ годъ по 3 р., а бывшій полковникъ Чарнышъ велѣлъ платить по 5 р.; а покойный п. Милорадовичъ приказалъ насильно брать по 7 р. 20 к. Да къ этому чиншовому датку накидомъ дано полковничого шолку 10 ф., (для продажи) по 1 р. 80 к. фунтъ, а проданъ по 1 р. 40 к.; бунтъ сафьяну, за 5 р., а проданъ за 3 р. 50 к.; китаю два тюма, по 10 р., а проданъ по 7 р.; рижу (рису) 5 каменей, по 1 р. камень, а проданъ по 60 к. Въ Крымъ съ маломъ полковничимъ, а изъ Криму вино, наемною подводю возилъ и истратилъ 7 р. Косилъ сѣна 300 копиць, потратилъ 5 р.; да еще за это сѣно оболгалъ меня староста Кононецъ съ Янкуломъ Волошиномъ предъ полковничкою, будто не хотѣлъ косить, а за то, взявши меня въ колодку, послали въ хуторъ на Бодакву, гдѣ безъ пощады кievымъ боемъ увѣчили; также и дочку мою безчестно канчуками велѣла полковничка бить за то, что, видя меня безвинно мучимаго, съ жалости „падала на меня подъ кiв.“ Поволовщины взяли 1 р. 60 к.; за пчельную десятину разъ по указу Коллегіи взято, а въ другой—для себя, съ улья по 6 к. Сукна штуку накинули за 16 р., а продано за 13 р.; за червецъ взято 1 р. 80 к.

Антониха Печерская говоритъ: мужъ прежде отдавалъ такое же послушенство, какъ и другіе; а бывшій полковникъ Чорнышъ велѣлъ платить чиншу по 5 р.; а покойный Милорадовичъ велѣлъ брать по 7 р. 20 к. Къ тому чиншовому платежу накидомъ дано шолку 10 ф., по 1 р. 80 к., а проданъ по 1 р. 40 к.—и т. д., какъ и съ Туромъ. Сѣна косили 300 копиць и за оное сѣно оболгано мужа моего, будто не хотѣлъ косить; а за то пани полковникова велѣла отправить его въ хуторъ на Бодакву, гдѣ безъ пощады смертно кiями предъ нею убито, съ котораго бою не пришелъ мужъ мой къ первому здоровью и померъ на восьмомъ мѣсяцѣ: а я вдовствовала съ малыми дѣтьми два года. На подводѣ въ Царицынѣ истратила 8 р., на подводѣ въ Крымъ 6 р., поволовщины 2 р., показанщины ⁷⁰⁾ за три казана, по 60 к. отъ казана; за червецъ 1 р. 80 к.

⁷⁰⁾ *Показанщина*—плата отъ винокуреннаго казана, котла.

Подобныхъ жалобъ принесено было Апостолу много, но мы приведемъ еще только одну, чтобы показать, какъ съ бѣльшимъ богатствомъ посполитаго больше съ него и тянули.

Иванъ Кирста говоритъ: дѣдъ мой служилъ въ компутѣ козацкомъ, а отецъ платилъ на гадяцкій замокъ въ годъ по 3 р. и больше никакой работы не зналъ. А мнѣ бывшій полковникъ Чарнышъ велѣлъ платить въ годъ по 5 р. чиншу. А покойный Милорадовичъ приказалъ брать по 7 р. 20 к. А къ тому накинули шолку 10 ф., по 1 р. 80 к., а проданъ по 1 р. 40 к. Въ 1724 г. платилъ въ коллегію съ весняной мельницы по 60 к., показанщины—1 р. 40 к., табачной десятины за 20 пап.; и полковничка (жена Мих. Милорад.) велѣла принуждать въ тюрьмѣ, пока не уплатилъ того же самага и ей. Подвода въ Царицынѣ—7 р. Въ 1725 г. далъ чиншу 12 талеровъ, показанщины—1 р. 80 к., *поколецины* (отъ мельничного колеса)—60 к., табачной десятины—6 пап., пѣна по 70 к.; тютюника велѣла взять на свою работу, не заплативши. что былъ мнѣ долженъ 7 р. 80 к. Въ 1726 г., заплатилъ чиншу 12 тал., показанщины—1 р. 80 к., за мельницу—60 к., табачной десятины—6 п., по 80 к. пудъ; поволощины—1 р. 60 к. Въ Петербургъ гонялъ ихъ полковничій скотъ, 80 воловъ, на своихъ лошадахъ и за своею харчью. И сему полковнику пану Гаврилу (Милорадовичу) чиншу взято 7 р. 20 к., поволощины—2 талера, поколецины—60 к. и табачной десятины—325 папушъ.

Въ приведенныхъ разсказахъ, между прочимъ, мы видимъ примѣры жестокости обращенія державцевъ съ своими подданными, которые показываютъ, что личная свобода посполитыхъ нисколько не защищала ихъ личность отъ истязаній пановъ. Въ частныхъ случаяхъ жестокость, съ которою державца смирялъ всякое неповиновеніе своего подданнаго, доходила иногда до совершеннаго звѣрства... Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ: посполитый с. Малыхъ-Будищъ, Андрей Пугачъ, пишетъ гадяцкому полковнику: (1733 г.)—„имѣючи я малолѣтнюю дочь Евфросинію, по случаю крайняго убожества, также увѣчья и вдовства своего, отдалъ было на прокормленіе и услугу бывшей гадяцкой полковницѣ Михайловой Милорадовичевой, паней Ульянѣ, у которой она, дочь моя, лѣтъ 18, изучила мастерство тканья ковровъ. Во все это время дочь моя вѣрно служила паней Милорадовичевой, не получая никакой платы. Въ этомъ году, прошлаго 21 юня, безъ бытности Милорадовичевой дома, дочь моя пришла было ко мнѣ, въ мона-

стырское село Малыя-Будица, какъ до отпа, „въ гостину“; но за ней сейчасъ же прибѣжали панскіе слуги и взяли её въ Гадячъ; и по привозѣ ея туда, пани Милорадовичева сейчасъ же, „велѣвши слугамъ розложить, такъ тиранско канчуками по спитѣ и по череву, паче же, нарочно ноги оставивши, по срамному уду бити казала, же обидва исходы не могли внутрности задержати... Одъ якого безчеловѣчнаго тиранства, кровію изшедши, (ибо своими черевиками (башмаками) она, Милорадовичева, очи повидавлевала и зубы всѣ повибивала, о семъ свидѣтелка вдова Олена Шербаха, которая всѣхъ ранъ тайно зъ женою моею оглядала) на третій день дочь моя умре, безъ надлежащаго обрядку церковнаго“. И хотя парохіальному священнику петровскому Симеону Васильевичу отъ намѣстника гадяцкаго и запрещено было погребать тѣло моей дочери, безъ осмотра гражданской власти, однако онъ попъ, „зная скорумповавшися“ (т. е. вѣроятно будучи подкупленъ), ослушался приказа и погребъ...“⁷¹⁾.

Такого рода жалобы, какія привели мы въ этихъ разсказахъ, разбирались большею частью только на бумагѣ, да и то не всегда; пересматривая дѣла по этимъ жалобамъ въ архивахъ генеральной войсковой канцеляріи и малороссійской коллегіи, мы нашли очень мало случаевъ, когда постановленіе суда, рѣшавшее дѣло въ пользу крестьянъ, приводилось въ исполненіе, развѣ уже обжалованный державца былъ самымъ послѣднимъ бѣднякомъ... Преимущественно бывало такъ, что если крестьянскія жалобы и признавались судомъ уважительными, то жалобщикамъ выдавался судебной „декретъ“, обязывавшій державцу притѣснителя удовлетворить крестьянъ за ихъ матеріальныя потери; но дѣло кончалось тѣмъ, что такихъ декретовъ не исполняли... Продажность суда и администраціи, о чемъ подробнѣе расскажемъ въ другомъ мѣстѣ, ставили крестьянъ въ безвыходное положеніе и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе убивали въ нихъ энергію... Поэтому въ жалобахъ державцевъ на непослушаніе крестьянъ рѣдко гдѣ находимъ указаніе на сколько-нибудь энергичскіе протесты съ ихъ стороны противъ державскихъ притѣсненій и угнетеній. Только волненія, начавшіяся за смертью Скоропадскаго въ малороссійскомъ обществѣ по поводу слуховъ объ уничтоженіи гетманства и замѣнѣ его русскою администраціею, пробудили было въ крестьянахъ какія-то смутныя надежды на улучшеніе ихъ быта

⁷¹⁾ Арх. Млрс. Кол., № 402.

и они было зашевелились...⁷²⁾ Но всё эти волнения утишили Полуботоѣ, а что осталось послѣ его ареста, такъ докончили „правителя“ генеральной канцеляріи. О характерѣ крестьянскихъ волненій въ 1722 г., послѣ смерти Скоропадскаго, можно получить понятіе изъ слѣдующей жалобы Малѣшевскаго, державца села Синина (стародубск. у.): „Подданные наши, уже лѣтъ отъ сорока намъ въ послушенствѣ обрѣтающіеся, по мѣрѣ своей служили; а теперь—или съ чихъ наговоровъ, или сами собою—въ развращеніе пришли и не хотятъ належитого своего отдавати послушенства; сами между собою бунтъ вчинають до заводовъ (до драки), который сильнѣйшій, то убогого бьетъ, и нѣтъ средствъ какъ ихъ унять, „бо отказуютъ: *не можетъ зъ насъ никто теперь учинити справедливости*, а державцѣ своего не боимся“! *И осторожно теперь мы съ ними обходимся*, боясь, чтобы отъ бунтовъ ихъ въ своемъ здоровьи не пострадать. Посему просимъ, вельможный пане, (писано Полуботку, въ сентябрѣ 1722 г.) выдать намъ открытый свой листъ, которымъ бы можно смирить ихъ бунтовство, „и волно бы державца винною по ею винѣ скарати, на всякую тежъ, по прежнему, работизу затъвати, ибо поборовъ жаднихъ зъ нихъ до двора нашего не берется, кромѣ послушанія мѣрнаго“⁷³⁾.—Видно, что сининцы не отказывались отъ послушенства вовсе, но что державца принужденъ былъ пользоваться только *послушаніемъ мѣрнымъ*... Полуботоѣ въ отвѣтъ на эту просьбу приказалъ стародубскому полковнику, чтобы тотъ, призвавши къ себѣ войта со всѣми посполитыми села Синина людьми, „пригрозилъ имъ накрѣпко—по прежнему належитого ему, п. Малѣшевскому, отдавати послушанія; а еслибъ который зъ нихъ тому вашей мости указовѣ явился преслушникомъ быти, такого всякого повелѣваемъ до вязеня брати (арестовать) и по своему разсмотрѣнію до послушенства каранемъ склонять, *поневажъ о такихъ противникахъ довольно уже и въ универсалахъ нашихъ, прошедшаго мѣсяца августа въ полки отправленныхъ, выразилося*“.

Какой же исходъ существовалъ для крестьянъ отъ державскихъ притязаній и насилій?—Крестьяне, которымъ приходилось не въ моготу отъ чрезмѣрнаго „послушанія“, избавлялись отъ него

⁷²⁾ Были еще, незначительныя впрочемъ, крестьянскія волненія въ началѣ 1709 г., преимущественно въ монастырскихъ имѣніяхъ. Арх. Черниг. Гав. Пал.

⁷³⁾ Арх. Млрс. Кол.

тремя способами: 1) переписывались изъ посольства въ „товариство“, т. е. изъ крестьянъ въ козаки; 2) покидали свои земли и осѣлости и садились на слѣбоды и 3) также покидая свою осѣдность, переходили въ подсосѣдки.

Для совершеннаго уясненія судебъ малороссійскаго крестьянства, нужно рассказать подробно—какъ все это дѣлалось.

Лучшій исходъ для крестьянина, желавшаго избавиться отъ насилій державцы, заключался въ переходѣ въ козацье сословіе; изъ подневольнаго онъ, въ такомъ случаѣ, становился свободнымъ, не теряя своего поземельнаго имущества. Но достиженіе этой цѣли—козачества—было не легко. До первой ревизіи въ Малороссіи, сдѣланной по распоряженію Петра В. въ 1723 г., въ полкахъ всегда имѣлись поименные списки полчанъ, такъ называемые *компуты*, начало которыхъ относится къ концу XVII в. ⁷⁴⁾). Компуты провѣрялись едва ли не ежегодно ⁷⁵⁾); при такихъ провѣркахъ, крестьянину не трудно было попасть въ компуть, если онъ имѣлъ достаточно средствъ, чтобы подкупить тѣхъ, кто провѣрялъ полковой компуть, и если его державца не пользовался вліяніемъ, чтобы съ успѣхомъ тому воспротивиться. Уже въ сказкѣ коровинскихъ жителей мы видѣли примѣры, какъ „сынъ мужичій“ Бѣлобыла вписался въ компуть, заплативъ державскому старостѣ Магеровскому, а „сынъ мужичій“ Щербина, по полтавской баталіи, уприсялся у козацтво. Что эти примѣры не были рѣдкими, видимъ изъ многихъ „дѣлъ“ о такъ называвшихся *новотисныхъ козакахъ*. Вписываться въ козаки помогъ очень указъ Петра В. 1723 г. о ревизіи, имѣвшей въ виду, между прочимъ, возвратъ въ козачество тѣхъ, которые силою и неправдами вліятельныхъ державцевъ поверстаны были въ посполитые. На основаніи этого указа, явилось много изъ посполитыхъ охотниковъ доказывать свое козацье происхожденіе, а съ деньгами, какъ увидимъ, не трудно было добиться козачества. На другой годъ послѣ ревизіи, въ 1724 г., одинъ изъ державцевъ, п. Булавка писалъ въ генеральную канцелярію: поданные мои, жители села Смичина и д. Кобилянки, сдавна отцу моему пожалованные, до сихъ временъ въ тяглости мужицкой находились и до всякаго посполитаго дѣла были послушны; а когда

⁷⁴⁾ См. приведенную выше сказку жителей села Коровинецъ; Юхта говоритъ, что въ Хмельницкаго компутовъ не было.

⁷⁵⁾ Въ дѣлахъ к. XVIII в., о крестьянахъ, отыскивавшихъ свое козачество, упоминаются компуты 1702, 1704, 1713, 1721 гг.

въ 1723 г. паны Рубецъ и Борозна, посланные по императорскому указу въ полкъ черниговскій для ревизіи посполитыхъ и козацкаго стану людей всего полка, нѣкоторыхъ изъ подданныхъ, по свидѣтельству людскому, въ козацкій компуть приняли, а другихъ, не доказавшихъ своего козачества, оставили въ тяглости и записали въ мужицкіе реестры,—съ тѣхъ поръ послѣдніе самовольно тиснутся въ козацтво, „а взявши предъ себе великую упорчивость, жадного подданическаго не хотять отдавати послушенства...“⁷⁶⁾ И дѣйствительно, съ этого времени мы встрѣчаемъ очень много примѣровъ перехода посполитыхъ въ козачество съ помощью закупленной администраціи. Какъ это дѣлалось, видно изъ эпизодическаго слѣдствія о нововписныхъ козакахъ прилуцкаго полка, полковникъ котораго Галаганъ до такой степени сталъ злоупотреблять при этомъ своею властью, что Апостоль послалъ туда генеральнаго хорунжаго Горленка (1732 г.)—обслѣдовать дѣло на мѣстѣ. „Изъ вѣрныхъ свѣдѣній узналъ я, писалъ гетманъ хорунжему, что п. полковникъ прилуцкій, помимо тамошней полковой старшины, природныхъ мужиковъ, которыхъ отцы и дѣды посполитую отбывали тяглость и сами они въ мужицкомъ пребывали званіи,—кого захочеть, вписываетъ въ козацкій компуть, имѣя при этомъ себѣ за совѣтника писаря своего полковаго⁷⁷⁾, который въ дворѣ его, п. полковника, край конюшни, полковою канцелярією править; и хотя полковая старшина много разъ ему, писарю, замѣчала, что если это ищетъ козачества, то нужно о тѣхъ забирать свидѣтельскія показанія, „а не такъ, що въ кого деньги толко чуютъ, то хочай весма не надлежитъ, по своему пристрастію, онъ писарь производитъ, а п. полковникъ поставляетъ“; и много уже съ разныхъ маетностей попринимали, а мало кого по годности (какъ слѣдовало бы, по справедливости), только были бы деньги... Желая получить объ этомъ достовѣрныя свѣдѣнія, предлагаемъ вамъ произвести о тѣхъ нововписанныхъ козакахъ обстоятельное дознаніе при помощи полковой старшины, кромѣ писаря, и старожиловъ изъ козаковъ, которые бы могли подтвердить ихъ право на козачество⁷⁸⁾.

⁷⁶⁾ Арх. Млрс. Кол., № 302.

⁷⁷⁾ Галенковскаго, который, пользуясь неграмотностью своего полковника, лѣтъ тридцать управлявшаго полкомъ, и подписываясь, поэтому, за него на всѣхъ официальныхъ бумагахъ, дѣлалъ что хотѣлъ въ прилуцкомъ полку.

⁷⁸⁾ Арх. Млрс. Кол., безъ №-ра.

Приѣхавши въ Придуку, Горленко пригласилъ къ себѣ въ помощь полковаго обознаго Огроновича, есауловъ Мовчана и Панковича и началъ слѣдствіе о каждомъ изъ новозаписанныхъ Галаганомъ въ компутъ. Между прочими записанъ былъ въ козаки посполитый села Дальнихъ-Сорочинець Иванъ Манджолъ; по справкамъ въ компутахъ и по свидѣтельству стариковъ, никто изъ предковъ Манджолы въ козакахъ не бывалъ, и когда Горленко съ товарищами порѣшилъ, что быть ему по-старому посполитымъ, то Манджолъ разсказалъ—чего стояло ему неудавшееся козачество: прежде всего положилъ п. полковнику—4 р.; какъ приняли „у значки“, ему же даль—3 р.; п. сотнику полковому, какъ вписывался въ козаки, даль—1 р.; въ другой разъ, какъ поѣхалъ въ Глуховъ, даль—1 руб.; писарю сотническому—2 зол.; п. писарю полковому, какъ приняли въ козаки, даль—2 р., а какъ приняли „подъ значокъ“ даль—1 р.; полковому подписку даль—полталера.—За Манджолой стали говорить и другіе нововписные, что кому стояло попасть въ компутъ. Открылось, что, кромѣ Галагана и Галенковскаго, и полковой сотникъ Петръ Носенко много побралъ денегъ съ желавшихъ попасть въ козачество. Напр., Иванъ Харченко показалъ, что п. полковнику даль—3 р. 50 к., писарю полковому—три дерева большихъ и денегъ рубль; сотнику полковому—денегъ три копы; писарю сотенному—полтину. Грицко Лавренко—п. полковому 2 р.; писарю полковому—1 р.; сотнику полковому—золотой (20 к.); подписку—талеръ; писарю сотенному—полосма шага (15 к.) и т. д. Вообще, по слѣдствію Горленка, открылось, что всѣхъ нововписанныхъ козаковъ въ полковой сотнѣ прилуцкаго полка—105 человекъ, изъ которыхъ 53 вписаны были въ компутъ, по мнѣнію Горленка, правильно, а 52 человекъ возвращены были въ посполство.

Вообще переходъ въ козачество былъ труденъ; случалось, что за желавшаго козачества тянула руку и сама высшая администрація, разумѣется задобренная „датками“, и все таки нечего нельзя было сдѣлать съ державцею, который, не желая терять подданнаго, употреблялъ всѣ средства, чтобъ не выпустить его изъ рукъ. Такъ посполитый села Некрасова (глуховск. у.), принадлежавшаго сыну глуховскаго протопопа, Борзаковскому, Трофимъ Бурый сталъ искать козачества въ 1724 г. Какъ видно, „скорумповавши“ правителей генеральной канцеляріи, онъ выхлопоталъ отъ нихъ такой указъ Борзаковскому: было предписано предъ симъ, чтобы Трофимъ Бурый въ посполитой находился тяглости; но такъ какъ онъ находится въ

козацкомъ званіи и козацкую отбываетъ службу, обѣщаясь всегда вѣрно служить его императорскому величеству, того ради оставляя его, Бураго, въ козацкомъ званіи, предлагаемъ некрасовскому державцѣ къ непремѣнному исполненію, чтобы онъ оставилъ Бураго и грунтъ его въ покоѣ, такъ какъ онъ долженъ быть козакомъ глуховской сотни.

Черезъ два года послѣ этого, жена Бураго писала въ генеральную канцелярію, что Борзаковскій, не смотря на указъ, многія имъ обиды и разоренія чинить, а сего 1727 году въ ставу нашемъ рыбу выловилъ, съ сѣнокосовъ сѣно побралъ, лѣса порубилъ и еще мужа моего взявши, заперъ въ комнатѣ и четыре дня „абы привернуть себѣ у подданство, нудилъ, а сего августа 6 дня билъ нещадно ремѣнными лѣвцами и прибилъ до полусмерти“, такъ что уже родичи мои на носилахъ его принесли въ дворъ, чуть живого... При слѣдствіи, Борзаковскій подтвердилъ все это, прибавивъ, что „онъ указа не пренебрегалъ, такъ какъ у него было два указа изъ той же генеральной канцеляріи, чтобы Бурому быть въ его подданствѣ...“⁷⁹⁾.

Затруднительность перехода въ козачество заставила посполитыхъ обратиться преимущественно къ слободамъ. Мы видѣли уже примѣры, какъ державцы, въ борьбѣ своей за послушенство съ тяглыми крестьянами, доходили до того убѣжденія, что полезнѣе всего выживать старыхъ крестьянъ изъ ихъ осѣдлостей и замѣнять ихъ новыми, „лѣзными“, которые, изъ крайности, соглашались на всякое послушенство. Такъ, жители села Хмелѣвки жаловались, что державца ихъ притѣсняетъ непомѣрными работами и поборами, собственно имѣя въ виду, чтобы они, крестьяне, расходились по слободамъ, а дворы и грунты ихъ оставались бы въ пользу державцы, для привлеченія новыхъ подданныхъ⁸⁰⁾. Такъ дѣлали, какъ мы сказали уже, незначительные державцы, не имѣвшіе ни собственнаго вліянія на администрацію, ни связей, съ помощью которыхъ можно было бы держать крестьянъ въ безотвѣтномъ повиновеніи. Отъ державцевъ вліятельныхъ крестьяне уходили, большею частью, помимо ихъ воли; такимъ державцамъ, какъ Гречаный, не трудно было держать своихъ крестьянъ въ полной своей зависимости, и для нихъ было почти безразлично—тяглые ли отбываютъ имъ послу-

⁷⁹⁾ Арх. Мирс. Кол., № 155.

⁸⁰⁾ См. выше, стр. 45.

шенство, или лѣзные. Но эта же самая сила такихъ державцевъ часто и дѣлала положеніе ихъ подданныхъ невыносимымъ, заставлявшимъ бросать свои осѣдлости и искать счастья по слѣбодахъ...

Бывшій крестьянинъ Горленка, того самаго, который производилъ слѣдствіе о нововписанныхъ козакахъ прилущкаго полка, писалъ Галагану: „доношу вашей милости, что въ прошлый вторникъ, когда выѣхалъ я къ своему житу подъ Заѣздъ, сейчасъ же заѣздовскій войтъ съ слугою п. Якимъ Горленка, поймавъ меня, стали звать къ пану Якиму; и какъ только я пріѣхалъ къ нему, то онъ началъ тирански меня бить за то, что я изъ села его Заѣзда перешолъ въ маѣтность вашей панской милости. А побивши, приказалъ меня связать и, положивши на возъ, перевезли меня въ Заѣздъ; но провезя немного, панъ Якимъ приказалъ войту: „развяжи его, говорить, и пусти, чтобъ отъ побитья онъ не умеръ еще“. И пустили меня самого, а лошадь съ возомъ и косою отобрали у меня... Прошу вашу панскую милость вступиться за меня, чтобы п. Якимъ, если я останусь отъ сего побою живъ, до меня не касался и возвратилъ бы мою лошадь съ возомъ. А перешолъ я изъ Заѣзда потому, что несносныя работизны бывало налагаетъ, отъ которыхъ много людей, покидавши грунта, порасходилися, именно: 1) Андрей Ковчинъ бросилъ грунтъ за 100 зол. и 2 тал. и пошолъ въ хуторъ Рудовку. 2) Леско Кашубенко бросилъ грунтъ за 50 зол. и зерна на 100 зол, и пошолъ у Буды. 3) Кондратъ Вѣличенко, бросивъ грунтъ, пошолъ въ полкъ миргородскій. 4) Якимъ Стрѣльченко, 5) Грицко Плахутенко, 6) Иванъ, Бакановъ зять, 7) Яковъ Синиченко, 8) Юско Синиченко, 9) Тимко, Ситниковъ зять, 10) вдова Борисиха, 11) Юско Борисенко, 12) Хвесько Дмитриченко, 13) Федоръ Ткачъ, 14) Кость Ткачъ, 15) Иванъ Макушенко, 16) Филиппъ Дубко и 17) Василь Лукианенко—покидали свои грунты и порасходились въ разныя мѣста“⁸¹⁾.

Вотъ такіе крестьяне, какъ ушедшіе отъ Паливоды и Горленка, потерявъ свои осѣдлости, и становились лѣзными. Впрочемъ, въ массѣ лѣзныхъ только меньшинство принадлежало къ мѣстному крестьянству, обездомѣвшему вслѣдствіе державскихъ притѣсненій; большинство же лѣзныхъ крестьянъ состояло изъ переселенцевъ, находившихъ въ Малороссію изъ разныхъ сосѣднихъ „заграницъ“—искать хлѣба и счастья.

⁸¹⁾ Арх. Млрс. Кол., № 288.

Во время своего освобождения, Малороссия населена была очень бедно, особенно по крайним своим предѣламъ, по сѣверу и югу, и славилась по сосѣдямъ своимъ поземельнымъ богатствомъ и доступностью послѣдняго для всякаго пришельца. Южные предѣлы, по богатству своихъ земель и по отдаленности своей отъ центра и власти, заселились раньше; уже въ 1651 г., когда польскія войска стали постоемъ въ сѣверной Малороссіи, население послѣдней двинулось къ югу: „козацтво зась, зостающее въ городахъ“⁸²⁾, волно сходили зъ тихъ городовъ, кидаючи набытки свои, у городи, ку Полтавѣ и тамъ слободы поосажовали, а инніе на грунтахъ московскихъ слободы поосажовали, не хотячи съ жолнѣрами зоставати и стацей онимъ давати, бо несносную стацію брали...“⁸³⁾ За тѣмъ, послѣ бѣдственной „Чигиринщины“⁸⁴⁾, изъ-за Днѣпра двинулась на Полтавщину цѣлая масса народа: Величко разсказываетъ, что въ 1674 г., послѣ разоренія турками Запдѣпровья, „останокъ народа, въ городахъ и повѣтахъ тамошнихъ чрезъ турчина незачепанихъ бывшаго, розсуждаючи свою недолю, а ни отъ кого згола жадной милости и оборони себѣ не надѣючися, турецкихъ зась даней людми и дѣтми, по учиненному того лѣта образцу, що рокъ отъ себе сподѣваючися, многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирався, болесними серцами а слезоточительными очима вѣчне зъ своими красными тамошними селеніями и угодіями пожегнавшися, що-живо на сюю Днѣпра сторону перебирался и где улюбя, по рознихъ сегобочнихъ полкахъ украинно-малороссійскихъ для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣсца; а особливе въ полку полтавскомъ засѣлъ по рѣцѣ Орели новими городами... и вся сегобочная Украина, *предъ тимъ малолюдствовавшая*, отъ того времени тогочочными людми украинскими наполнилася и умножилася...“⁸⁵⁾

⁸²⁾ Мы уже видѣли, что подъ „городами“ разумѣлась сѣверная Малороссія, настоящая Черниговская губернія.

⁸³⁾ Лѣтопись Самов., 29.

⁸⁴⁾ Такъ народъ называлъ время извѣстныхъ чигиринскихъ походовъ Самойловича, разорившихъ запдѣпровскую Украину. Чигиринщину народъ долго помнилъ и въ XVIII-мъ вѣкѣ еще ставилъ ее эпохою своего лѣтосчисления: „я Григорій Григорьевичъ чиню вѣдомо, же дѣдъ, отецъ мой и я родилися въ уѣздѣ Пяскомъ, и я зайшовъ сюды передъ *Чигиринщиною*...“ Такъ показывали крестьяне въ 1722 г., когда ихъ спрашивали о происхожденіи. Арх. Млрс. Кол., № 1350.

⁸⁵⁾ Величко, II, 355 и 356.

Заднѣпровскіе выходцы были счастливы: они перешли въ Полтавщину, когда она по своему безлюдству была почти свободна от панскодержавскихъ притязаній, и потому выходцы, оселясь здѣсь, безпрепятственно вписывались въ козацкіе компуты и тѣмъ болѣе или менѣе сохранили свою свободу и въ-послѣдствіи. Другіе выходцы изъ Польши (Бѣлоруссія) и Россіи, надвинувшіеся на сѣверъ Малороссіи (по Десну и Сеймъ) были менѣе счастливы. Сѣверная Малороссія, собственно такъ называвшіеся „города“, уступая южной качествомъ земель, была богаче ея разнообразіемъ поземельныхъ угодій: тутъ были лѣса, озера, рѣки, дуга и все, что нужно для хозяйства и сельскихъ промысловъ⁸⁶⁾. Кромѣ того, она была богаче южной и городами (Почепъ, Погаръ, Стародубъ, Новгородокъ, Любечъ, Черниговъ, кромѣ меньшихъ—мѣстечекъ). Поэтому и за поляковъ сѣверная Малороссія привлекла къ себѣ больше панства; тутъ было позанимали себѣ маетности Пясочинскій, Оссолинскій, Кисель, потому что здѣсь представлялось хозяйскопромышленныхъ удобствъ гораздо болѣе, чѣмъ въ южныхъ степяхъ, гдѣ могъ безбѣдно панствовать только такой богачъ, какъ Вишневецкій.

Съ изгнаніемъ Поляковъ, и малороссійская старшина прежде всего обратилась за маетностями—на сѣверъ.

Поэтому польскіе и русскіе выходцы хотя и нашли въ Малороссіи пустыя земли, которыхъ искали для поселенія, но земли эти были уже заняты войсковою старшиною, которая даромъ уступать ихъ не хотѣла. Землевладѣльцы, какъ мы уже сказали, хорошо понимали, что чѣмъ спорить съ тяглыми крестьянами, гораздо легче подчинить себѣ лѣзныхъ крестьянъ; лѣзныи былъ бездомникомъ и за кусокъ хлѣба соглашался на всякое предложеніе державца, предлагавшаго ему оселиться на своей землѣ. Лѣзныхъ крестьянъ было много; кромѣ мѣстныхъ, покидавшихъ свои осѣлости отъ державскихъ насилій, они толпами находили изъ Польши и Россіи, стараясь избавиться отъ голода и крѣпостной зависимости. Они такъ и извѣстны были въ Малороссіи подъ именемъ „нахожихъ людей“.

Съ этими находими людьми, имѣвшими большое вліяніе на крестьянскій бытъ въ Малороссіи, слѣдуетъ познакомиться ближе. Архивныя дѣла сохранили намъ довольно обстоятельную ихъ исто-

⁸⁶⁾ Указаніе на развитіе промышленности въ сѣверной Малороссіи сохранилось до сихъ поръ въ названіи селъ и хуторовъ—*будими, руднями, цутими*, что на югѣ почти не встрѣчается.

рію, изъ которыхъ мы и представимъ здѣсь болѣе любопытныя извлеченія.

Въ 1722 г. назначено было, по указу Петра В., слѣдствіе по всему стародубскому полку для розыска бѣглыхъ крестьянъ „великороссійской породы“, которые затѣмъ должны были возвратиться на родину, къ своимъ прежнимъ помѣщикамъ. При слѣдствіи отбирались показанія отъ всѣхъ селянъ стародубскаго полка, о которыхъ было хотя малѣйшее сомнѣніе, что они не мѣстные уроженцы. Приводимъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ показаній⁸⁷⁾.

— Я, Григорій Григорьевичъ, чиню вѣдомо, же дѣдъ и отецъ мой и я родилися в уѣздѣ пинскомъ, в селѣ Конятинѣ; и я зайшовъ сюда передъ Чигиринщиною, в Бутовско, и тамъ узав жону украинку, з Корсуна зайшлую, а тепер живу в хуторцѣ Кневицкомъ п. моего Кголембіовскаго.

— Я, Данило Демиденокъ, чиню вѣдомо: дѣдъ мой, отецъ и мати родиню з Литви, а я родився в Кневичахъ.

— Я, Иванъ Новичонокъ, извѣстную: отецъ мой родився в Петуховѣ под Чаусами, в Литвѣ, а matka под Почепомъ, в Дяговѣ; и я родився в Дяговѣ; зайшли въ Киваи од первой саранчи.

— Я, Василь Прилюпа, извѣстную: дѣдъ, отецъ и мати моя и самъ я з Лагищина, мѣстечка з Литви; зайшоль в Ярцево о первомъ голодѣ. Жена моя литовской породы; живу въ Киваяхъ од шведской руини.

— Дмитрій Григорьевичъ, отецъ его зайшоль ис Камянця-Подолского; matka его из села Лихачева, ис-под Нѣжина.

— Остапъ Степановичъ, отецъ его зайшоль из села Шаповаловки, ис под Борзни, а matka из Новихъ-Млинувъ.

— Антонъ Исеевичъ, великороссійской породы, понялъ соби жону Агафію в жителя брахловского, в Якова Хромого; дочь в него Елена; а живеть онъ въ шпитали брахловскомъ; а зашоль сюда в року 1680, уѣзду города Крутояцкого, стоячого над рикою Дономъ; человекъ биль посадской.

— Терентій Алексѣевъ родомъ из Зимници; отецъ его зайшоль под часъ войны Мурашковой; оной же Терентій взялъ себѣ жону в Малой-Топали, Марию Кудинову, тамошнюю прироженку; а якъ сюди зайшоль, тому будетъ роковъ 60.

⁸⁷⁾ Арх. Мѣрс. Кол., № 1350.

— Кузма Веремѣвъ, житель топальскій; отецъ его зайшолъ з Мозирщини, як осударъ под Виленю стоялъ.

— Иванъ Савелиев, житель топальскій; отецъ его зайшолъ з Литви, с Полоцка, лѣтъ зъ 80.

— Гаврила Исаевъ, житель топальскій; отецъ его зайшолъ с Халчи,—тулко було у Топалѣ шість хать.

— Уласъ Гришковъ, житель топальскій; отецъ его зайшолъ з Литви, с села Боранѣ, в кролевщину.

— Данило Тесленокъ, житель топальскій; отецъ его з Литви зайшолъ, под часть першой войны.

— Семень Павловъ, житель топальскій, отецъ его зайшолъ с села Нечулюбки, з маестности чернецкои, ягъ Мурашка воевавъ; жону собѣ понялъ литовку, с села Горокъ.

— Я Василь Бурченко из братами своими сознаемъ, же мы порожалися в Левенце (село) и отецъ нашъ въ Левенце родився, и мати наша в Левенце родилася, и жени наши—одна за братомъ тутейшой породы, з села Пихторевки, а Василева жена захожая была з московщини, з села Шкуратова, за боярина Ивана Ивановича Брусилова; и я Василь за жону свою заплатилъ куничныхъ грошей рублей осемъ уприказчику того боярина.

— Исаѣ Сергивъ, житель будлянскій, а дѣдъ его зайшолъ с Толочина, а жона его з Буди п. Миглашевского, еще передъ Хмелнитщиною.

— Романъ Яковлевичъ, житель картушинскій, а отецъ его зайшолъ з Литви, передъ Хмелнитщиною.

— Мартинъ Осиповъ; отецъ его зайшолъ зъ Литви, з Ушаковъ, зъ-под Кричева, ище у воеводщину.

— Я Грицко Дайнеко сознаю, ижъ я захожий, з Украины, с-под Межибожа, а з села Пириговки, и в Круковѣ оженився.

Захарій Михайловичъ сказалъ: отецъ его родомъ з Харкова, и тогда полковникъ харковскій подаровалъ сто овецъ боярину Косачеву; в той часть отецъ его нанялся къ боярину овецъ отогнати, а отогнавши, также при дворѣ его боярскомъ жилъ лѣтъ 10, а потомъ, не схотѣвши тамъ жити, взявши себѣ лѣбертацію, з двора боярского вийшолъ знову сюда въ Малую Росію и пришовши в Юдиновъ, оставив его, Захарію, з маткою в Юдиновѣ, а самъ пошолъ в Харьковъ, где и умеръ.

— Зѣновія Потапова дочка з трома унуками, родомъ зъ города Путивля, под помѣщикомъ Горбовцовимъ, з мужемъ своимъ по-

войнимъ Мирономъ презъ годъ два или три жили; да знову потомъ в Глуховѣ жили презъ лѣтъ 7, да перейшли в Семіоновку; тутъ мужъ ея умеръ; а якъ зайшли на Семіоновку, живетъ болшъ 30 лѣтъ. В 1710 году помененій Горбовцовъ помищикъ, найшовши своего крестьянина Мирона, взялъ отъ него искупу денегъ рублей 300 за пять душъ, и из крипости своей его Мирона вимаравши, далъ при людяхъ вѣри годнихъ и роспись за рукою своею.

— Федко и Лаврѣнъ сии Андрѣеви, прозваніемъ Лауси, брати родніе, а в Симіоновци прозываются Москалями; сознають отца и матку свою родомъ з Литви, з города Горокъ, а зайшли они под часъ нѣякойсь войны на Украину, до города Коропа, где отецъ ихъ умеръ; а з маткою зайшли в Семіоновку, тутъ матка ихъ умерла; и живутъ в Симіоновци подъ лѣтъ 40. Федко зовется Москалемъ, що помосковську говорить, бо хожувалъ, сказуеть, з дядкомъ своимъ з тютюномъ и из шкломъ в Москву и научился говорить.

— Стефанъ Григорьевичъ Рижиковъ, козака и житель погарскій, которому отъ роду лѣтъ зъ 50, сказалъ, что онъ Стефанъ родился в Погарѣ, а отецъ его родился въ Литвѣ, в мѣстѣ Дубровнѣ; а у войну бояринъ отца его завѣзъ в Москву и невѣдаеть, сколько тамъ бувши, отецъ его и одтоль пошедши, жилъ в селѣ Чубаровѣ ратушномъ погарскомъ, в наймитахъ, лѣтъ 12 молодикомъ; потомъ оженился, не знаю в якихъ рокахъ, и сплодилъ мене.

— Вдова Агафія Даниловна Самусиха, сказуется родомъ з-за Бѣлои-Церкви, з мѣстечка Романовки, под часъ татарского розгрому за Днѣпромъ в малихъ лѣтахъ оттуду збѣгши з своимъ отцемъ, мешкала въ Комаричахъ з нѣсколко лѣтъ; да тамъ и замужъ пошла за москаля Василя Олексѣева; а потомъ з Комаричъ з тимъ мужемъ зайшли в Рылщину, в село Харасѣи, за помѣщика Ивана Омелляновича Подпрадова, и поживши з тимъ мужемъ тамъ лѣтъ 9, завдовѣла (бо того мужа ея ляхи взяли), а была вдовою рокъ еденъ; потомъ пошла за другого мужа Михайла Филатова, породи малороссійской, з села Бирина, уезду глуховского, в Харасѣи село на житло зайшлого, за помѣщика Подпрадова, и в томъ же селѣ Харасѣи з тимъ мужемъ Михайломъ мешкала лѣтъ 19 и имѣли дѣтей семеро; пятеро же умерло, а двѣ дочки—Марина и Макрина в живыхъ остались, з которими мужъ ея Михайло и она Агафія купно зайшли в Стародубовщину, в слободу прозиваемую Людсковщину, козака Зѣнченка маетность, и тамъ лѣтъ три мешкали и сына Трофима она Агафія з нимъ же Михайломъ прижила. Да в

том же селѣ Людковщинѣ живучи з мужемъ Михайломъ, выдала старшую дочку Марину за малороссійского человѣка Михайла Бондара. А потомъ вскорѣ тотъ Михайло, мужъ ея Агафьи, умеръ, и она же Агафія, рокъ выживши вдовою, пошла за третого мужа, великороссійской породы человѣка, именуемого Бориса, и з тимъ Борисомъ зайшла была жить до села Кривца, сотнѣ топалской, за державцу Григорія Коровку, полковника стародубовского, и привели з собою з Людковщины дѣтей двое, з Михайломъ спложенныхъ— дѣвку Марину и хлопца Трофима; и тутже в Кривцѣ, тую дѣвку Марину выдали замужь за Якова Василенка, малороссійского родимца, а сами, проживши въ Кривци рокъ едень, знову пошли до села Людковщины. И в томъ селѣ тотъ Агафинъ третій мужъ Борисъ, з которымъ мешкала лѣтъ осемъ, померъ безпотомне. И она же Агафія в том же року, по смерти третого мужа Бориса, зайшла замужь за четвертого мужа, именуемого Самуся, малороссійской породы человѣка, жителя кривецкого, и привела с собою сина выпмененного Трофима, з Михайломъ спложенного, а жила з тимъ четвертымъ мужемъ Самусемъ лѣтъ болше 30 и помененного ея сина Трофима оженила малороссійскою дѣвкою; а з Самусемъ дѣтей не имѣла и по смерти Самусевой найдется она Агафія вдовой пятый годъ, а самой отъ рожденія лѣтъ з девятыдесятъ. Всѣхъ лѣтъ въ Кривци мешкаетъ з полчвартадесять.

— Яковъ Швець родомъ з заграници, з мѣста Корца, маестности кролевской; matka его з мѣста Могилева; жона его родомъ по отцу з мѣста Кричева, маестности ксіонжа Радивѣли, а по матцѣ родомъ з мѣста Почепа, маестности свѣтлийшого князя Меншика.

— Антонъ Михайловъ сынъ Брегаловъ сказалъ: крестьянинъ карачевского уезду селца Стеренки, помѣщика Соковнина, и въ прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ з 20, з онога села бежалъ, и бежавъ в почеповской уѣздъ, по разнымъ мѣстамъ ходилъ лѣтъ с пять; из почеповского уезду приполъ въ стародубовской уездъ, въ слободу Красновичи, тому лѣтъ зъ 17, и до ныне живеть в той слободѣ, за помѣщикомъ за Васильемъ Завадовскимъ. Пожитковъ у него одна свиння, двое овецъ, хлѣба посѣянного в поли: ржи с осмину, плаття—толко что носящее на нихъ.

— Романъ Алексѣевъ сынъ Худоѣевъ сказалъ: крестьянинъ онъ драгобужского уезду, деревнѣ Корсаровой, помѣщика смоленского уезду шляхтича Павла Аѳанасіева сына Дукшта, и в прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ з 10 и болши, из оной деревнѣ бѣжалъ

и бѣжалъ в стародубовскій уѣздъ в слободу Красновичи и с того числа и до нынѣ живеть в оной слободѣ за помѣщикомъ Василюмъ Заводовскимъ. Пожитковъ трое козъ, двое свиннѣй; пляття носящее только.

— Петро зайшоль з Московщини з-давна в село Чеховку и присталь до жителя чеховского именно Неруша, который сплотивши двоохъ сыновъ, именно Петра и Григорія, и умеръ на заводѣ в Комаричахъ, а сии его сини, зоставшиися малии, не знаютъ, откуль ихъ батько билъ родомъ.

— Иванъ Малиновскій Юріевъ сынъ, деревнѣ Копилина, государственной волости, уезду трубецкого; выйшоль оттоль въ первую сарану, з маткою своею Катериною Ивановною, породы украинской, з городка Золотоноши, и якъ оттоль вийшли, пришли в село Картушинъ и жили в Картушинѣ лѣтъ з 19, а з Картушина вийшовши, пришоль в село Понуровку и живеть лѣтъ 18.

— Микита и Ерохъ Супроновы сыны, отца своего, сказуютъ, не помнимъ, бо малими по смерти отца и матери зосталися; а люде признавали, же мати ихъ Микити и Ероха мѣла говорку московску, а якого города или деревнѣ, они и люде не знаютъ.

— Хведко Ивановъ сынъ сказаль, что чуваль онъ, же отецъ его з Литви взятый, з мѣстечка Мсцислава, подчасъ войны на Москву, и проданъ былъ в Брянскъ посадскому человѣку за копу, а якъ звался, не помнить; а тотъ продалъ его отца швакгру своему попу за рубля. Тамъ у попа отецъ его и женился, а в какой деревнѣ, не помнить; а якъ тотъ попъ преставился, и в-ту пору отецъ его из женою и з двома сынами, з нимъ Хведкою и Романомъ, вийшли на Украину и кормилися по разнымъ мѣстамъ, а потомъ пришли в с. Демянки, тому лѣтъ больше 40.

— Иванъ Гришковъ сынъ Кабанъ сказаль, что отецъ его родомъ з Литви, з Баханѣ, а мати его же Кабана з Дашковки; зайшоль в Трубецкъ тогда, якъ Трубецкъ былъ за ляхами, а когда Трубецкъ отдавался отъ ляховъ в великороссійское государство, тогда отца его Кабановаго будъто выгнали з Трубецка знову в Литву; и отецъ его, не идучи в Литву, пришелъ в Руховъ на слободу, тому лѣтъ близко ста, а его Кабана приніось малого з собою в Руховъ; од якого времени онъ Иванъ, по смерти отца своего Гришки, и по нынѣ живеть в Руховѣ.

— Иванъ Веремѣевъ, родимецъ харковскій, якъ живеть в Погарѣ—лѣтъ тому зъ 30, отъ первой сараны ⁸⁸⁾.

⁸⁸⁾ Слѣд. первая сарана была около 1690 г.

Чтобы лучше обрисовать эту массу нахожихъ людей и показать, какъ поселились они въ Малороссіи, приводимъ еще разсказъ (1722 г.) жены значковаго товарища Сейневича, на которую рускій помѣщикъ Опухтинъ жаловался за передержательство его крестьянъ. Жена Сейневича на судѣ показала; „ѣдучи она, Сейневичка, въ прошлыхъ годахъ, лѣтъ тому съ шесть, до села Курковичъ, стрѣтила въ полѣ тѣхъ бѣглыхъ Опухтина крестьянъ, а не знаючи, що за люде, велѣла своему челядниковѣ допросити ихъ: отколь бы простовали? Теди они, крестьяне бѣглые, отказали: ненадобно, мовять, тебѣ насъ спрашивати—гдѣ и куда ѣдемъ. Потомъ послѣдняго человекъ спросили: хто бы то ѣхаль и откуду?—теды и тотъ отвѣтоваль: боярское, мовить, дитѣ веземъ въ науку, и поѣхаль прочь. А она, Сейневичка, приѣхавши въ Курковичи, увѣдомилася отъ тамошнихъ жителей, что ѣдучіе московскіе люде питали, мовять, тракту до Семіоновки и до Корсаковой слободы... Потомъ они, бѣглые крестьяне, выправили поздно одного своего человекъ до ея, Сейневички, который, прибѣгши, просилъ, абы позволила имъ въ корчемной стодолѣ переночевать; по якомъ ихъ прошенію, она, Сейневичка, позволила ночовати; а на день завтрешній, когда она спросила: що бы были за люде?—отвѣтовали: мы, мовять, люде чернечіе (монастырскіе) и, *если ты насъ за подданныхъ своихъ мѣти хочешъ, то позволь намъ въ своихъ пустыхъ прожити хатахъ*; и такъ, за позволенемъ ея, Сейневички, проживши килко недель, пошли оттоль утекомъ въ уѣздъ брянскій“⁸⁰⁾

Вотъ такіе выходцы изъ Литвы и Россіи и составляли большинство лѣзныхъ крестьянъ въ Малороссіи. Положеніе ихъ было самое плачевное: не имѣя пристанища, съ семьями, при отсутствіи требованія на поденный трудъ, они искали пріюта большею частью, въ державскихъ *слободахъ*.

Державцы, приобрѣтая незаселенныя земли, для обработки которыхъ не хватало наличныхъ рукъ ихъ подданныхъ, и имѣя въ виду предложеніе труда отъ лѣзныхъ, стали послѣдними заселять эти земли, стали на этихъ земляхъ *садить слободы*. Осаживаніе слободъ производилось такъ: желая заселить пустопорожнія свои земли, державца обращался къ гетману или къ мѣстному полковнику и просилъ дозволенія—*закликать слободу*. Такая просьба удовлетворялась почти всегда, на томъ основаніи, что слободы спо-

⁸⁰⁾ Арх. Марс. Кол., № 218.

собствовали увеличенію народонаселенія и развитію хозяйства и промышленности. Представляемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ такихъ дозволеній, которыя яснѣе обрисуютъ происхожденіе слободъ и ихъ населенія.

1. Листъ полковника черниговскаго Аврамовича 1657 года: „ознаймуемъ симъ писаніемъ нашимъ каждому, хто тилко такъ изъ товариства войска Запорозкого, яко тежъ изъ посольства зичить и жадаеть себѣ на слободу ити, которую позволилемъ изъ владзи мнѣ повѣренное отъ ясневельможного его мил. п. гетмана, п. Ивану Войцеховичу, приятелю нашему, осажувать на урочищи и селищи московскомъ, промежку селами въ милѣ одной, такъ Пекуровою и Конотопомъ (въ городниц. у.)—которыя бы мѣли и хотѣли на оную слободу ити и зичили бы себѣ на томъ мешкати,—вшелякіе пожитки въ поляхъ, въ сѣножатехъ, въ деревѣ по достатку, яко въ водѣ, хто тилко хочеть, такъ горѣлку курити позволяемъ и даемъ слободы на рокъ двадцять; а отъ вшелякихъ тяжаровъ и подачокъ, належачихъ ку войску, увольнаты обещуемъ“⁹⁰⁾.

2. Универсалъ Выговскаго 1659 года: „маючи взглядъ на заслуги въ войску Запороскомъ п. Хома Рашченка, сотника роиского (Роище), далисмо млинъ роискій зъ бергилевсчиною, со всѣми пожитками, и слободку при томъ же млинѣ закликати позволимисмо оному...“⁹¹⁾.

3. Листъ Михаила Лежайскаго, архимандрита новгородсѣверскаго монастыря, 1671 года: „позволилисмо въ теперъ идучомъ 1671 року, мѣсяца априля въ день первый, Ивану Голоденку садити слободу на вѣчистомъ до монастыру принадлежномъ мѣзинскомъ (с. Мезина) грунтѣ, на урочищи Усобичъ; збираючимся такъ теда людемъ и собрати хотячимъ, далисмо слободы отъ помененнаго выше часу на лѣтъ десять; а по выстю (по истеченіи) лѣтъ десяти, повинны будутъ, яко и иніи подданные наши, вшелякіи принадлежаны монастыреви, нашему повинности и доходы отдавати и во всякомъ послушенствѣ знайдоватися“⁹²⁾.

4. Листъ стародубскаго полковника Рославца 1673 года: „видячи мы всегда п. Кирила Яковлевича, атамана городского почеповскаго, войсковые услуги, позволилемъ ему селище пустое, называемое Кугучево изъ Некрашами, подле рѣчки Пса, у уѣздѣ почеповскомъ

⁹⁰⁾ Арх. Черниг. Каз. Пал., Генеральн. опись 1767 г., сотня городницкая.

⁹¹⁾ Арх. Млрс. Кол., № 8399.

⁹²⁾ Арх. Черниг. Каз. Пал., связка документ. Новгородсѣверск. монаст.

застающее, тримати подъ таковою кондиціею: волно ему п. Кирилу на тихъ селищахъ, ведлугъ своего уподобаня, вшелякіе привлащати пожитки и *волно тежъ на тыхъ семищахъ слободу осажовати людми постороннижи, яко то зъ митовскизъ и зъ иншизъ сторожъ жложиши, а не тугейшыми старинными*“⁹³⁾.

5. Листъ стародубскаго полковника Григорія Карповича 1679 года: „ставши передъ насъ, Архипъ Охрѣмовичъ претентоваль отъ бывшаго полковника Тимофѣя данный ему унѣверсаль на селище Дешковичи, надъ рѣкою Ревною, а то для того, же уваживши, ижъ ваковало (было пусто) и порожневало, а взглядомъ города Стародуба повинности въ тягненню требуетъ помочи. зачимъ и мы стосуочися до того унѣверсалу, сямъ нашимъ подтверждаемо унѣверсаломъ; вѣдаючи теды каждый такъ зъ товариства войсковаго, якъ и отъ постороннихъ обчихъ людей, на ономъ селищу, прозываемою Дешковичахъ, людямъ новоприхожимъ садитись, тамъ же дубровы, лѣси и боры ку пожитковѣ своему на поле и пажнѣ роспаховати и розчиняти, давши слободы десять лѣтъ. Для чиненія тожъ вшелякого порядку и для осажованія на мененномъ селищу людей новоприхожихъ, осадцею оной слободы потвержаемо за осадцу мѣти, якъ передъ тимъ, такъ и теперь, Архипа Охрѣмовича, которому не тилко самому, але и всѣмъ слобожаномъ. абы ни отъ кого наименшая не была перешкода“⁹⁴⁾.

6. Универсаль Мазепы 1694 года: „позволяемо отцу Іони, игуменови Каменскаго монастыра. у кутку буяновскомъ, подле рѣки Трубеша и Городища, *слободку людми осадити, толко таковыми, жебъ оныи люде на тую слободку не были исподари изъ жилищъ остьдлыхъ, на певныхъ селгахъ маючихся, для волности слободской оттоль ухляляся, але жебъ люде волныи, легкіи, жилища и притулища своего слушною и жадною не маючіе,* тамъ на тую слободу зобралися и ослѣи; а осады людми многими тамъ жебъ не было болшъ, толко въ числѣ человекъ 30 хатами засѣли“⁹⁵⁾.

7. Листъ Аванасія Миславскаго, архимандрита кіевопечерскої лавры, 1714 года: „пріѣздилъ к намъ въ обитель святопечерскую Іоакимъ Ивановичъ осадчій зъ товариствомъ своимъ. людми человекъ килко, бывшими жителми мѣстечка Халча, державы вели-

⁹³⁾ Арх. Мѣрс. Кол., № 8737.

⁹⁴⁾ Въ моемъ собраніи актовъ.

⁹⁵⁾ Арх. Черниг. Каз. Пал., связка документовъ Каменск. монаст.

каго князства литовскаго, просячи насъ, абысмо позволили имъ, изшедшимъ изъ Халча рады великихъ своихъ кривдъ и бѣдъ незносныхъ, осѣсти слободою на грунтѣ нашомъ власномъ обители святопечерской гулящомъ, прозываемомъ Святское, въ полку стародубовскомъ, за миль три отъ маетности нашей Бобовичъ будучомъ. И просили насъ, абысмо позволили имъ, яко вновь осѣдающимъ людемъ, ради розводу господарства и строенія домовъ своихъ, слободы на лѣтъ шесть; а по доконченю тихъ шести лѣтъ, обѣщалися быти вѣрными и вѣчными подданными нашими обители святопечерской, не исходячи нигдѣ оттуду... и обѣщалися они жъ, по доконченю тихъ шести лѣтъ, поклону намъ дати, до обители святопечерской, денегъ золотыхъ сто доброй монеты, пудъ меду и лисицу⁸⁶⁾.

Приведенные отрывки показываютъ: 1) во время освобожденія Малороссіи, дозволялось садить слободы только съ цѣлію помогать увеличенію народонаселенія, почему вольно было идти на слободы какъ козакамъ, такъ и посполитымъ, безъ всякихъ ограниченій. Съ этою же цѣлью и льготы въ первое время слобожанъ были очень велики (право винокуренія). 2) Для умноженія народонаселенія, садила слободы иногда и сама администація (Дешковичи). 3) Съ теченіемъ времени, когда переходъ мѣстныхъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто сталъ затруднять администрацію, слободы садить дозволялось только людьми вольными, легкими, не имѣвшими пристанища (лезными,) преимущественно выходцами литовскими. 4) Слободы садили державцы и монастыри на своихъ земляхъ съ обязательствомъ—дать поселенцамъ извѣстное число лѣтъ свободы (*слободы*) отъ всякихъ повинностей; а по истеченіи льготнаго времени, слобожане обязывались быть *всегдашними* подданными землевладѣльца.

Вотъ въ эгихъ-то слободахъ и думали находить спокойное убѣжище крестьяне, тѣснимые своими державцами. Но слободы были только временнымъ убѣжищемъ отъ панскихъ насилій; льготное время дѣйствительно болѣе или менѣе обезпечивало отъ произвола какъ личность, такъ и трудъ крестьянъ-слобожанъ; но за окончаніемъ *слободы*, для нихъ наставали иногда времена и худшія, чѣмъ тѣ, которыя заставили ихъ бросить родныя пепелища. На слобожанина державца смотрѣлъ далеко уже не тѣми глазами, какъ на тяглаго крестьянина; послѣдній протестовалъ противъ его насилій, доказы-

⁸⁶⁾ Арх. Чернигов. Каз. Пал., Опись Млрс. 1767 г., сотня новомѣская.

вая, что если онъ и обязанъ пану послушаніемъ, то послушаніе это должно быть *мирное*, такъ какъ онъ сидитъ на *своемъ* грунтѣ, которымъ владѣетъ изъ дѣда и прадѣда,—а что могъ возразить слобожанинъ, когда начиналъ его давить державца?—Всякое сопротивленіе при этомъ панской власти могло окончиться тѣмъ, что его выгонятъ съ семьей, безъ куска хлѣба, и ему придется наново обзаводиться тѣмъ, чѣмъ онъ только что обзавелся... Слобожанинъ въ глазахъ державцы былъ безотвѣтенъ, потому что онъ самъ, добровольно, обязывался быть его всегдашнимъ подданнымъ,

Такъ дѣйствительно было и на самомъ дѣлѣ. Представимъ для примѣра, какъ садилась слобода Душатины (суражск. у.). Садилъ Душатины Иванъ Даровскій, въ 1710 г.; этотъ человекъ при Скоропадскомъ пользовался большимъ вліяніемъ, будучи „господаремъ двору рейментарского“, т. е. главнымъ управляющимъ гетманскаго хозяйства. Даровскій былъ перекрестъ изъ евреевъ и облизался съ Скоропадскимъ, когда послѣдній былъ еще стародубскимъ полковникомъ. При безхарактерности Скоропадскаго, Даровскій заправлялъ у него не только хозяйствомъ, но имѣлъ вліяніе и на администрацію.

Душатины былъ осажень на земляхъ другой слободы Лубенской, принадлежавшихъ частію козакамъ Зубаренкамъ. Зубаренки рассказывали: мы козаки и стрѣльцы ⁹⁷⁾ сотни мглинской, „изъ дѣда и прадѣда“ живали на томъ селищи; прежде тамъ была буда гетмана Мазепы, и тогда намъ не было никакихъ притѣсненій; а какъ досталась буда гетману Скоропадскому, тогда Даровскій прислалъ отъ себя Никиту Чеховскаго и Самойла Лѣнкевича—садить на нашихъ грунтахъ слободу. Мы было хотѣли не допустить ихъ къ тому, но они какъ начали насъ бить и грабить, такъ мы, покинувши свои „добра“, ушли въ Почепщину и жили тамъ цѣлый годъ. А потомъ намъ стало жаль своей отчины, и мы возвратились; узнавъ объ этомъ, Лѣнкевичъ съ Чеховскимъ побрали насъ въ колодки и привеза въ Стародубъ, посадили въ тюрьму; такимъ образомъ мы принуждены были поневолѣ продать Даровскому свои грунта, сдѣлавъ цѣну на 40 талеровъ, но намъ заплатили только 25, и принуждены были совершить купчую въ стародубскомъ магистратѣ.

Душатиныскіе старожилы, рассказывая впоследствии о поселеніи

⁹⁷⁾ *Стрѣльцами* назывались козаки, на обязанности которыхъ лежало доставлять разнаго рода дичь для гетманской кухни.

ихъ слободы, говорили: слобода Душатиный осажена въ сотнѣ мглинской, на грунтахъ и лѣсахъ козацкихъ-стрѣleckихъ; а занималась эта слобода, какъ говорили Даровскаго посланные Лѣнчевичъ и Чеховскій, на гетмана Скоропадскаго; также и млинъ на рѣкѣ Ржачи занимали на Скоропадскаго людьми мглинской сотни. Душатиный началъ садиться 1710 г. мая 10; только при занятіи этой слободы, не было тутъ никакихъ собственныхъ земель Даровскаго; а (кромя купленныхъ въ 1717 г. у Зубаренковъ) уже по смерти послѣдняго, жена его купила у нетяговскихъ жителей Хоменковъ земли, на которыхъ у нихъ были „уходы“, заплативъ имъ сто талеровъ, на что совершена была и купчая въ стародубскомъ магистратѣ, съ вѣдома полковника Кокوشкина, въ 1721 г.

Условія съ душатиными слобожанами были таковы: „когда садилъ насъ п. Даровскій, рассказывали они, на слободѣ, именно на Душатиный, то давалъ намъ *свободу* лѣтъ на десять; а когда выйдутъ тѣ годы, то больше намъ никакихъ повинностей не нести, а платить только въ годъ по сто талеровъ да еще присматривать за млинкомъ и отвозить *розмъръ* (часть помолу, спадающая на хозяина мельницы) въ дворъ его, в Кулаги“. Такъ дѣйствительно и дѣлалось при жизни Даровскаго, но жена его потомъ измѣнила эти условія. Даровскій женатъ былъ на Аннѣ Петровнѣ Носѣ, дочери прилуцкаго полковника, сдавшаго Батуриный Меншикову. Это была сама по-себѣ женщина энергическая, а выйдя за другаго мужа Андрея Гудовича, извѣстнаго любимаца Меншикова, Анна Петровна приобрѣла еще болѣе возможности для исполненія самыхъ крутыхъ мѣръ относительно ея подданныхъ. Даровскій умеръ въ 1721 г., а въ слѣдующемъ году душатины писали гетману: „высидѣвши мы *свободу* лѣтъ *восемь* за покойнаго Даровскаго, стали платить согласно условію по сто талеровъ годоваго чиншу, а панщины никакой мы не несли до сего 1722 г.; а въ семь году прислано къ намъ, чтобъ ѣхали на панщину; но мы не поѣхали, полагаясь на наше условіе—платить въ годъ по сто талеровъ и никакой больше панщины не звать. Спустя немного, снова прислали за нами, чтобъ ѣхали мы на панщину, безъ отговорокъ; и мы, исполняя приказъ паней Даровской, какъ своей госпожи, выслали за этимъ разомъ къ ней своихъ парубковъ тридцать пять человекъ (полчварта десять). Но какъ только прибыли къ ней эти парубки, она приказала тотчасъ же наказать ихъ всѣхъ, безъ исключенія, батогами, за то, что не пріѣхали по первому ея зову. А по-

томъ, призвавши и насъ, приказала запереть всѣхъ въ амбаръ, и выводя оттуда по одному, наказывала всѣхъ кіями, отъ котораго то бою иные пролежали недѣль по шесть и больше“... ⁹⁸⁾).

Слѣдующая жалоба лубенскаго полковника Андрея Марковича (1726 г.) покажетъ, что слободы служили убѣжищемъ не только отъ панскихъ насилій, но также и отъ повинностей земскихъ и воинскихъ. Въ слободы шли крестьяне съ желаніемъ также избавиться отъ военныхъ постоевъ, а козаки—отъ службы. „Въ прошломъ 1718 г., въ бытность мою при покойномъ панѣ гетманѣ въ Петербургѣ, стародубскій полковой сотникъ Семень Галецкій купилъ въ полку моемъ, въ сотнѣ лохвицкой, мѣсто въ степу, при рѣчкѣ Артополотѣ, съ цѣлюю построить на немъ хуторъ. Въ купчей, справленной на это мѣсто на лохвицкомъ урядѣ, Галецкій обязался, что построеніемъ того хутора онъ никому не причинитъ вреда. А нынѣ, построивши тотъ хуторъ, стародубскій сотникъ не только обижаетъ сосѣдей, но еще у многихъ козаковъ полку моего села Токаровъ и другихъ сель, а также и у „власныхъ“ моихъ подданныхъ того же села жителей, сталъ скупать грунта, на которыхъ и слободку осадилъ. Въ слободкѣ этой Галецкій поселилъ нѣсколько десятковъ семей, принимая туда какъ посполитыхъ, такъ и козаковъ, изъ которыхъ первые селились тамъ, укрываясь отъ общенародныхъ повинностей, а послѣдніе—отъ войсковой службы; ибо эта слобода отъ всякихъ повинностей остается свободна, одну только ему, сотнику, подданническую работизну отбывая. А теперь онъ же Галецкій слободку ту съ поселенными въ ней козаками и мужиками намѣренъ продать генералу Вейсбаху“... Далѣе Марковичъ проситъ генеральную канцелярію, чтобы отобрать у Галецкаго скупленные имъ земли, возвративъ заплаченные деньги, и прилагаетъ списокъ Галецкаго слобожанъ; списокъ этотъ для характеристики слободскаго населенія довольно интересенъ:

1. Мартынь Чулко маєть сыновъ молодиковъ 2; зайшовъ зъ села Балыкина, сотни бакланской, посполитый.
2. Грицко Некрытый, маєть сыновъ хлопцовъ 2 и дѣвчину; зашолъ изъ села Посудокъ, сотни бакланской; козакъ былъ.
3. Вакула и Василь Ѳедоренки зашли изъ села Синина, стародубской сотни; были козаки.
4. Карпо Микитенко—изъ села Жигалокъ, погарской сотни;

⁹⁸⁾ Арх. Марс. Кол., № 1379.

былъ мужикъ п. Корсака. Въ той же хатѣ живеть сосѣдъ Лазоръ Вишневскій,—изъ Новгорода; мужикъ былъ.

5. Фесько Бондаренко—изъ села Посудичъ, сотни погарской, былъ мужикъ гетманскій.

6. Фесько Кравецъ—изъ Березовой Луки, сотни комишанской; ремесломъ помѣщику отбываетъ.

7. Фесько Бѣлоусъ—изъ Орши, изъ-за границы польской; въ той же хатѣ сосѣдъ Аванасъ Жаринъ, войтъ, тоже изъ Орши.

8. Каленинъ Коресцель—изъ с. Посудичъ; козакъ былъ.

9. Прокопъ и Денисъ Сапусенки—изъ с. Чеховки, стародубской сотни; мужики были пана Черевковца.

10. Василь Кривобокъ—изъ Товаровъ; мужикъ былъ.

11. Михайло и Калистратъ Креченки—изъ Баклани; мужики были.

12. Гаврило Горбаченко—изъ Лохвицы; въ той же хатѣ живеть Иванъ Шкоденко, изъ Сорочинецъ; были служителями.

13. Иванъ Джига—изъ Токаровъ; былъ козакъ.

14. Семень Бацвинка—изъ Почепя; мужикъ былъ⁹⁹⁾. И т. д.

Какое же вліяніе имѣло поселеніе слободъ на судьбу малороссійскихъ крестьянъ?—Вглядываясь въ бытъ слобожанъ, мы видимъ, что они, ища въ слободахъ улучшенія своего быта, достигали цѣлей совершенно противоположныхъ: отдаваясь за слободскія льготы въ подданство, слобожане становились въ безысходную почти зависимость отъ новыхъ своихъ державцевъ и тѣмъ еще болѣе увеличивали произволъ послѣднихъ, въ отношеніяхъ ихъ къ крестьянамъ. Положительно можно сказать, что слободская жизнь положила основанія тѣмъ отношеніямъ державцевъ къ крестьянамъ, которыя потомъ довольно естественно обратились въ крѣпостное право, съ которымъ Малороссію впервые познакомили именно „слобожане заграничныя“, т. е. выходцы изъ Бѣлоруссіи и Вѣлиторуссіи.

Мы видѣли, что Галецкій находилъ совершенно возможнымъ новопоселенную свою слободу продать Вейсбаху; продавая же эту слободу, онъ продавалъ и всѣ свои права на личныя повинности своихъ слобожанъ.—Въ 1729 г. мѣщане г. Мглина писали князю Шаховскому: „въ прошломъ 1710 г. для подмоги нашему ратушу, съ позволенія стародубскаго полковника Жоравки, осадили на нашихъ

⁹⁹⁾ Въ моемъ собраніи.

собственныхъ мѣскихъ (мѣсто=городъ, т. е. мглинскихъ) грунтахъ слободу, прозываемую Молодькову, и была слобода эта во владѣніи мглинскаго ратуша до 1729 г.; а въ семь послѣднемъ году къ зашедшимъ и поселившимся въ Молодьковой слободѣ нѣкоторымъ крестьянамъ прискался смоленскій шляхтичъ Лярскій (т. е. предъ-явилъ свои крѣпостныя на нихъ права, какъ на выходцевъ, должно быть, смоленскихъ); тогда бунчуковый товарищъ Скорупа *тѣхъ крестьянъ* у помѣщика Лярскаго *купилъ* и, не сводя ихъ съ собственной нашей мѣской земли, сталъ оною слободою владѣть, что продолжаетъ и до сихъ поръ... почему просимъ приказать Скорупѣ тѣхъ своихъ, у Лярскаго купленныхъ, крестьянъ къ себѣ взять, а наши мѣскіе грунта, на которыхъ они живутъ, очистить ¹⁰⁰). Такимъ образомъ, слободы породили возможность купли крестьянъ и въ Малороссіи...

Теперь скажемъ о третьемъ видѣ малороссійскаго крестьянства, искавшаго средствъ избавиться отъ панскаго произвола,—о *подсосѣдкахъ* ¹⁰¹).

Малороссійскіе крестьяне, для избѣжанія подданническихъ и общенародныхъ повинностей, очень часто дѣлали и такъ: продавали или и такъ бросали свои осѣдлости и поселялись въ свободныхъ хатахъ пановъ, козаговъ, духовенства и тѣхъ же самыхъ крестьянъ; говоря языкомъ того времени, они „выходили въ сосѣди“; дѣлались изъ тяглыхъ, огородниковъ, лѣзныхъ—*подсосѣдками* панскими, козачьими и проч., смотря по тому—въ чьихъ хатахъ они поселились. За помѣщеніе подсосѣдки платили деньгами или личною работою.

Быть подсосѣдковъ отличался отъ слободскаго тѣмъ, что они не вступали ни въ какіе договоры съ хозяевами своихъ помѣщеній и были свободны отъ всякихъ повинностей. Жили они заработками: у кого былъ скотъ—спольничествомъ, а не имѣвшіе скота—зажонномъ. Подсосѣдки были тѣже лѣзные, съ тѣмъ только различіемъ, что они располагали, большею частью, достаточною движимою собственностью, были зажиточнѣе лѣзныхъ. Подсосѣдчество началось съ конца XVII в., когда державцы, утвердившись въ своихъ мает-

¹⁰⁰) Арх. Млрс. Кол., № 175.

¹⁰¹) Неправильное объясненіе значенія подсосѣдковъ см. у Авсѣенка, *Малороссія въ 1767 году*, стр. 108.

ностяхъ, стали тѣснить посполитыхъ крестьянъ произволомъ. Уже въ 1689 году Мазепа объявлялъ универсаломъ нѣжинскому полковнику: „писаль до насъ ясве въ Богу пресвященній его милость господинъ отецъ Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, ускаржаючись на тое, же въ маестностяхъ его пастирской милости, а именно въ самомъ Мринѣ и въ селахъ, до него належныхъ, найдутся такихъ подсосѣдковъ 78, которіе власними дворами своими живучи, вшелякой волности уживають, маючи особні свои грунта, поля, сѣножати и лѣси; землю оруть и всѣ пожитки, зъ ней приходячіи, на себе оборочають. А яко его пастирской милости зъ тѣхъ своихъ ужитковъ жадного послушенства не отдають, такъ и въ виживленю (въ продовольствіи) товариства охотницкого, на станціи тамъ будучого, не хотять чинити помочи и сами военной служби не пилнють; але тилко на нѣякогось старшого своего, въ мѣстѣ (т. е. въ Мринѣ) будучого, сѣно косять, гребуть, кидають и до двора его звозять; а въ осенѣ тому старшому роковую повинность отъ робочой товарини по золотому грошей и осипѣ належитий дають, а болше жадной тяглости не знаютъ; въ чомъ его пастирская милость просилъ ласки нашей гетманской. Теды... приказуемъ, абы ти подсосѣдки, килко ихъ по розиску обійщется, въ подданствѣ его пастирской мил. найдовалися, которіи, яко ся вишшей намѣняло, двори и грунта свои мають; а хочай бы якіи и въ дворѣ козацкомъ мешкаль, а маеть особніи свои поля пахарніи, сѣножати, лѣси и иншіе угодія, а до войска не ходитъ, то повиненъ кождій такій до тяглои повинности належати...“¹⁰²⁾ Мринскіе подсосѣдки представляють, впрочемъ, случай довольно рѣдкій: какъ видно, они умѣли сохранить свои угодыя и пользовались ими. Большею частью бывало такъ, что крестьянинъ, выходя въ подсосѣдки, тѣмъ самымъ лишался всей недвижимости.

Быть подсосѣдковъ зависѣль, главнымъ образомъ, отъ ихъ домохозяевъ: козацьи подсосѣдки болѣе другихъ могли располагать своею недвижимостью, а подсосѣдки державскіе рано или поздно дѣлались снова „подданными“. Поселяясь на державскихъ грунтахъ, подсосѣдки тѣмъ самимъ готовили себя къ полной зависимости отъ своего хозяина. Но у пана выгоднѣе было подсосѣдничать въ томъ отношеніи, что панское вліяніе могло „щитити“ подсосѣдковъ отъ

¹⁰²⁾ Арх. Черн. Каз. Пал., докум. Борисоглѣбск. монаст., ящ 4, связка 2, № 1.

общенародныхъ повинностей. А льгота отъ послѣднихъ имѣла большое вліяніе на увеличеніе числа подсосѣдковъ. Число ихъ возросло наконецъ до того, что администрація принуждена была обратитъ на нихъ вниманіе. Въ 1732 году приведено было въ извѣстность количество подсосѣдскихъ дворовъ, и оказалось, что въ числѣ 78053 козачьихъ дворовъ въ Малороссіи, 8062 служили пріютомъ для подсосѣдковъ, а изъ 112615 крестьянскихъ дворовъ подсосѣдки занимали 4900 ¹⁰³). Подсосѣдки державцевъ и духовенства не были исчислены, вѣроятно, по старанію о томъ ихъ хозяевъ. Такая цифра населенія (13 тыс. дворовъ \times 3 = 39 тыс. душъ), избавлявшася по своему положенію отъ земскихъ повинностей, заставила администрацію подчинитъ подсосѣдковъ общимъ правиламъ въ отбываніи этихъ повинностей. Въ 1734 г. кн. Шаховской, заступившій мѣсто Апостола, предложилъ генеральной и полковой старшинѣ вопросъ „о подсосѣдкахъ козачихъ и посполитыхъ, такожъ владѣльческихъ, которые на ихъ грунтахъ живутъ, къ довольствію консистентовъ (постоянныхъ солдатъ) и другихъ общенародныхъ повинностей, чтобъ къ пользѣ и облегченію народу малороссійскому, якимъ по общему согласному совѣту заблагоразсудятъ, *обложитъ окладомъ*“. Старшина постановила: „подсосѣдкамъ козачимъ и посполитымъ, такожъ владѣльческимъ духовного и мирского чина, которые (подсосѣдки) на ихъ грунтахъ живутъ, отъ sustentаціи консистентовъ и отбыванья другихъ общенародныхъ повинностей не быть свободными, а такимъ бы образомъ выдавали: кто съ владѣльцовъ на собственномъ своемъ купленномъ грунтѣ кого осадитъ или осадилъ, тотъ бы, онымъ грунтомъ владѣючи, давалъ на удовольствованіе консистентовъ и отбывалъ прочія общенародныя повинности *противъ другихъ владѣльческихъ подданныхъ*, по пропорціи имѣній своихъ. А которые, на купленныхъ грунтахъ, самими только хатами пѣшіе при огородахъ, безъ грунтовъ (безъ пахатной земли) живутъ и зарабатываютъ за жонкомъ и замолотомъ и съ того себя, жену и дѣтей кормятъ, съ тѣхъ бы взимано для довольствованія консистентовъ по 2 к. въ мѣсяцъ; а которые бы имѣли коня или вола рабочаго, съ тѣхъ бы взимано для отбыванья показанной повинности съ каждого коня или вола рабочаго на мѣсяцъ по три к.“ ¹⁰⁴) Мнѣніе это утверждено было императрицею, и съ этихъ поръ судьба подсосѣдковъ значи-

¹⁰³) Арх. Марс. Кол., № 5898.

¹⁰⁴) Записки Як. Марковича, I, 502.

тельно измѣнилась: „выходя въ сосѣди“, крестьяне не избавлялись уже отъ земскихъ повинностей, и потому число подсосѣдковъ козачьихъ и посполитыхъ съ этого времени стало значительно уменьшаться. Но прекратиться подсосѣдчество не могло,—разъ потому, что администрація, при сохраненіи права крестьянъ на переходъ, не имѣла средствъ слѣдить за тѣми изъ нихъ, которые покидали свои осѣдлости; а другое, потому что державцы всегда имѣли возможность скрывать своихъ подсосѣдковъ отъ административнаго контроля; о послѣднемъ можно догадываться изъ того, что по ревизскимъ книгамъ „владѣльческіе“ подсосѣдки почти не упоминаются: державческіе подсосѣдки шли за урядъ съ „подданными“, и только при ревизіяхъ можно было ихъ учитывать, для налога земскихъ повинностей. Быть державческихъ подсосѣдковъ на дѣлѣ дѣйствительно мало чѣмъ разнился отъ „подданническаго“, что можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго обязательства подсосѣдѣ, даннаго своему хозяину: „1738 г., сентября 16 дня, я нижеподписавшійся даю сію отъ себя подписку вельможному его мил. пану Андрею Марковичу, подскарбію войсковому генеральному, *господиновъ моему*, въ томъ, что его панская милость, по своему респекту, пожаловалъ мнѣ въ маетности своей панской, въ селѣ Шабалиновѣ, дворъ съ огородомъ, собственный свой купленный, на житье мнѣ; и я такой дворъ принявши и живя въ немъ, буду по приказу его вельможности во всякихъ дѣлахъ послушенъ быть (безъ всякой противности и огурства) съ ревностнымъ прилежаніемъ и вѣрнымъ служеніемъ; и подданнымъ его панскимъ въ добрахъ ихъ не долженъ дѣлать никакихъ обидъ, а также не скупать ихъ грунтовъ; равно не долженъ дѣлать и въ добрахъ панскихъ никакихъ убытковъ; и продерзостей напрасныхъ въ селѣ Шабалиновѣ, противъ подданныхъ панскихъ и противъ воли вельможнаго господина, не буду оказывать ни подъ какимъ предлогомъ. А если всего того не исполню, то тогда чуждѣ буду вовсе респекту всякаго его панскаго и вышеупомянутаго дворца зъ огородомъ и наказанію господскому подлежатому. Къ сему подписался своеручно Иванъ Желязо“¹⁰⁵).

Таковы обязательства, которыя налагали на себя владѣльческіе подсосѣдки, и тѣмъ не менѣе подсосѣдчество это было выгодно, при большомъ значеніи панской „протекціи“ среди административнаго

¹⁰⁵) Въ моемъ собраніи.

и владѣльческаго произвола. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, подсосѣдки, поселявшіеся на державскихъ грунтахъ, готовили себя къ полной зависимости отъ своихъ хозяевъ; послѣдніе старались, при первой возможности, подчиненіе подсосѣдковъ скрѣпить властью администраціи, въ чемъ затрудненій почти не встрѣчалось. Для примѣра приводимъ универсалъ нѣжинскаго полковника Хрущова 1736 года: „значковій полку нѣжинскаго товарищъ Яковъ Вилковскій въ поданной намъ суплѣдцѣ выразилъ, что имѣется у него в мѣстечку Мринѣ нѣсколько хатокъ з огородами, у разныхъ людей имъ купленніе по купчимъ записамъ, а въ тихъ хаткахъ живутъ *нищетніе юде за подсуудковъ*, и просилъ у насъ на оніе подсуудки унѣверсалнаго листу. Теды мы, заохочучи его до войсковой служби, противъ давнего малоросійскаго обикновенія, повелѣли сей выдать нашъ унѣверсалъ, чрезъ которій предлагаемъ, дабы тамошній сотникъ Тарасевичъ и никто другій въ спокойномъ ему Вилковскому оними подсуудками владѣніи, которіе на власномъ его Вилковского купленомъ грунтѣ живутъ, жадного препятствія и перешкоди чинить не важился; оніи же би его Вилковского подсуудки отбували по пропорціи ихъ имѣній противъ подсуудковъ общенародную повинность, по силѣ состоящаго о томъ високомонаршаго указу, толко би безъ жадныхъ утисковъ и озлобленій“¹⁰⁶).

Вообще изъ архивныхъ бумагъ видимъ, что державцы въ отношеніяхъ своихъ съ подсосѣдками не только не различали ихъ отъ другихъ крестьянъ, но иногда, пользуясь ихъ бездомьемъ, позволяли себѣ самыя ужасныя насилія.

Вотъ разсказъ, какъ обращался съ своими подсосѣдками сосницкій панъ Филонъ Шатила: „Сего 1747 года, на веснѣ, того числа, какъ у домъ оного Шатила женщиѣ Вассѣ Литвиной смерть приключилась, работая я у винокурнѣ его шатиловской сергѣнковой, приходилъ въ дворъ его Шатила, где в дворѣ Шатилиномъ видѣлъ, что жена Шатилина упомянутую женщину Вассу, *подсуудку свою*, за дѣвку московку, отъ нея Шатилихи з двора бежавшую, поклѣпал, яко бы она Васса о той дѣвки бежавшой. гдѣ она крится, извѣстна, очную ставку ей Вассѣ в томъ зъ шинкаркою ея жъ Шатилихи, Михайлюхою Тесличкою и дочерю ея Теслички, дѣвкою Мотрею, учинивши, по отпускѣ ихъ, шинкарки и дочери ея зъ двора, велѣла господару своему Конону Глуховскому взять в свѣтлицю и тамо

¹⁰⁶) Арх. Каз. Пал., докум. Борисоглѣб. монаст., ящ. 4, св. 1, № 22.

въ свѣтлицѣ, растягнувши ея Вассу на помостѣ, велѣла она Шатилиха в три плетѣ бить, и я низайшій и со мною Алексѣй и Кирикъ, винники дворовіе ея Шатилихи, въ ганкахъ под дверми свѣтличными многій часъ стоя, тяжкій бой и крикъ оное Васси чули и видѣли; что послѣ того боя з оной свѣтлицѣ виведши ея Вассу упомянутой господарь Кононъ за руки убиту, аки мертвую, но только малое дыханіе имѣющую, отпровадилъ у коморку, что въ той же дворовой винницѣ есть, и въ оной коморки тотъ господарь Кононъ знать, а не иній кто, на ея битую женщину Вассу къ шиіи поясъ прицепя, что будто она Васса повѣсилась, затянულъ... А мало погодя, какъ оную коморку оной же господарь Кононъ откнулъ и двери отворилъ, то я жъ низайшій и вишеозначенніе Алексѣй и Кирикъ да Николай, винники Шатилини, тую женщину Вассу, поясомъ изъ жертки зацепленную и на томъ поясѣ вѣсящую, уже неживую увидѣли... Да оной Шатило къ таковому вишшешепсанному смертному убійству приличился *подсудьдка* его Лукяна Дуценка, а именно: въ прошломъ 1746 году, а якого мѣсяца и числа, того не знаю, токмо примѣчаю, что филипового поста в субботу, предъ обѣднею порою, сискавъ онъ Шатило упомянутого Лукяна Дуценка в жилій дворъ свой, велѣлъ ему съ работниками Лавреномъ Швидкимъ, Теслею, сосницкимъ жителемъ, и Кириломъ Вовкомъ, жителемъ волинскимъ, подваживать у винокурнѣ его домовой трубницу, и какъ его Дуценка, тую трубницу съ оными работниками подважующого, усмотрель онъ Шатило мало подпившого, то розярась за то, вхвativъ Дуценка за волоса, билъ головою объ стѣну винничную такъ, что отъ того бою палъ онъ Дуценко на землю, гдѣ на землѣ лежалъ безпамятенъ з годину; когда же мало онъ, Дуценко, очутясь, изъ земли на ноги поднялся, то сказавши ему Шатилѣ тіе слова: „теперь де, пане, я вѣчными часи у тебе отработался и отъ тебе де на той свѣтъ отхожу“! подибаль отъ него Шатили зъ оной винокурнѣ въ другій дворъ его Шатили, где онъ Дуценко жилъ, и тамо три днѣ от того бою, онимъ Шатилюю приключенномъ. болѣзную лежалъ, а четвертого дни умре...“¹⁰⁷⁾.

Изъ этого очерка малороссійскихъ крестьянъ-подсосѣдковъ видимъ, что эту форму народнаго быта создала беззащитность

¹⁰⁷⁾ Арх. Марс. Кол., № 10497. Филонъ Шатила былъ отецъ извѣстнаго Леонасія Шафонскаго, автора описанія Черниговскаго намѣстричества, изданнаго Судьенкомъ въ 1851 г.

крестьянской личности въ гетманской Малороссіи. Крестьянину, не находившему въ администраціи никакой защиты, приходилось самому изыскивать средства, чтобы укрыть себя отъ произвола; для достиженія этой цѣли ему оставалось одно средство—отказаться отъ осѣдлой жизни домохозяина и слоняться по чужимъ дворамъ... Пріютъ въ такихъ случаяхъ находилъ онъ большею частью (какъ видѣли мы изъ цифръ) у своихъ собратовъ, которые, чувствуя сами тотъ гнетъ, отъ котораго пришелецъ искалъ убѣжища, давали ему пріютъ, не только не вынуждая отъ пришельца, при этомъ, никакихъ обязательствъ подчиненія и работы, но принимая его на правахъ *сосѣда*, застигнутого несчастьемъ...

Съ ухудшеніемъ быта крестьянъ, выигрывали одни державцы и тѣмъ становились сильнѣе въ удовлетвореніи своихъ притязаній. Земли крестьянъ, выходявшихъ въ сосѣди, доставались, обыкновенно, державцамъ; вліятельные изъ нихъ пріобрѣтали пустѣвшіе грунта однимъ правомъ сильнаго; державцы, менѣе значительные по общественному своему положенію, пріобрѣтали эти земли вынужденною куплей¹⁰⁸⁾. Экономическій бытъ крестьянъ ухудшался до того, что они не въ силахъ бывали нести необходимыя земскія повинности. На этомъ пунктѣ и сталкивались обыкновенно державскіе интересы съ административными. Администрація вынуждена была принимать мѣры для обезпеченія неотложныхъ потребностей въ общественной жизни края; но такъ какъ представители администраціи принадлежали исключительно къ сословию, богатѣвшему на счетъ крестьянъ, то всѣ эти мѣры не могли достигнуть цѣли.—Стародубскій пол-

¹⁰⁸⁾ Для примѣра такого рода купли, приводимъ слѣдующій документъ: „1748 г., апр. 27 дня. Я, нижеподписавшійся, житель села Гирявки, Андрей Якушенко з женою и дѣтми своими, далъ сей облѣкъ бунчук. товар. женѣ Маріи Антоновичевой въ томъ, что заявлъ я въ ея милости на крайне необходимую мою нужду денегъ 14 копѣ, которые денги долженъ отдать въ семь же году въ май мѣсяцѣ; а ежелибъ я или жена моя и дѣти мои жъ на вишеобразенной в семь моемъ облѣку срокъ всѣхъ сполна денегъ не отдали, то вручаю ей, павен Маріи Антоновичевой, имѣющейя в селѣ Гирявкѣ. близъ ихъ же двора, собственній мой жилой дворикъ с хаткою и сѣнми, и хижкою, и зо всѣмъ въ томъ дворику имѣвшомся строеніемъ; такожъ и черезъ улицу в берегъ противъ жъ оного дворика собственній мой огородецъ, взять за цѣну пять рублей... а осталніе отъ вышепоказанныхъ денегъ два рубля должна ми ея, павѣ Антоновичевой, отдать или отслужить...“ Арх. Черниг. Каз. Пал., Гевер. опись, полкъ Прилуцк., сотня Карабут.

ковникъ Дуровъ, человекъ по своему происхожденію не заинтересованный въ притязаніяхъ державцевъ, писалъ гетману въ 1732 году: „прошлаго 1731 г., всѣхъ сотенъ полку стародубскаго сотники, также майстрату стародубовскаго и изъ ратушъ погарской и мглинской урядники письменно въ полковую канцелярію объявили, что въ сотняхъ ихъ и вѣдомствахъ владѣльцы духовніе, такожъ и мірскіе, бунчуковые и значковые товарищи и протчіе—многое число козаковъ и мужиковъ со всѣми ихъ грунтами нахотними, сѣнокосними и прочими угодьями (съ которыхъ они живучи, козаки—службу козацкую, а мужики—тяглую посполитую отбували) собою поскупили; а иные грунта козачіе и мужичіе за долги и заставою (залогомъ) попривлащали; и якъ тихъ искупныхъ козаковъ, которіе продавшись, весьма уже не имѣютъ съ чего отбывать войсковою службы, такъ и мужиковъ въ подданство себѣ, и не хотящихъ, поподворочали; отчего въ службѣ войсковою козачей, такожъ въ довольствованіи консистентовъ (военнаго поста) и во всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ до скарбу войсковаго податяхъ и въ прочихъ повинностяхъ знатное учинилося умаленіе. И оставшіеся козаки и посполитіе, отбывая всякіе служби и повинности, въ конецъ разорилися и весьма большъ такой тяжести отбывать не могутъ...“

Далѣе Дуровъ объясняетъ, что еще въ 1719 г. указывалъ гетманъ Скоропадскій тогдашнему стародубскому полковнику—до-сматривать, чтобъ какъ свѣтскіе, такъ и духовные владѣльцы не присвоивали себѣ посполитыхъ земель въ ущербъ общенароднымъ повинностямъ, но что приказъ гетманскій не исполнялся и не исполняется. Апостоль отвѣчалъ: по справкѣ въ генеральной канцеляріи, оказалось, что въ „рѣшительныхъ пунктахъ“ 1728 г. велѣно: „въ Малой Россіи маестностей и протчего недвижимаго, такъ якъ и въ Великой Россіи, быть продажѣ свободной, кромѣ иноземцовъ, а хто что купить, тому быть подъ судомъ малороссійскимъ и нести повинности съ прочими равно“, почему гетманъ находилъ, что „куплю и продажу грунтовъ и протчего возбранять нельзя по силѣ указу ея императорскаго величества и подлугъ правъ малороссійскихъ; толко бѣ купля и продажа была добровольная, правная, а не насильная и не подложная...“¹⁰⁹⁾ Гетманскій отвѣтъ Дурову показываетъ, что гетманская администрація не любила затрогивать вопросы, которые могли противорѣчить личнымъ интересамъ ея членовъ.

¹⁰⁹⁾ Въ моемъ собраніи актовъ

При такомъ положеніи дѣла не только имущественные интересы крестьянъ страдали, но и самая ихъ личность становилась не безопасною.

До сихъ поръ малороссійскій крестьянинъ лично былъ свободенъ и могъ переходить съ мѣста на мѣсто, никѣмъ не стѣсняемъ. Въ 1714 г. монастырскіе подданные с. Тулиголовъ оставили свои грунты и перешли на земли прилудкаго полковника Андрея Марковича, въ томъ же селѣ. Антоній Стаховскій укорилъ Марковича въ притязаніи на монастырскую собственность. Полковникъ въ отвѣтъ своемъ ясно выразилъ, какъ неестественно было для того времени посягательство на личность крестьянъ: „о подданныхъ тулиголовскихъ“, писалъ онъ Стаховскому, „якіе бы были отъ послушанія катедрального до моего млина отдалени, отнюдь не вѣдаю. И если кто зъ нихъ мимо мою вѣдомость принять, велю оногo, *когда такъ крепостные у катедре подданные суть, же неможно отнюкда зъ-подъ держави оной исходити*, головою, кому ваше преосвященство роскажетъ, выдати“¹¹⁰).

Но въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. встрѣчаемъ уже официальные просьбы державцевъ о предупрежденіи переходовъ крестьянъ. Въ 1733 г. державца Николай Бороздна писалъ гетману: „подданніи мои села Ключовъ, виноватившіся (задолжавъ) мнѣ не мало денегъ и жита, тайно повиходили и одъ того долгу криются по Украинѣ, переходя изъ села въ село, якихъ и спостигнути не возможно, за укритіемъ державцовъ и протчихъ урядниковъ... на которыхъ виноватцовъ прошу яснoвельможности вашей поважного рейментарского указу, дабы мнѣ—гдѣ они винайдутся—безъ жадного укриваня и волокити ихъ повидавано, албо долги, на которомъ сколько зависаетъ, выплачено; понеже мнѣ отъ такихъ должниковъ не малій чинится убитокъ и крайнее разореніе; которіе и протчихъ оставшихся должниковъ, тайно приходячи, подмвлиють и зъ села выводятъ“¹¹¹). Въ этомъ случаѣ державца, впрочемъ, опирается еще на крестьянскіе долги. Въ 1738 г. другой державца Андрей Войцеховичъ проситъ о предупрежденіи крестьянскихъ переходовъ ради точнаго отбыванія общенародныхъ повинностей; но дѣйствительный смыслъ просьбы ясенъ. „Въ черниговскомъ полку, въ сотнѣ городничкой,—пишетъ державца Войцеховичъ кн. Барятин-

¹¹⁰) Арх. Черниг. Каз. Пал., докум. Борисоглѣбск. моваст., № 208.

¹¹¹) Арх. Млрс. Кол., № 1185.

скому,—на купленной землѣ дѣдомъ моимъ Аванасіемъ Богданомъ Войцеховичемъ, при хуторѣ, призываемомъ Пѣвненскомъ, по универсалу гетмана Скоропадскаго, поселясь нѣсколько хатъ людей, пристойную ея императорскому величеству службу и общенародную повинность отбывали доселѣ; а сего 1738 г., когда указомъ повелѣно въ службу ея величества со всякаго двора по человѣку опредѣлить и выслать, взявъ свои движенія, зъ своихъ хатъ вышли и кривются по околичнымъ селамъ, ухиляясь отъ службы ея величества и общенародной должности. А что они показаны въ ревизіи моего владѣнія и положени на нихъ указаніе дабели, за тѣ уже, по уходѣ ихъ съ ихъ жилия, требуютъ тѣхъ дабелей и всякихъ повинностей за ихъ отъ другихъ моихъ людей, зъ села Дубровнаго; отчего ежели и за ихъ, вышедшихъ подсосѣдковъ пѣвненскихъ, взимать учнуть въ селѣ Дубровному зъ людей моихъ повинности, то въ неудобопристойное конечное прійдутъ разореніе... Сего ради вашего высококняжого сіятельства рабски прошу милостивое повелѣть учинить разсмотрѣніе и опредѣленіе, дабы они, мои пѣвневскіе подсосѣдки, отъ службы ея величества и общенародныхъ повинностей *впередъ побыговъ чинить не дерзали и другіе опасеніе имѣли* и забратіе сѣна возвратили, ибо они, егда за свои такové поступки наказаны не будутъ, то, возымѣвъ грубое свирѣпство, не имѣя своего жилия, обиди мнѣ и прочимъ чинить дерзнуть¹¹²⁾.

Съ другой стороны, великороссійскіе чиновники, пріобрѣтавшіе маестности въ Малороссіи, заявляли еще большія притязанія на крестьянскую личность, дѣйствуя въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ близко знакомаго имъ, по Великороссіи, крѣпостнаго права. Такъ, въ указѣ 1742 г. читаемъ: „ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что великороссійскіе разныхъ чиновъ люди малороссіянъ разными образы въ вѣчное холопство укрѣпляютъ, берутъ на нихъ крѣпости и своеручныя всякія письма, иныхъ же подъ неволею женятъ на крѣпостныхъ своихъ женкахъ и дѣвкахъ, и тѣмъ крѣпять оныхъ себѣ въ вѣчное холопство...“¹¹³⁾

Однимъ словомъ, неустройство крестьянскаго быта въ половинѣ XVIII в. достигло высшей степени своего развитія. При общемъ

¹¹²⁾ Арх. Марс. Кол., № 192.

¹¹³⁾ П. С. Зак., т. XI, № 8555. Подтверженіе этого указа т. ж., № 8578.

неустройство гражданскихъ порядковъ въ Малороссіи того времени, крестьянству неоткуда была ждать улучшеній. Напротивъ, устарѣвшая гетманщина, разрушаясь въ своихъ основаніяхъ, влекла за собою къ ухудшенію и всѣ стороны народнаго быта, какія только находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ гетманской администраціи.

Не находя защиты у администраціи отъ притѣсненій державцевъ, крестьяне искали улучшенія своей обстановки преимущественно въ мѣстѣ одного державцы на другого; когда же крайность заставляла, то совсѣмъ покидали родину и переселялись въ степи: новороссійскія, саратовскія и оренбургскія. Мы уже видѣли, какія массы населенія оставляли Малороссію. Такой порядокъ вещей ставилъ администрацію въ безвыходное положеніе, въ особенности по наблюденію за равномерною раскладкою и своевременнымъ исполненіемъ земскихъ повинностей: постоянные переходы крестьянъ не давали къ тому никакой возможности.

Вотъ что писалъ, около 1760 г., извѣстный Тепловъ, хорошо знакомый съ Малороссіею: „къ внутреннему и собственному разоренію есть вредъ ближайшій малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнливцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ... Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ прежде всего, какъ бы ему найти удобства свой хлѣбъ жевать безъ труда; сего ради не допускаетъ обременять себя никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщиками землями, или ограбленными государевыми, или за долгъ шинковой себѣ приговоренными, или, по сходѣ лѣнливцевъ, впускѣ лежащими, обыкновеніе имѣютъ поселять слѣдующимъ образомъ: сперва опредѣлить слугу, наряженнаго у богатыхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, что весьма легко имъ и удастся, потому что бѣдный больше заставляеть мужика своего работать, нежели богатые, ежели кредита инаго къ тому въ націи не имѣеть; потомъ выставить на пустой своей землѣ большой деревянный крестъ, на которомъ для грамотныхъ надпишетъ, а для неграмотныхъ скважинами проверченными означить, на сколько онъ лѣтъ новопоселившимся общаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики праздно-

дѣльные и лѣнтяи о томъ не оставляютъ навѣдываться, гдѣ и сколько-временными свободами крестъ выставленъ на поселеніе слободы, и провѣдавъ, выбираютъ мѣсто, которое имъ льготнѣе покажется. Такимъ образомъ вылеживается мужикъ урочные годы въ крайнемъ лѣннствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новой ключкѣ на слободку и нового креста ищетъ, и симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, перевоза свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они по большей части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ подъ претекстомъ тѣмъ, яко-бы мужикъ все, что имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, грабитъ все его имѣніе, на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики безкредитные въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ, въ изобиліи и плодородіи земли малороссійской, земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ: между тѣмъ государственная польза отъ малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часть отъ часу въ упадокъ приходитъ¹¹⁴⁾.

Конечно, здѣсь Тепловъ говоритъ нѣсколько односторонне, забывая, что крестьянскія движенія находились въ тѣсной связи съ державскими насиліями, которыя были главною побудительною причиною частыхъ переходовъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто.

Тѣмъ не менѣе „государственная польза“ страдала, и правительство, наконецъ, рѣшилось принять нѣкоторыя мѣры къ огражденію крестьянскихъ переходовъ.

Первымъ такимъ дѣйствіемъ русскаго правительства былъ указъ 10 декабря 1763 года: „увѣдомились мы о малороссійскомъ посполитомъ народѣ, что многіе, оставя свои жилища и экономію и не радя о своемъ и общемъ добрѣ, переходя столь часто съ мѣста на мѣсто, что не въ состояніи потому ни малѣйшей твердости въ своемъ домостроительствѣ основанія положить и тѣмъ самымъ нахо-

¹¹⁴⁾ Зап. о Южной Руси, т. II, стр. 194—196.

дися праздными, подвергаютъ себя крайнему разоренію и нищенству, не сохраняя при томъ и онаго права ихъ вольностей, кое имъ отъ предковъ нашихъ утверждено; ибо и въ 1742 году опубликованнымъ указомъ тотъ свободной имъ переходъ подтвержденъ, слѣдственно въ силу самаго того указа должны малороссійской народъ таковымъ свободнымъ переходомъ пользоваться по прежнему на основаніи ихъ малороссійскихъ правъ... Но къ крайнему нашему сожалѣнію, видимъ, что малороссійской нашъ народъ, тѣми въ свободномъ переходѣ правами не пользуясь, и яко отъ несвѣдѣнія оныхъ обращается въ вышепредписанномъ безпорядкѣ и нищетствѣ. Того ради, милосердуя объ нихъ, къ собственному ихъ отъ того предохраненію и защищенію и для возстановленія ихъ добра и покоя, всемилостивѣйше повелеваемъ тому малороссійскому посполитому народу всѣмъ, гдѣ кто съ публикованія сего нашего указа на поселеніи, въ земледѣльствѣ, въ работѣ или услуженіи находятся, пребывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безъ всякой высылки и безъ наималѣйшаго утеснѣнія, равномѣрно же и свободной имъ по ихъ желаніямъ съ мѣста на мѣсто переходъ имѣть во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ; а напротивъ того, никому малороссійскаго посполитаго народа людей безъ письменнаго отпуска одинъ отъ другаго владѣльца отнюдь не принимать, равно же, по ихъ желаніямъ, въ дачѣ повелѣнныхъ тѣми правами письменныхъ отпусковъ не удерживать подѣ штрафомъ въ тѣхъ правахъ положеннымъ: а будещь кто кого отпустить не похотѣлъ, тѣмъ о объявленіи въ ближнихъ судахъ поступать, какъ точно роздѣла 12, артикула 24 во 2-мъ пунктѣ показано...¹¹⁵⁾

Съ изданіемъ этого указа совпадаетъ третья ревизія; такъ какъ послѣдняя шла очень медленно и неудачно¹¹⁶⁾, то очень вѣроятно, что указъ 10 декабря былъ вызванъ именно какъ средство—облегчить ревизію. Но для Малороссіи онъ сдѣлался первымъ юридическимъ основаніемъ для укоренившася уже обычаемъ здѣсь крѣпостнаго права.

Въ указѣ 10 декабря державцы получили возможность юридически преграждать посполитымъ свободный переходъ, и какъ видно изъ архивныхъ бумагъ¹¹⁷⁾, стали пользоваться этимъ указомъ, имѣя

¹¹⁵⁾ П. С. З., т. XVI, № 11987.

¹¹⁶⁾ Статистическія Таблицы Россійской Имп. Вып. 2, стр. 134.

¹¹⁷⁾ Арх. Млрс. Кол., *Дѣла поточныя о изшедшихъ отъ владѣльцовъ людяхъ, 1765—1782.* Лян. БІ.

въ виду преимущественно обзаконеніе своего вліянія на подданныхъ. Но державческія притязанія, опиравшіяся на этотъ указъ, только усилили, какъ видимъ ниже, переходы крестьянъ; поэтому—указъ 10 декабря не достигъ своей административной цѣли.—Какъ извѣстно, вскорѣ за тѣмъ Разумовскій долженъ былъ сложить съ себя гетманство (въ ноябрѣ 1764 г.) и управление Малороссіи поручено было извѣстному Румянцову. Такимъ образомъ Румянцовъ засталъ въ Малороссіи произведеніе ревизіи, неудовлетворительность которой была для него очевидна по тѣмъ многочисленнымъ „доношеніямъ“, которыя державцы стали подавать въ Малороссійскую Коллегію „о изшедшихъ своихъ подданныхъ“. Будучи замѣчательнымъ администраторомъ своего времени, Румянцовъ не могъ не обратить вниманія на бросавшееся въ глаза неустройство народного экономическаго быта, которое парализовало всѣ административныя распоряженія правительства. Приѣхавъ въ Малороссію весной 1765 года, Румянцовъ цѣлое лѣто употребилъ на личный осмотръ края¹¹⁸⁾, и конечно, тогдашнее общественное состояніе Малороссіи должно было произвести на него самое неутѣшное впечатлѣніе. Здѣсь ему представилась на первомъ планѣ—несообразность тѣснаго сліянія и постоянной перемѣшки двухъ сословій, пользовавшихся совершенно различными правами: Румянцовъ увидѣлъ, что прежняя администрація почти не обращала вниманія на переходъ посполитыхъ въ козацье сословіе и наоборотъ; между тѣмъ повинности того и другаго сословія въ отношеніи къ государству были совершенно различныя; поэтому административныя распоряженія правительства, касавшіяся Малороссіи, необходимо должны были встрѣчать препятствія, которыхъ нельзя было предупредить, не измѣнивъ старыхъ порядковъ.

Первымъ средствомъ для приведенія въ извѣстность экономическаго положенія края Румянцову представилась обстоятельная ревизія, на основаніяхъ имъ самимъ задуманныхъ, конечно во время его путешествія по Малороссіи¹¹⁹⁾. Возвратившись въ Глуховъ 30 іюля, Румянцовъ въ началѣ сентября¹²⁰⁾ предложилъ коллегіи про-

118) Записки Як. Марковича, II, 397.

119) Наблюденія, сдѣланныя Румянцовымъ во время его поѣздки по Малороссіи, изложены въ его „Запискѣ о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ и неустройствахъ, о исправленіи которыхъ малороссійской коллегіи трактовать должно“. Малороссія въ 1767 году, В. Авсеенка, (Кіевъ, 1864, 160) стр. 137—152.

120) Записки Як. Марковича, II, 397—398.

известии „генеральную опись“ Малороссіи. Причины, побудившія Румянцова приступить къ такой описи, равно и цѣль ея видны изъ его инструкціи, данной назначеннымъ для описи чиновникамъ ¹²¹). Румянцовъ хотѣлъ разграничить сословія, козацье отъ крестьянскаго, и опредѣлить ихъ имущественное состояніе на основаніи юридическихъ данныхъ и тѣмъ положить основаніе для болѣе правильнаго развитія народныхъ силъ. Какъ ни тягостна была для народа эта замѣчательная ревизія ¹²²), но результаты ея для Малороссіи были очень полезны: опись Румянцова, заключаая въ себѣ сословный и имущественный инвентарь страны, давала средства ограничивать на будущее время произволь старшины, въ ея корыстныхъ притязаніяхъ на народныя силы и богатство; со времени описи явилась, по крайней мѣрѣ, возможность провѣрки правъ обиженнаго, такъ какъ до того времени—неправильность и неточность ревизскихъ книгъ отнимала у судьи всякую возможность удовлетворить истцовъ, жаловавшихся на нарушеніе своихъ сословныхъ правъ.

Какъ указъ 10 декабря, такъ еще болѣе генеральная опись произвели результаты тѣ именно, которые правительство старалось предупредить: посполитые крестьяне особенно напуганы были Румянцовскою переписью, видя въ ней попытку правительства прикрѣ-

¹²¹) См приложение.

¹²²) Объ этой ревизіи Коניскій рассказываетъ: „графъ Румянцовъ въ 1767 году повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая, какъ въ своемъ родѣ, такъ и способъ ея произведенія, была новостью необыкновенная. Коммисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, зная только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого, и даже самихъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ ширенгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ коммисіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдю и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, держанный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣвъ и переписавъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачь младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ коммисіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались и за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣніи помѣстьями и землями...“ Исторія Руссовъ, М. 1846, стр. 256—257.

пить ихъ къ землѣ и тѣмъ самымъ усилить на нихъ вліяніе державцевъ¹²³); посему съ этого времени крестьянскіе переходы усиливаются до высшей степени, что видно изъ просьбъ державцевъ объ отысканіи изшедшихъ подданныхъ. Вотъ цифры, показывающія, какое количество крестьянъ покинуло свои жилища со времени указа 10 декабря по 1774 годъ: у бунчуковаго товарища Трифановскаго изъ села Березовки ушло 76 душъ; у Тернавіота—102 души; у Стаховича—изъ с. Рогинець 19 семей, изъ с. Пекаровъ 21 семья; изъ Улановской волости, принадлежавшей архіерейскому черниговскому дому—59 семей. Изъ владѣній Гамалѣвскаго монастыря (въ глухов. у.)—181 душа. У Крыжановскаго, гадяцкаго полковника, за пять лѣтъ ушло 55 семей и 166 одиночекъ.

При этомъ крестьяне частью мѣняли старыхъ державцевъ на новыхъ, а преимущественно уходили въ новороссійскій край и на Запорожье¹²⁴).

О розысканіи въ такихъ случаяхъ своихъ подданныхъ державцы просили коллегію, а коллегія въ свою очередь предписывала, по сдѣланнымъ указаніямъ, полковымъ канцеляріямъ о возвращеніи бѣжавшихъ. Такія распоряженія, большею частью, не достигали цѣли; такъ гадяцкая полковая канцелярія въ 1778 г. писала въ коллегію: „многіе полку гадяцкаго казацкой, посполитской и подсудъдческой статьи люде,—казацой по билетамъ отъ сотенныхъ правленій, а посполитской по отпускамъ, отъ ихъ владѣльцовъ и прикажчиковъ даннымъ, удаляются на заработки въ донскія станицы и въ другія тамошнія мѣста на сроки и по прошествіи битностію ихъ тамо оныхъ сроковъ остаются уже безповоротно на жительствахъ, какъ явствуютъ часто входящіе въ полковую канцелярію о учиненіи объ нихъ виправокъ сообщенія“.

Такимъ образомъ ни указъ 10 декабря, ни генеральная опись не остановили крестьянскихъ переходовъ; какъ видимъ, крестьяне имѣли полную возможность уходить; по билетамъ и безъ билетовъ, за предѣлы Малороссіи; но и въ Малороссіи не трудно было оставить державцевъ безъ позволенія, а еще легче можно было находить новый пріютъ, не имѣя никакихъ билетовъ, установленныхъ указомъ 10 декабря. Гадяцкій полковникъ Крыжановскій писалъ въ коллегію въ 1769 г., что хотя и запрещено владѣльцамъ прини-

¹²³) См. Основу 1861 г., мартъ, въ ст. „Малифестъ 19 февраля“.

¹²⁴) См. примѣч 117.

мать крестьянъ безъ письменныхъ отпусковъ прежнихъ владѣльцевъ, „а въ здѣшнихъ малороссійскихъ мѣстахъ владѣльцы принимаютъ безъ свидѣтельствъ приходящихъ безъ всякаго опасенія какого-либо не только штрафа, но и отвѣта; въ другихъ мѣстахъ за пріемъ крестьянъ и за пожилосъ взыскиваются не малые денежные штрафы и самые изшедшіе крестьяне отъ нихъ отбираются; а здѣсь, напротивъ того, владѣльцы пріемомъ чужихъ подданныхъ хорошія ~~получаютъ~~ получаютъ выгоды—не только отъ штрафа или отвѣта свободны, но и надлежущаго съ нихъ окладу не платятъ и изшедшихъ подданныхъ не возвращаютъ, а населяютъ ими въ пользу свою великія, новыя и небывалыя слободы. Въмѣсто того, всю тяжесть взысканія принуждаются несть оставшіеся отъ побѣгу подданные и подсосѣдки и не инако, какъ терпяты сѣ въ наказаніе за то, что они отъ побѣгу на своихъ мѣстахъ остались“ ¹²⁵).

Положительно можно сказать, что мѣропріятія правительства противъ крестьянскихъ переходовъ въ Малороссіи вызвали результаты совершенно противоположные: крестьяне въ это время, какъ бы предчувствуя скорую потерю своей свободы и спѣша пользоваться пока еще ею, представляли собою бродячую массу и тѣмъ самымъ вызывали администрацію на какія-нибудь мѣры рѣшительныя.

Уже въ поѣздку свою по Малороссіи, въ 1765 году, Румянцовъ о посполитыхъ крестьянахъ сдѣлалъ такое заключеніе: „простой народъ, мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ, доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, до лѣности и распутства; ибо многіе, оставляя свои пахотныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое и чтобъ удобнѣе провоздаты жизнь праздную и распутную, остаются навсегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсосѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напои виномъ.—Надлежитъ разсуждаты, каковымъ образомъ исправить сѣ пороки, общенародному добру вредящіе, обязать его мѣроположеніями со стороны владѣльцевъ и ихъ самыхъ, взаимно полезными; каковымъ средствомъ предохранить побѣги ихъ за границу и пресѣчь такъ называемое подсосѣдство, а особливо у людей простаго стану“ ¹²⁶).

Мѣроположенія Румянцева по сему предмету выразились по-

¹²⁵) См. примѣчаніе 117.

¹²⁶) См. примѣчаніе 119.

стояннымъ наблюденіемъ за исполненіемъ указа 10 декабря 1763 г.¹²⁷⁾ и генеральною описью, которою онъ думалъ, распорядивши сословія, дать средство каждому изъ нихъ законно пользоваться своими правами и не затруднять администрацію при собираніи податей. Но мѣроположенія эти оказались безсильными, и являлась настоятельная потребность въ новыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ для ограниченія крестьянскихъ движеній.

При такихъ обстоятельствахъ изданъ былъ указъ 3 мая 1783 года¹²⁸⁾, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородскомъ-Сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селеніяхъ обитателей, каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ изданія сего указа, поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ“.

Этимъ поясненіемъ указа о податяхъ посполитые крестьяне лишены были права перехода и тѣмъ самымъ должны были вполне подчиниться тѣмъ державцамъ—помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ засталъ ихъ указъ 3 мая.

Такимъ образомъ установилось въ Малороссіи крѣпостное право.

¹²⁷⁾ Наблюденіе за исполненіемъ сего указа выражалось той посылною помощью коллегіи, въ которой она не отказывала державцамъ въ розысканіи ушедшихъ отъ нихъ крестьянъ. См. примѣч. 117.

¹²⁸⁾ П. С. З., т. XXI, № 15724. Названіе указа такое: „О податяхъ съ купечества, крестьянъ и другихъ обывателей губерній: кіевской, черниговской, новгородской-сѣверской, харьковской, могилевской, полоцкой, рижской, ревельской и Выборгской; о сборѣ пошлянъ съ дѣлъ и съ продаваемыхъ недвижимыхъ имѣній въ губерніяхъ малороссійскихъ и о распространеніи на оныя губервіи права выкупать недвижимыя имѣнія ближайшимъ родственникамъ, по общимъ государственнымъ узаконеніямъ“.

Приложеніе.

I.

а) Инструкція опредѣленнымъ для сочиненія генеральной ревизіи въ малороссійскомъ нѣжинскомъ полку господамъ примеръ майору Голенищеву Кутузову и полковому нѣжинскому старшинѣ N и бунчуковому товарищу.

Я, исполняя всевысочайшее ея императорскаго величества и главнейшее повеленіе при определеніи меня всемилостивѣйше к настоящему званію и должности, дабы во всей Малороссіи все и всякой при ихъ правахъ и имуществе охранены были, правосудіе и справедливость всемъ и всякому показываны; а напротивъ, всѣ наглости, насиліи и всѣ препятствующіе или паче вредящіе благодѣянію народному и общему покою притчины вовсе искоренены были и народъ бы малороссійской, отдавая повинную ея императорскому величеству службу и положенные доходы прямо ея императорскому величеству, всевысочайшею милостію утешались по нынѣ различными и обнародованными листами и с подтвержденіемъ до кого что касалось, и довольно объяснительными образы от времени в другое, делалъ. Но входя въ подробныя разсматриванія входящихъ многихъ и безпрестанныхъ жалобъ в неумеренныхъ отягощеніяхъ плотежами казаковъ, подпомощниковъ, мещанъ и посполитыхъ в службе работахъ и поборахъ, дознавая, что все то при прочтеніи токмо остается; притчины же главнейшии и препятствующии правительству главному давать финальные или крайніе резолюціи и охранить отъ руки силнаго безпомощныхъ людей суть слѣдующіе: 1. Худое и неосновательное сведеніе о всехъ и всякого званія недвижимыхъ именій. 2. Отъ частой переписки в городахъ и местечкахъ гражданъ в казаки, къ немалому опустошенію горо-

довъ и поврежденію внутренняго торгу и промыслу. 3. Отъ записыванія ис посполитыхъ в козаки и ис казаковъ в посполитые, укрываясь первые отъ своихъ владѣльцовъ, а последние отъ службы, ища покровительства сильныхъ и знатныхъ людей и жертвуя темъ всю и всякую свободу, приобретенную чрезъ висококомаршіе милости, а на последокъ казачества по прежнему. 4. Прямо бывшихъ предковъ казаками, а какими либо образы порабощены владѣльцами, а иногда и насильнымъ захваченіемъ в посполитіе владѣльческие и лишение всего имущества. 5. Что отъ принужденія и гоненія, оставили многие свои грунта и земли и сочтены беглыми и принуждены скитатца по всюду, а те ихъ грунта и все угодя, яко безгласные, остаютца в разныхъ завладеніяхъ беззаконно. Сколко же къ симъ исправленію способствовать нужно, толь и поспешно ко отысканію всехъ сихъ средствъ мероположеній взять надлежить: и я за единое кратчайшее и способнѣйшее средство нашолю—послать васъ в нежинской полкъ и симъ препоручить и исполнить ниже слѣдующее:

1. Противъ приложенныхъ при семъ примерныхъ формъ, в нежинскомъ полку учинить генералную опись, начавъ отъ полковаго города до последней деревни и хутора, именно: *первое*, въ городахъ: 1) положеніе ихъ по урочищамъ, 2) всемъ публичнымъ строениямъ, разумея: церквамъ, ратушамъ, болницамъ и тому подобнымъ. 3) Число гражданскихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ и в техъ обоего пола мужеска и женска душъ с летами отъ роду, означивая неизлечимыя болѣзни и увечья; исключая одно шляхетство, полковую и сотенную старшину, которые по служивымъ ихъ спискамъ известны и духовныхъ действительно при церквахъ определенныхъ: описывая при томъ не обходя и все те дома, которыя по прежнимъ ревизіямъ принадлежали гражданамъ, а ныне во владеніяхъ разныхъ чиновниковъ состоятъ, и показавъ точно о всехъ хозяевахъ—в какой службѣ состоятъ и какие промыслы или торги, или ремесло оныя живущія имеютъ, и все ли повинности к магистратамъ или ратушамъ отбываютъ или нѣтъ. Сие касаетца и до техъ, хто из гражданъ вписался в казаки и другіе чины, коихъ по вышеписанному же описать, взявъ со всякого о такихъ списки, какими они промыслами впредъ бавятся желаютъ; ибо всякому такому, кои в гражданахъ или цехахъ не будетъ написанъ, по правамъ запретится всякой торгъ и ремесло, с такимъ объясненіемъ, что званіе чиновное или казачье хотя и напишется в граждане,

не утратить своихъ преимуществъ. 4) О гражданскомъ правленіи и о чиновникахъ, кто какимъ званіемъ и должностію обязанъ; о содержаніи полиціи, предосторожность отъ пожаровъ и о принадлежащихъ к той инструментахъ; о призрѣніи сущихъ нищихъ и прочихъ. 5) О ярмолкахъ и торгахъ неделныхъ, колико ихъ первыхъ в году и в какие времена и по сколку времени, а последнихъ в неделе в какие дни бываютъ и откуда купечество с какими товарами и коликимъ числомъ наезжаютъ, а в неделныхъ торгахъ из округа того—что болше на торги привозится. 6) С привилегіевъ городовъ и цеховъ писать справочные копіи. 7) Земли с угодьями городу принадлежащие по мерамъ и названіямъ, где, какъ и в которомъ полку и месте называютца, применяясь ко всякой таковой мере по посеву и счисленіемъ квадратныхъ сажень, описывая, что до лесовъ принадлежить, особо всякого способность и званіе. 8) О всехъ до ныне бывшихъ гражданскихъ грунтахъ и ныне во владеніи разныхъ чиновниковъ состоящихъ, особо, со всеми ихъ угодьями и с крепостей отъ владельцовъ справные копіи взять и показать—делаютъ ли они с техъ грунтовъ подлежащую гражданскую плату и повинность, или она на прочихъ гражданъ сложена. 9) Доходъ магистраткой или ратушной: отчего збирается и на что в расходъ употребляется. 10) Деревни и всякіе угоди магистратскіе и ратушные, где оны есть, описать с показаніемъ всякой названія и числа дворовъ и бездворныхъ хатъ и в нихъ обоего пола душъ и меры земле и всехъ сенокосныхъ и лесныхъ угодей и прочаго противъ 7 пункта, и по какимъ крепостямъ оными владеютъ, с приложеніемъ с техъ справочныхъ копій, а отъ бывшихъ ихъ владений взять уведомленіе, по какимъ грамотамъ или уневерсаламъ выбыли и где, в которой сотнѣ оныя лежать и у кого во владеніи. 11) С сихъ деревень в консистенскіе и грацкіе дачи погодно в натуре или денгами что даваемо было и какую работизну исправляли и исправляютъ. 12) Во всехъ принадлежностяхъ гражданамъ, то есть въ хуторахъ, мельницахъ и заводахъ поступать по генеральному пункту, какъ о владельческихъ принадлежностяхъ писано. 13) Взять отъ полковой канцеляріи и отъ магистрата справки: сколько и какихъ работниковъ обоихъ половъ в городе бываетъ и по чему в годъ или мѣсяцъ деньгами или чемъ другимъ берутъ и на какомъ содержаніи довольствіемъ и одеждою своемъ или хозяйскомъ, сверхъ заплаты. *Второе:* въ коронныхъ и монастырскихъ—название всякаго города и местечка, положеніе местъ и о

всякомъ хоромномъ строеніи, показавъ, в какомъ оныя состояніи находятца, а особливо съ урядовыхъ, кемъ точно что ныне владѣющими построено и со оценкою тамъ знающихъ мастеровъ— число дворовъ и душъ, земли, угоды и по какимъ кто грамотамъ и и уневерсаламъ владеютъ, приложя с техъ справные копіи; о зборахъ и работизне и о всемъ, какъ выше о магистратахъ предписано. *Третье.* Во владелческихъ с показаніемъ владѣльца имениемъ, кому что принадлежитъ и по какимъ крепостямъ кто владеетъ, с коихъ с засвидетельствомъ взять копіи, а в протчемъ— положение местъ, число дворовъ и душъ, земли, леса и все угоды и консистенские токмо дачи описать противъ вышеписаннаго, не обходя однако и до владелческаго двора принадлежащихъ полей, сенокосныхъ и лесныхъ угодеи и людей обоихъ половъ. *Четвертое.* В казацкихъ, такъ какъ и о магистрацкихъ сказано, где ихъ земли, угодыя и все имущество описаны быть должны, а о спешдшихъ козакахъ, удалившихся службы козачей или же согнанныхъ с грунтовъ или привернутыхъ в владение партикулярное, отъ наличныхъ взять верные справки и все ихъ домоводство, земли, угоды отискать и за кемъ оне ныне состоятъ во владеніи и по какимъ крепостямъ настоящие владелцы пользуются, взять с техъ справочные копіи, и буде найдутся, что оне не отъ уряду, и именно не от суда генеральнаго отданы или же за запретительными указами скуплены, секвестровать и отдать в смотреніе по описи в техъ местахъ лутчимъ ис сотенныхъ старшинъ и казакамъ; в принадлежностяхъ же, яко в хуторахъ, винокурняхъ, мельницахъ, пасикахъ и всякихъ заводахъ и фабрикахъ число, имена обоего пола душъ и земли с угоды, число колѣсъ и казановъ писать именно, какъ вышеписано.

2. Чтобъ всё и всякой, взирая на сие мое чистосердечнейшее способствование къ скорейшему достижению ея императорскаго величества онихъ всемилостивейшаго и всевысочайшаго вождеденія, способствовали и с своей стороны собственной ихъ ползе и благоденствію и по присяжной должности все то объявляли, что ведать при семъ отъ нихъ требуется, без всякаго и всех лживыхъ воображеній какова либо отягощения; но какъ в первое и нужное основание и сохранение своего истиннаго отправления службъ, податей и случающихся работъ, по сущей силе, имуществу и возможности устрояя себя темъ лутчей способъ к получению справедливости и спокойному пребыванію, изволите всемъ и всякому ясно толковать, изъясняя при томъ—если кто что утаитъ, то онъ самъ

себя притчину правильную имѣть будетъ укорять, ибо онъ на все то право свое непременно потеряетъ, а особливо не записавшейся при сей ревизіи по какимъ либо его не надлежащимъ причинамъ, крепленіемъ на званіе малороссійское изселатца уже не можетъ.

3. А дабы по требованіямъ вашимъ все и всякого званія владельцы, а отъ городовъ магистраты, ратуши, полковые и сотенныя канцеляріи о всемъ отъ васъ требуемомъ прямое и точное увѣдомленіе подавали, ис коллегіи во все места посланы указы, с подтвержденіемъ о поступаніи при таковыхъ объявленіяхъ по сущей истинне, дабы иногда не влать на себя собственно нареканія, когда и каково явитца и опредѣленіе свое надлежащее получить, для чего всѣ здѣсь при коллегіи старые описи и слѣдствіи отыскавъ, при обстоятельныхъ описяхъ отослать немедленно, которые въ который полкъ слѣдуетъ, приказано.

4. Для производства жъ при сей комиссіи писменныхъ дель, взять вамъ отъ нежинскаго полку одного канцеляриста или же писать хорошо умеющаго значковаго товарища; а писарей, какъ и для караула и на посланки надобныхъ людей, бумагу, сургучъ и чернила от оного жъ полку сотенъ и магистратовъ, где вы находитца будете, брать безъ излишества, коихъ о дачѣ ис коллегіи указами во все места предложено.

5. При описаніи вышеписанномъ городовъ, местечокъ, сель и деревень, везде осматривать самимъ вамъ; естли жъ какие либо случатца хутора и угоды весьма во отдаленіи, то в те можете посылать командированныхъ в помощь къ вамъ двухъ оберъофицеровъ, предписавъ имъ, что оне тамъ осматривать и описывать должны будутъ.

Сія полагаемая на васъ комиссія доказываетъ достаточно доверенность ту, которую я в службѣ ея императорскаго величества на ваше достоинство, ревность и усердіе полагаю, и подаетъ вамъ лучшей способъ оправдать то мое мнѣніе самимъ деломъ, и ожидать за то, по мере заслугъ, воздаянія.

Генераль Румянцовъ.

Ч. 7 октября 1765 г.

Глуховъ.

б) Ордеръ нижегородскаго карабинернаго полку господину примеръ майору Голенищеву-Кутузову.

При описяхъ по прилагаемой при семъ инструкціи, в нежинскомъ полку, изволите сами всемъ и всякому, а особо про-

стова народу людамъ, толковать, что сіе все делается единственно, дабы освободить ихъ отъ неумеренныхъ, по вернымъ, дошедшимъ и сказавшимся справедливымъ жалобамъ, отъ старшинъ отягощеній и к лутчему впрядь всякого челоуѣка в истинной его породе известія, в разсужденіи, что многіе из сихъ бедныхъ людей; будучи козаками или свободными, утратили свое казачество и многіе подпали в крепостные отъ одинаго ненаписанія ихъ и ихъ предковъ в компуты и списки; и отисканія неправо, а паче гвалтовно отнятыхъ земель и приведенія всехъ сихъ делъ за всевысочайшею ея императорскаго величества волею, на вечные времена, в твердое и надлежащее по правамъ малороссійскимъ, состояніе.

Ч. 7 Октября 1765 г
Глуховъ.

Генераль Румянцовъ.

в) Ордерь командированному для сочиненія генеральной описи в полкъ нежинскій з. примеръ майору Голенищеву-Кутузову.

В пополненіе данной вамъ отъ меня инструкціи, даби скорѣйшой в порученномъ деле успехъ могъ быть, симъ подтверждаю: под нынѣшное зимное время, когда землемерія дѣлать никакова нельзя, хотя прибыли к вамъ определене малороссійскіе чини или не прибыли, сами з своими подчиненными можете в городахъ и селахъ чинить описѣ состоянію онихъ городовъ, жителствующихъ в нихъ людей, обиталищъ ихъ, требуя о томъ отъ магистратовъ, ратушь, полковыхъ и сотенныхъ канцелярій и самыхъ обывателей ведомостей и сушаго показанія; где же и когда сами быть не можете, туда и онихъ же малороссійскихъ старшинъ с афицерами отправлять. но чтобъ при томъ, где вы дело сіе отправлять станете, земскій тамошній старшина былъ, о томъ отъ полковыхъ канцелярій потребуйте предложеній, стараясь, сколько можно, вернее сію опись сочинить, но при томъ ни от кого ничего не отбирать и не арестовать и в точность и обстоятельно описывать и в какови либо где между кемъ въ имеючіесь спори не входить, и описать за темъ всякое владеніе, за кемъ оно состоитъ; толко козачіе двори зъ грунтами, откуда прежде козачая служба происходила, искупленіе послѣ запретительного указу отмечать въ описѣ, оставляя во владеніи у того же, за кемъ нынѣ состоятъ, до резолюціи дальнейшей; о прежней же скушлѣ справки никакой не чинить, а толко крепостей къ освѣдительствованію и взята съ нихъ копій требовать.

Генераль Румянцовъ.

1766 году, генв. 11 д.

II.

Разсказывая объ этой описи, Конисскій прибавляетъ, что „опись оная, со всѣми ея страшными слѣдствіями и поисками, не имѣла своего окончанія и печально уничтожилась“; но это невѣрно: генеральная опись Малороссіи, заключавшейся въ предѣлахъ нынѣшней черниговской губерніи, сохранилась и доннѣ; хранится она, въ 147-ми связкахъ, въ архивѣ Черниговской Казенной Палаты ¹²⁹).

Какъ для болѣе полнаго ознакомленія съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ административной дѣятельности Румянцова въ Малороссіи, такъ и для нагляднаго представленія экономическаго состоянія посполитыхъ крестьянъ, прилагаемъ здѣсь четыре открывка изъ генеральной описи: 1) опись деревни Внуковичей (новозыбковск. у.) 2) Вѣдомость объ имущественномъ состояніи посполитыхъ крестьянъ села Туничева (городницк. у.), составленную мною въ видѣ образца извлеченія свѣдѣній изъ Румянцевской описи. 3) Вѣдомость объ имущественномъ состояніи козаковъ и посполитыхъ крестьянъ села Красиловки (борзенск. у.), составленную в томъ же видѣ. 4) Опись одного мелкаго владѣнія села Гайворона (кочетопск. у.).

1. Опись деревни Внуковичей.

Деревня Внуковичи имѣетъ положеніе стародубовскаго полку, въ топалской сотнѣ, разстояніемъ отъ полковаго города Стародуба въ 55, а отъ села Топали въ 30 верстахъ; при криницѣ, называемой Король, на низкомъ мѣстѣ, при болотѣ.

Оная принадлежитъ мнѣ (графу Мойсею Владиславичу) по той же высокомонаршой грамотѣ, жалованной дядѣ моему тайному совѣтнику и кавалеру Саввѣ Владиславичу, грамотѣ, въ коей упомянуто въ пожалованіи обще зъ селомъ Топалю.

Въ той деревнѣ дворъ приѣзжей и для жилия прикащиковъ деревяной, старой, къ жилию еще годной.

Въ ономъ дворѣ служители, съ найму жительствующіе:

1. Евфимъ Рачихинъ зять, лѣтъ 56, здоровъ. Природной подданной, зъ села Топали. Жена его Ефросинія, лѣтъ 32, здорова,

¹²⁹) О судьбѣ Румянцевской Описи—см. предисловіе къ настоящей книгѣ. *Примѣч. издат.*

Дѣти ихъ: Яковъ—12 л., Ипатій—2 л., Горпина—9 л.; здоровы. Въ годъ получаетъ зъ женою денегъ 6 рублей и 50 к.; на харчахъ и одежи моей.

2. Михей Палчепокъ—18 л., Онофрей Палчепокъ—15 л.; здоровы. Природніе тоей же деревни, с поданнихъ. Въ годъ получаютъ 3 р., на одежи и харчахъ моихъ.

3. Евсей Кулешенокъ—25 л., здоровъ; зашедшой зъ слободки Займища, въ прошломъ году. Получаетъ въ годъ 3 рубли и 50 коп., на одежи и харчахъ моихъ.

4. Аникей Плотникъ—50 л., здоровъ; зашедшой зъ села Замишева, съ посполитского званія, лѣтъ тому 30. Получаетъ въ годъ—8 р.; на одежи и харчахъ моихъ,

5. Вдова Марья—40 л., здорова; природная съ поданнихъ села Топали; получаетъ въ годъ—3 р.; на одежи и харчахъ моихъ.

А принадлежностей къ тому дому: поля пахатного не размѣранныго и не положеннаго въ здешніе названія, т. е. въ четверти и другіе примеры, во всехъ трехъ сменахъ, засѣвомъ ржи на 25 четвертей. А въ одной смѣнѣ погодно сѣется ржи 8 четвертей. Также и яриной пашнѣ на той же землѣ погодно, сѣется овса—четвертей 6, гречки—четвертей 5.

На огородахъ засѣвается конопель полтори четверти. Мелница, на показанной криници устроенная, на едень камень, въ которой одинъ только господской хлѣбъ для винокурнѣ мелется, и оная по малой части млива и задерживаемой для одной толко своей надобности водѣ всегда можетъ молоть.

Винокурнѣ, устроеніе на 36 котловъ; но, по неврожаю и недостатку чрезъ прошедшіе года хлѣба, курится въ одной викурнѣ только, на 16 котловъ, изъ собственного своего домашнего хлѣба, посылаемого зъ топальского дому и зъ другихъ владѣнія моего здѣшнихъ мѣсть. Вина вициживается по вышеписанному въ нынѣшніе года, въ годъ куфѣ до 80, а ведрѣ до 2600.

Деревъ бортныхъ съ пчелмы—40, да безъ пчель—200.

Футоръ, называемый Дрегалевской, отъ дому онуковскаго разстояніемъ въ одну версту. Въ ономъ, на речки, текущей отъ вышеписанной при Внуковичахъ имевшойся криници, называемой Королѣ, мелница на два камня, которая толко мелеть осенью и весною, когда бываетъ достаточно воды; въ лѣтнее жъ время, за малою водою, а въ зимное, за вилигими морозами, молоть не можетъ и остается безъ млива; и ступникъ едень.

Строенія въ томъ футорѣ: къ фабрики моей для бѣленія пряжи устроенная миларня—1; для сушенія пряжи изби три, анбарчиковъ два; избѣ, въ которыхъ живутъ для таковой работы фабриканты, каковы получаютъ за плату противу работы своей, по положенной цѣнѣ, по мѣсячно, числомъ семь; мелницкихъ избѣ—двѣ.

А по именамъ тамъ живущіе фабриканты и мелники, именно: фабриканты—

1. Степанъ Гутникъ—40 л., здоровъ; природный съ подданныхъ села Топали. Жена его Евдокія—40 л., здорова. Дѣти ихъ: Парфень—18 л., Дмитрій—15 л., Аванасъ—11 л., Ирина—6 л., Парасковія—3 г.,—здоровы.

2. Ермола Селедецъ, вдовъ,—50 л., здоровъ. Природной съ подданныхъ села Топали. Дѣти его: Ѳедоръ—18 л., Евфросинія—14 л., Акилина—7 л., Марина—2 л., Ѳедосова жена—Устинія—15 л. Здоровы.

3. Василь Пастухъ,—50 л., здоровъ. Природной съ подданныхъ топальскихъ. Жена его Евфросинія—45 л., здорова. Дѣти ихъ: Василь—17 л., Уліяна—18 л., Матрона—17 л., Пелагія—5 л. Здоровы.

4. Семень Довгоушовъ, 35 л., здоровъ. Природной съ подданныхъ села Топали. Жена его Наталія—20 л.; сестра его—Устинія—13 л. Здоровы.

5. Николай Карповъ—60 л., старъ и нездоровъ. Природной съ подданныхъ села Топали. Ж. его—Анна—55 л., здоровемъ слаба. Дѣти ихъ: Максимъ—18 л., Созонъ—16 л., здоровы.

6. Нестеръ Горохъ—50 л., нездоровъ и на лѣвый глазъ слѣпъ. Природной съ подданныхъ села Топали. Ж. его—Анна, 40 л., здорова. Дѣти ихъ: Романъ—20 л., Проконъ—3 г., Ефросинія—15 л., Романова жена—Матрона—20 л., здоровы.

7. Илья Козакъ,—55 л., искалѣченъ внутренюю болѣзнію; съ подданныхъ топальскихъ. Ж. его—Меланія,—35 л., здорова. Дѣти ихъ: Иванъ—20 л., Давидъ—17 л., Лаврень—9 л., здоровы.

8. Семень Селедецъ—30 л., здоровъ; съ подданныхъ с. Топали. Ж. его Устинія,—25 л., здорова. Дѣти: Тетьяна—5 л., Анна—2 г., здоровы.

9. Яковъ Громика, вдовъ,—50 л., здоровъ; природной ввуков-свой. Дѣти: Козма—20 л., Мартинъ—6 л., Варвара—17 л., здоровы.

10. Якимъ Степановъ—55 л., нездоровъ. Ж. его—Одаря, 50 л., здорова. Съ подданныхъ топальскихъ.

11. Семень Станченко—60 л., старь и нездоровь; съ поданныхъ с. Топали. Ж. его Ксенія—50 л., глазами слѣпа. Дѣти: Екимъ—16 л., Марья—5 л., здоровы.

12. Антоновъ ~~Базилевъ~~—56 л., здоровь. Зашедший зъ рудни Миклашевского, лѣтъ тому болѣе 30. Ж. его ~~Татiana~~—45 л., здорова. Дѣти: Герасимъ—20 л., дѣвка осиротѣлая Марина—14 л., здоровы.

13. Мельникъ Матвей Жигалской—60 л., старь и нездоровь; зашедшой зъ рудни Жигаловки, лѣтъ тому болѣе 20. Ж. его Едокія—60 л., глазами слѣпа. Дѣти ихъ: Алексѣй—20 л., Мартинъ—18 л., Марья—25 л., здоровы. Скота имѣеть: лошадь—1. коровъ—2, бычокъ—1, свинья—1; на консистенты взимается съ него съ рублевого аkladу—50 к.

Лѣсу при той деревнѣ Внуковичахъ окружностью, въ котормъ дерева небольшая часть соснового и хвоевого, на строеніе годного, а болше все—березовое и мелкое хвоевое дерево, къ употребленію на дрова, именно: зачавъ отъ слободки Крутобережки отъ конца, отъ Замышевскаго поля, пошла граница—Истобицкимъ логомъ, около Людковщины, подъемъ болотомъ, въ урочище Деревцы: а зъ Деревецъ у мохъ деревицкій; оттоль—у Лебедкине озеро: оттоль въ Великую-Гриву; оттоль—Кубицами въ столбъ; оттоль коло села Журавокъ, въ рѣку Ипуть; отъ Ипути у Рубежниці рѣчку; оттоль лѣсомъ въ березовое болото; зъ березового въ малиновое болото. Зъ малинового—мохомъ, подъ Имхи; оттоль у Мостки, граница зъ деревнею Халевцами; отъ Мостковъ—въ Глинище, въ Дороговичъ; зъ Дороговича въ Королевку рѣчку; а рѣчкою—поузъ Синій-Колодезь; отъ Синего-Колодезя рѣчкою у Ратовъ; зъ Ратова въ конецъ слободы моей же Крутобережки, до Замишевскаго поля. отколь початокъ написанъ. Въ окружность смѣтою верстовъ до тридцяти. Но въ томъ числѣ, въ серединѣ того лѣса, вишенписанное на домъ внуковскій принадлежащее поле (*необозначено*) четвертей, а нижеписанное деревнѣ Внуковичъ и другой деревнѣ Крутобережки поле съ пустовскимъ на №№ четвертей; сѣнокосу лѣсоваго и болотного въ серединѣ того же лѣса, господского и подданническаго на №№ возовъ; въ томъ числѣ именно господского сѣнокосу лѣсоваго, въ урочищи Ратовъ на 50 возовъ; да болотного въ урочищахъ Мартяновомъ болотѣ и на другомъ болотѣ, называемомъ

Журавкахъ, на 300 возъ; и съ оною много за бываемою великою водою и безъ кошенія остается.

Въ той деревнѣ Внуковичахъ подданныхъ моихъ: дворовъ—19, да бездворныхъ избъ—4. Въ нихъ людей: мужеска полу, отъ отъ 1 до 15 л.,—32 д.; отъ 15 до 60 л.,—50 д. Престарѣлыхъ и увѣчныхъ, къ работѣ вовсе неспособныхъ—4. Женска полу: отъ 1 до 15 л.,—33; отъ 15 до 60 л.,—35; престарѣлыхъ и увѣчныхъ, къ работѣ вовсе неспособныхъ—7. (Всего—161 д.). Ихъ земель: пахатной, размѣрной, по здѣшнему названію, всего четвертокъ три и полчетверушки; посѣвомъ оныя во всѣхъ трехъ смѣнахъ, ржи—на $37\frac{1}{2}$ четверти, изъ котораго въ прошлую осень на нынѣшней 1767 г. посѣяно— $12\frac{1}{2}$ четверть. На огородахъ, въ содержаніи подданныхъ той же деревни имѣющихся, засѣву погодно конопель на 15 четверичковъ.

Сѣнокосу болотного, травъ худыхъ, тожъ подданные во владѣніи имѣютъ всего возовъ на 225. Скота у нихъ: лошадей—39; рогатого—50; овецъ—50; козъ—2; свиней—17.

Оныя подданные платятъ по нынѣшнему рублевому окладу въ полковой стародубской комиссаріатъ 19 р. и 95 к., а расположеніе дѣлается отъ дому топальскаго, по числу имѣвагося въ нихъ грунта и имущества.

Подворная опись подданныхъ д. Внужовичъ.

Дворы	ДОМОХОЗЯЕВА.	Семейства.			Теплыя постройки.		Холодныя постр.		Души.		Земли.				Скотъ.			На констентахъ.	
		Мужчинъ.	Женщинъ.	Конюшняки по-связу на четверки	Пахатной (четверухи).	Сѣнокосной (возы).	Лѣсной.	Рогатого.	Лошадей.	Мелкаго.	Р.	Ф.	На констентахъ.	Р.	Ф.				
																Мужчинъ.	Женщинъ.	Пахатной (четверухи).	Сѣнокосной (возы).
1	Гончаренокъ Федоръ	1	1	3	2	2	1	0	13	0	2	1	3	—	50				
2	Барботка Андрей Соловецъ Федоръ	2	1	2	4	2	2	1	15	0	2	2	0	1	30				
0	Турчинъ Максимъ	1	1	0	4	1	2	1	15	0	3	1	4	1	30				
0	Городискій Василь	1	1	1	2	2	0	0	0	0	0	0	0	—	10				
5	Цуковъ Иванъ	3	1	2	4	3	0	0	0	0	0	0	0	—	10				
6	Мокбевъ Антоаъ	2	1	1	2	2	0	0	5	0	2	1	2	—	50				
7	Ивашковъ Филиппъ	1	1	4	3	2	1	15	0	1	1	7	1	1	30				
8	Сосиковъ Якимъ	2	1	7	8	2	2	1	15	0	6	3	6	1	30				
9	Петраченко Лаврѣнъ	1	1	4	3	4	2	1	15	0	0	0	0	1	30				
10	Тереховъ Иванъ	3	2	9	5	9	3	2	19	0	8	7	12	1	95				
11	Шереметчица Марина	3	1	5	8	2	2	1	15	0	5	2	5	1	30				
12	Горовенокъ Емельянъ	1	1	1	1	1	0	0	6	0	3	2	—	—	50				
13	Серенокъ Андрей Швидчонокъ Прохоръ	2	1	3	2	3	2	1	15	0	1	3	1	1	30				
14	Новикъ Якимъ	1	1	2	3	2	0	0	4	0	1	0	0	—	50				
15	Марья	3	1	6	6	5	2	1	15	0	3	6	6	1	30				
16	Гончаренокъ Терентій	4	1	5	5	10	1	0	6	0	6	4	10	—	50				
17	Бондаръ Михай	2	1	3	3	5	2	1	15	0	2	1	0	1	30				
18	Терентій	3	1	1	8	4	2	1	15	0	5	3	8	1	30				
19	Бондаръ Михай	2	1	5	3	2	2	1	15	0	3	1	5	1	30				
20	Маланенокъ Иванъ	1	1	0	1	3	0	0	0	0	0	0	0	—	50				
21	Борщъ Романъ	1	1	2	4	3	0	0	4	0	0	0	0	—	50				
0	Грамяка Степанъ	2	1	0	3	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
0	Гончаръ Петръ	1	1	0	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
17	23	43	24	66	86	74	27	13	222	0	51	38	69	19	95				

Примѣчанія: 1. Въ подлинникѣ подворная опись составлена болѣе подробно, напр. дворъ Михѣя Бондаря описанъ такъ: дворъ, въ немъ строения: изба 1, клетъ 1, сарай 1, гумно съ овиномъ. Въ ономъ живетъ Михѣй Бондаръ, въдовъ, 38 л., здоровъ; зашедшій въ села Людковщины, послѣдскаго званія, хѣтъ 10 (тому назадъ). Сынъ его: Иванъ, 26 л., ж. его Параскевія, л. 20; дѣти ихъ: Никифоръ 5 л., Улита— $\frac{1}{2}$ г., здоровы. У него земли пахатной, по здѣшнему названію—четверуха; посѣвомъ во всѣхъ трехъ сѣвнѣхъ ржи на 3 четверти, изъ котораго въ прошлую осень, на нынѣшній годъ, въ одной сѣвнѣ-посѣяно одну четверть. Огородъ имѣеть одинъ, на которомъ посѣваетъ конопель 2 четверика. Сѣна бодотного накашиваетъ возовъ на 15. Скота у него: лошадей 1, корова 1, быкъ 1, подтелокъ 1, овецъ 5. На консистенцію даетъ въ годъ рублеваго оклада денегъ 1 р. 30 коп

2. Бани и клѣти причислены мною къ холоднымъ постройкамъ.

3. Мѣра земли можетъ быть уяснена посѣвомъ.

4. Нулями въ подворной описи обозначены бездворныя хаты.

**2. Видомость объ имущественномъ состояніи посполитыхъ
крестьянъ села Тупичева.**

№ двора по пор.	ПОСПОЛИТЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.			Число людей.		Земли.			Скотъ.			Постоянная повинность.		Консистенція съ 1764 г.	
	Семьи	Хаты	Холодныхъ постр.	м.	ж.	Пахатъ	Сынокось.	Лѣсъ.	Рогатыя.	Лошадн	Мелкія.	прежн.			
												Поршн.	Ращн.		
1	Гузватый Игнатъ	2	1	5	6	6	5	—	—	2	1	—	1	2/4	Квартальная деньги, т. е. съ каждаго двора по 1 р. 2 к.
2	Чулъ Иванъ	1	1	2	5	1	6	—	—	—	—	—	1	2/4	
3	Овищенко Михайло	1	1	2	2	2	—	—	—	2	1	—	24	к.	
4	Грибъ Григорій	3	1	3	6	7	1 1/2	—	—	4	1	4	2/4	1/4	
5	Севдецкий Осипъ	1	1	3	2	3	6	—	—	2	1	3	1	2/4	
6	Тузь Федоръ	2	1	3	4	7	10	—	—	—	—	—	2/4	1/4	
7	Самоновъ Власть	3	2	9	9	6	6	10	—	3	1	6	1	2/4	
8	Клименко Федоръ	3	1	5	4	8	6	—	—	2	1	2	2/4	1/4	
9	Котиха Марья	2	1	3	2	3	4	—	—	1	1	2	1	2/4	
10	Филиповъ Аникій	2	2	5	3	5	7	20	—	1	1	5	1	2/4	
1	Корноухъ Игнатъ	2	2	4	4	6	7	—	—	1	1	2	1	2/4	
12	Шкалендѣй Трофимъ	4	2	5	7	9	7	—	—	4	3	7	2	1	
13	Хоботниха Марья	3	2	6	6	4	15	40	—	7	3	5	2	1	
14	Мурашка Федоръ	1	1	2	5	3	4	—	—	3	—	3	2/4	1/4	
15	Акуленко Герасимъ	3	2	5	9	8	15	10	—	3	1	6	2	1	
16	Невниха Матрена	1	1	2	1	2	3	—	—	1	—	—	36	к.	
17	Запорожець Иванъ	2	2	5	6	7	15	12	—	6	1	10	2	1	
18	Лепеха Леонтій	2	2	5	3	3	6	—	—	6	1	12	2/4	1/4	
19	Чмѣль Семеновъ	2	2	4	5	3	—	—	—	3	1	—	24	к.	
20	Тузь Леонтій	2	2	5	8	3	16 1/2	15	—	8	2	7	1	2/4	
21	Лопманъ Иванъ	2	1	—	3	4	—	—	—	—	—	—	24	к.	
22	Ахремовъ Андрей	1	1	2	3	2	1 1/2	—	—	1	1	—	30	к.	
23	Хоботня Терешко	1	1	2	4	2	—	—	—	3	1	—	24	к.	
24	Махометь Никита	2	1	2	4	3	1 1/2	—	—	1	1	—	24	к.	
25	Палѣввій Тямоефій	1	1	5	1	1	3	—	—	2	1	2	2/4	1/4	
26	Вишниха Евдокія	2	1	3	3	4	6	10	—	3	—	—	2/4	1/4	
27	Дяченко Аванасій	1	1	2	1	4	3	—	—	—	—	—	2/4	1/4	
28	Дяченко Федоръ	2	1	1	2	4	—	—	—	—	—	—	24	к.	
29	Малюкъ Яковъ	2	2	4	7	5	—	—	—	1	1	6	24	к.	
30	Заецъ Якимъ	2	2	5	10	5	9	10	—	3	1	4	1	2/4	
31	Заецъ Маркъ	1	1	3	3	3	9	—	—	—	—	—	2/4	1/4	
32	Туръ Андрей	2	2	4	2	4	—	—	—	—	—	—	24	к.	
33	Перепеличиха Марья	1	1	—	—	2	3	—	—	—	—	—	2/4	1/4	
34	Сластюнъ Иванъ	1	1	—	2	2	3	—	—	2	—	3	2/4	1/4	
35	Зацукъ Герасимъ	3	2	5	3	8	9	—	—	2	1	7	2/4	1/4	
36	Люблинскій Василь	2	1	5	7	9	16	10	—	7	1	6	1 1/4	2/4	

№ двора по пор.	ПОСПОЛИТЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.		Семья.	Хаты.	Холодные постр.	Число людей.		Земли.			Скотъ.			Постоянная повинность.			
						м	ж	Пахать.	Сѣнокосъ.	Лѣсъ.	Рогатый.	Лошад.	Мелкій.	прежн.		Консистенція съ 1764 г.	
														Порція.	Раціи.		
37	Красотка Сергій . . .	3	1	5	4	3	12	—	—	1	1	2	1	3/4			
38	Дубиниха Агафья . . .	2	1	5	4	2	6	10	—	5	2	8	2/4	1/4			
39	Зубъ Осипъ	2	1	4	5	4	7	—	—	7	1	7	2/4	1/4			
40	Хурсъ Тимофей	1	1	3	2	6	3	—	—	3	1	5	2/4	1/4			
41	Коваль Василь	2	1	2	5	3	5	10	—	3	1	—	2/4	1/4			
42	Дубиниха Анна	2	1	2	2	1	16	10	—	4	1	4	2/4	1/4			
43	Ящевко Козьма	2	1	5	6	4	12	8	—	3	1	5	2/4	1/4			
44	Бондаренко Козьма	2	1	6	4	4	5	10	—	4	1	2	2/4	1/4			
45	Кривда Леонтій	2	1	3	5	5	—	—	—	—	1	—	24 к.				
46	Олисеенко Миронъ	3	2	4	6	3	6	—	—	2	4	4	2/4	1/4			
47	Гриценко Кирило	2	1	5	3	2	—	—	—	3	1	4	24 к.				
48	Рогачиха Марина	2	1	2	3	4	—	—	—	1	1	3	24 к.				
49	Сорва Дмитрій	1	1	2	4	2	—	—	—	4	1	1	24 к.				
50	Овчаръ Ивавъ	4	2	10	9	8	20	15	—	10	1	7	2	1			
51	Ютченко Яковъ	2	1	4	3	5	11	10	—	3	1	2	1	1/2			
52	Гончаръ Григорій	2	1	2	5	4	4 1/2	10	—	3	1	2	2/4	1/4			
53	Шапшаха Пелагея	3	2	8	5	5	4 1/2	—	—	3	1	2	2/4	1/4			
54	Сластювъ Якимъ	1	1	5	4	3	4 1/2	10	—	2	1	—	2/4	1/4			
55	Онищенко Антовъ	5	3	16	10	14	30	20	—	14	4	7	3	1 1/2			
56	Тумашъ Остапъ	4	2	3	11	7	9	—	—	3	1	3	1	2/4			
57	Иванченко Остапъ	3	3	9	10	6	5	10	—	4	2	8	1	2/4			
58	Ткаченко Тихонъ	4	1	2	6	7	1 1/2	—	—	3	1	8	2/4	1/4			
59	Кіавъ Ісай	1	1	3	4	2	2	—	—	2	1	2	2/4	1/4			
60	Шульга Андрей	1	1	2	3	2	7	—	—	3	1	3	2/4	1/4			
61	Кіавъ Трофимъ	2	1	2	6	4	8	—	—	—	1	1	2/4	1/4			
61	дворъ.	126	83	240	281	268	383	260	—	174	62	192	41	20 1/2			
					549								и еще 3 р 54к				62 р. 22 к.

Примѣчанія: а) Пахатная земля показана по посѣву четвертей; б) сѣнокосъ показанъ въ возвахъ сѣна; в) постоянная повинность до 1764 г. показана въ *раціяхъ* и *порціяхъ*, которыя выдавались частью натурою, а частью деньгами. Въ 1733 г каждая порція по переводѣ на деньги, равнялась 41 к., а рація 95 к; слѣдовательно, постоянная повинность посполитымъ крестьянамъ с. Тупичева до 1764 г. стоила около 27 р. 77 к. Въ 1765 г. Румянцевъ сдѣлалъ распоряженіе о замѣнѣ рацій и порцій денежнымъ сборомъ, съ каждого двора—по 1 р. 2 к., которыя собирались по четвертямъ года и потому назывались *квартальными*.

**3. Вѣдомость объ имущественномъ состояніи козаковъ и
крестьянъ села Красиловки.**

Дворы.	К О З А К И.			Число семей.			Земли.			Скотъ			
	Число семей.	Число хатъ.	Число холодныхъ постр.	Число людей.		Пахатъ.	Сѣнокосъ.	Лѣсъ.	Рогатый.	Лошадь.	Мелкій.		
				м.	ж.								
1	Николаенко Дмитр.	2	2	8	4	4	29	—	—	8	2	6	
2	Николаенко Осипъ.	1/1	1	6	4	3	50	20	—	10	3	4	
3	Николаенко Романъ.	1/3	3	5	5	8	60	22	—	6	3	8	
4	Гузъ Никита . . .	3/2	2	3	3	5	6	24	—	4	—	2	
5	Демченко Василь . .	1	1	4	2	1	6	—	—	3	1	—	
6	Кириченко Андрей.	4	2	6	6	10	18	—	—	11	5	—	
7	Поповичъ Ефимъ . .	3/2	3	9	10	10	37	—	—	9	4	10	Пастка изъ 7-ми ульевъ.
8	Горбанъ Акимъ . . .	1	1	4	4	3	20	—	100	—	—	—	
9	Горбаненко Матв. . .	2	1	2	2	4	15	—	130	2	—	—	
10	Обелець Кирило . . .	3	2	7	10	6	26	7	100	7	3	—	
11	Роговецъ Андрей . .	4	4	—	7	12	21	15	—	3	2	—	
12	Игнатеико Троф. . .	1	1	2	2	5	23	7	—	6	1	2	
13	Роговецъ Петръ . . .	3	1	2	5	8	7 1/2	2	—	3	1	—	
14	Байло Ефимъ	2	1	2	3	3	15	—	—	5	1	2	4 улья.
15	Носалиевскій Яковъ	2	2	5	8	4	17	10	—	8	2	—	
16	Миля Филиппъ . . .	3	1	1	3	4	—	—	—	1	—	—	
17	Гелета Мойсей . . .	1	1	2	2	1	5	—	—	2	1	—	
18	Бычикъ Демьянъ . .	1	1	3	3	7	13	5	—	3	1	—	
19	Боженко Яковъ . . .	1	1	3	1	4	2	—	—	1	—	—	
20	Игнатеико Прокопъ .	3	1	6	3	4	30	—	400	17	3	—	
21	Локоть Сидоръ . . .	5	4	2	12	12	4 1/2	—	—	12	4	—	
22	Учкуренко Иванъ . .	2	1	1	8	3	6	—	—	—	1	—	
23	Демченко Андрей . .	2	2	4	5	4	6	—	—	5	1	—	
24	Демченко Федоръ . .	3	2	6	10	9	34	—	2	7	3	2	
25	Демченко Романъ . .	1	1	2	5	1	11	—	—	3	—	—	
26	Демченко Алексѣй . .	1	1	3	1	5	10	3	—	3	2	—	
27	Демченчиха Анна . .	1	1	3	1	2	10	—	—	2	—	—	
28	Бѣличъ Иванъ	2	1	—	1	5	3	—	—	—	—	—	
29	Бѣличъ Павелъ . . .	1	1	5	4	2	19	5	—	6	2	—	
30	Тищенко Василь . . .	4	2	4	5	7	60	—	—	12	4	4	2 мельницы вътряныхъ.
31	Тищенко Герасимъ . .	2	1	4	5	4	36	8	—	10	2	3	
32	Ткаченко Иванъ . . .	2	1	1	5	3	2 1/2	1	—	—	—	—	
33	Тихоходенко Макс.	2	1	—	5	3	5	—	—	1	1	—	
34	Дорошенко Петръ . .	1	1	—	2	1	6	—	100	3	—	—	
35	Тищенко Иванъ . . .	1	1	3	3	2	10	—	—	3	1	1	
36	Матвѣенко Давило . .	2	1	2	7	2	17	—	—	6	1	3	45 ульевъ.
37	Матвѣенко Кирило . .	2/2	3	10	7	9	31	4	—	9	2	—	5 ульевъ.
38	Калениченко Савва . .	1	1	3	2	5	12	—	—	2	—	—	
39	Руденко Николай . .	1	1	2	2	1	18	—	—	6	—	—	
40	Калениченко Григ. . .	1	1	2	1	5	7	—	—	2	—	—	
41	Калениченко Март. . .	1	1	1	2	4	7	—	—	4	—	—	
42	Забавенко Корѣй . .	1	1	—	1	2	—	—	—	5	—	—	
42		82	62	138	187	198	733	109	832	208	57	47	
		8				385							

Примѣчанія: 1) Въ графахъ о числѣ семей, цифры въ видѣ дробей обозначаютъ верхнія—семьи домохозяевъ, а нижнія—семьи ихъ подсосѣдковъ. 2) Пахатная земля показана днями (3 упруга); кроме того мѣра земли показана еще и посѣвомъ, напр. на 8 дней—1 четверть ржи, на 36 дней—ржи 2 четверти и овса четверть, на 11 дней—ржи полчетверти и т. д. Изъ этого видно, что посѣвъ обозначенъ не вѣрно, почему мы и не приводили цифръ его. 3) Сѣнокосъ обозначенъ косарями, а иногда возами, полагая послѣднихъ вдвое болѣе противъ косарей. 4) Лѣсъ показанъ количествомъ саженей въ окружности. 5) У нѣкоторыхъ домохозяевъ не показано холодныхъ построекъ, между тѣмъ скотъ у нихъ есть; быть можетъ незначительныя холодныя строения не обозначались.

Дворы.	ПОСНОЛТЫЕ КРЕСТЬЯНЕ	Число семей.			Число холодных построек.		Число людей.			Земли.			Скота.			Консистенция.	
		2	3	3	5	4	Пахать.	Съенокость.	Льсь	Рогатый.	Лошад	Мелкій.	Рогатый.	Лошад	Мелкій.		
																	м.
1	Владѣнія умершаго бунчуковаго товарища <i>Страшнина, дворъ</i> . Въ немъ живутъ крестьяне: Скорикъ Николай (приказчикъ) Тупый Дмитрій (работникъ) <i>Подсосѣдки:</i> Черненко Михайло Осипенко Андрей Гуренко Осипъ Загородный Ивань Загородный Романъ Коваленко Яковъ	2	3	3	5	4	60	—	—	—	—	—	—	—	—	По 1 р. 2 к. съ двора.	
		—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—			
		2	1	3	5	4	—	—	—	4	1	—	—	—			
		2	1	6	5	3	12	20	—	6	2	—	—	—			
		1	1	1	4	1	3	—	—	—	—	—	—	—			
		2	1	3	4	4	4	5	—	—	—	—	—	—			
		1	1	2	4	4	—	5	—	—	—	—	—	—			
		1	—	—	1	3	12	6	—	6	1	—	—	—			
1	Владѣнія абшитованнаго полковаго асаула <i>Клеуса дворъ</i> Въ немъ живутъ: <i>Подсосѣдки:</i> Жуддай Лукьянъ Шолудченко Василь Кудлай Петръ Петриленко Яковъ <i>Крестьяне:</i>	1	8	18	28	23	91	36	—	19	4	—	—	—	—		По 1 р. 2 к. 51 в. 51 к.
1		—	2	2	—	—	120	20	—	24	6	2	—	—	16 р. 12 к.		
		1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 р. 2 к.		
		1	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	51 в.		
		1	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	51 к.		
		1	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
2	Лобода Филипъ	1	1	3	3	1	—	7	—	7	2	2	—	—	2 р. 4 к.		
3	Клименко Андрей	1	1	1	3	4	—	—	—	1	1	1	—	—	1 р. 2 к.		
3	Владѣнія абшитованнаго черниговскаго войта <i>Каневскаго, дворъ</i> Въ немъ живутъ: Савицкій Иванъ приказчикъ <i>Подсосѣдки:</i> Матюшенко Александръ Верещакъ Маркъ Бѣлоусенко Грегорій	6	4	6	14	8	124	27	—	32	9	5	—	—	—	По 1 р. 2 к. 15 р. 10 к.	
1		—	5	4	—	—	150	—	1000	16	2	3	—	—	15 р. 10 к.		
		1	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
		1	—	—	2	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—		
		1	—	—	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
		1	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
		1	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
2	Гапотченко Филипъ	2	1	3	4	3	3	—	—	5	—	2	—	—	—		

Дворы.	ПОСПОЛИТЫЕ КРЕСТЬЯНЕ						Земли.			Скота.			Консистенция.	
	Число семей.	Число хатъ.	Число холодных построекъ.	Число людей.		Пахатъ.	Сѣнокосъ.	Лѣсъ.	Рогатый.	Лошадь.	Мелкій.			
				м.	ж.									
<i>Подсосѣдки:</i>														
2	Таленко Григорій . . .	2	1	2	3	3	5	—	—	5	2	2	По 1 р. 2 к. съ двора.	
3	Садовой Емельянъ . . .	2	1	2	2	1	1	—	—	4	1	—		
4	Копыль Василь	2	1	3	3	2	11	—	—	1	2	1		
5	Тарасенко Карпъ	1	1	4	4	5	13	—	—	6	2	2		
6	Тарасенко Осипъ	1	1	4	5	3	23	—	—	8	—	8		
7	Мовчанъ Алексѣй	2	1	5	3	5	4	—	—	9	2	9		
8	Уласенко Иванъ	1	1	4	2	3	15	—	—	4	1	4		
9	Тищенко Ефимъ	2	1	3	4	6	5	—	—	8	2	3		
10	Роговченко Никита	2	1	6	4	4	1	—	—	2	2	2		
11	Роговченко Антоновъ	1	1	5	2	3	1	—	—	2	2	2		
12	Нестеренко Романъ	1	1	4	1	4	10	—	—	8	3	—		
13	Нестеренко Семеновъ	1	1	1	2	2	3	—	—	2	2	—		
14	Мовчанъ Лукьянъ	1	1	3	1	1	—	—	—	5	1	—		
15	Сиченко Семеновъ	1	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—		
15	Матвѣенко Мартынъ	1	1	1	2	2	—	—	—	2	—	—		
15	Владѣніе глуховскаго коменданта <i>Делатура.</i>	23	17	49	46	50	301	100	—	102	21	38	14 р. 28 к.	
<i>Подсосѣдки:</i>														
1	Животокъ Павелъ	1	1	4	5	2	—	—	—	—	—	—		1 р. 2 к.
	Правило Тарасъ	2	1	—	4	6	20	9	—	18	6	2		2 р. 44 к.
	Байло Михайло	1	1	2	2	2	—	—	—	—	—	—		1 р. 2 к.
	Байло Василій	3	1	2	5	7	1	—	—	2	1	1		2 р. 44 к.
<i>Крестьяне:</i>														
2	Байло Андрей	3	1	4	3	6	19	—	—	8	2	3		2 р. 50 к.
3	Лобко Иванъ	1	1	4	4	1	8	5	—	3	2	2		2 р. 44 к.
3	Владѣніа генеральнаго судьи <i>Дублянскаго.</i>	11	6	16	23	24	48	14	—	31	11	8		р. 11 р. 86 к.
<i>Крестьяне:</i>														
1	Срѣбный Илья	3	2	5	8	7	33	7	—	8	2	5	2 р. 4 к.	
2	Бакало Михайло	1	1	2	4	1	6	—	—	3	1	8		
	Бакаленко Алексѣй	2	1	1	4	4	1	—	—	—	—	—		
3	Байло Демьянъ	1	1	3	2	7	12	7	—	6	3	1		
4	Бакало Семеновъ	2	2	1	4	5	23	10	—	9	2	3		
	Бакало Климъ	1	1	4	2	3	20	7	—	7	2	7		
5	Харенко Григорій	2	2	5	1	3	20	10	—	10	4	11		
6	Лопата Семеновъ	3	1	8	5	4	15	6	—	6	1	2		
7	Корпанъ Василь	1	1	1	5	2	3	20	—	2	1	1		
	Корпанъ Степанъ	1	1	2	3	1	—	—	—	—	—	—		
8	Безносенко Аванасій	3	1	3	8	7	15	15	—	2	2	3	По 1 р. 2 к. съ двора.	
8		20	14	35	46	44	148	82	—	53	18	41	9 р. 18 к.	
					90									

4. Опись владѣнія сотеннаго хорунжаго Прійми, въ селѣ Гайворонѣ.

Дворъ хоружаго сотеннаго красноколядинскаго Антона Прійми, въ немъ строенія: свѣтлица с комнатою и чрезъ сѣни—пекарня, под одною кришкою; клетей 2; хижъ 2; сараевъ 3; лѣохъ 1; клуня; сажъ 1.

Работники, нанятыя поюдно: 1) Иванъ Коваленко 17 л., бившего здешнего козака Данила Коваленка синь, работаетъ в годъ за 2 р. сверхъ пищи и платя. 2) Девка, ево Ивана Коваленка сестра родная, Меланія 12 л., взята имъ, Пріймою, на воспитаніе. 3) Вдова Акилина 35 л., бившего здешнего посполитаго Трофима Донченъа жена, работаетъ в годъ за 2 р., сверхъ пищи и платя; мужъ же ее 751 г., оставя ее, спель безвесно. У нея дѣтей 2, незаконнорожденніе.

Въ ономъ ево, Прійми, жиломъ дворѣ подсуѣдческихъ хать 7. Въ 1-й живутъ: а) *Иванъ Темный*, 45 л., уроженецъ полку нѣжинскаго, села Городища, с посполитаго владѣнія бившего гетмана Разумовскаго; в семь дворѣ живетъ съ 1766 г. Ево жена Аліона 40 л. У нихъ дѣтей 3. Земли пахатной и другихъ угодій—нетъ. Скота: кобила, корова, теленокъ, свиней 2. Промислу и ремесла не имѣеть. В консистенцію дачъ в годъ платитъ 60 к. Питается з заработку; зажинаеть и замолочиваетъ. б) *Мойсей Зубенко*, 38 л., природной здешной козакой подсуѣдокъ; в семь дворѣ живетъ съ 1752 г. Ево жена Агафія 36 л.; у нихъ сынъ. Земли пахатной и другихъ угодій, тожь скота, промыслу и ремесла не имѣеть. В консистенцію дачъ в годъ платитъ 32 к. Питается зарабатываннемъ. Во 2-й: *Стпанъ Темный*, 45 л., уроженецъ полку нѣжинскаго, с. Городища, владенія бившого гетмана Разумовскаго; в семь дворѣ живетъ съ 1766 г. Ево жена Оедосья 38 л. У нихъ дѣтей 3. Земли пахатной и другихъ угодій, тожь скота и промыслу не имѣеть. В консистенцію дачъ в годъ платитъ 44 к. Питается отъ заработку, зажинаеть и замолочиваетъ. Въ 3-й: *Павло Гамонка*, 25 л., уроженецъ полку нѣжинскаго, села Городища, с посполитихъ бившого гетмана Разумовскаго. В семь дворѣ живетъ съ 1765 г. Ево жена Марія 20 л. У нихъ дѣтей 2. Ево, Павла, мать родная вдова Авдотья 65 л., дряхла, бившого предписаннаго села Городища и владенія посполитаго Демяна Голюнки жена. Земли пахатной и другихъ угодій нетъ. Скота: кобила, телица, свиня. Промыслу и

ремесла не имѣть. В консистенцію дачь в годъ платитъ 24 к. Питается зарабатываніемъ. Въ 4-й: а) *Семень Головченко* 38 л., уроженецъ полку нѣжинского, села Тростянки; таковаго званія отецъ его былъ, оставшись малолѣтнимъ. В семь дворѣ живеть съ 1749 г. Ево жена Аліона 30 л. У нихъ дитя 1. Земли пахатной и другихъ угодій, тожь скота, промыслу и ремесла не имеетъ. В консистенскую дачу в годъ платитъ 24 к. Питается зарабатываніемъ. б) Вдова *Марія* 64 л., дряхла, козачого подсуѣдка Якова Литвиненка жена. В семь дворѣ живеть съ 1762 г. Ея дочь *Марія* 30 л., сего жъ полку, села Голени, жителя Николая Москаленка жена, а какога званія не знаетъ, которой оставивъ ее, споль безвѣсно. У ней сынъ. В 5-й живутъ: а) *Артемъ Кваченко*, 35 л., природной здешной козакъ, котораго удалился, въ семь дворѣ живеть с малолетства. Его жена *Марія*, 25 л. У нихъ дѣтей 4. Земли пахатной и другихъ угодій нетъ. Скота: кобила, корова, телиць 2, овецъ 6, свиней 2. Промыслу и ремесла не имеетъ. В консистенскую дачу в годъ платитъ 24 к. Питается зарабатываніемъ. б) *Инатъ Якубенко*, 35 л., уроженецъ полку слободского, сумского, села Бочокъ, съ посполитихъ; в семь дворѣ живеть съ 1766 году. Ево жена *Христина*, 30 л. У нихъ дочь 1. Земли пахатной и другихъ угодій нѣтъ. Скота: кобила, жеребенокъ, волъ, корова, теліенокъ, свиней 1. Промыслу и ремесла не имѣть. В консистенскую дачу платитъ 16 к. Питается з заработку; зажинаеть и замолочиваеть. Въ 6-й: *Павло Кваченко*, 30 л., природной сего жъ села козакъ, съ малолетства удалился козачества и съ того времени въ семь дворѣ живеть. Его жена *Марина*, 27 л. У нихъ дочерей 2. Земли пахатной и другихъ угодій—нетъ. Скота: кобила, корова, телиця, теленокъ, свиней 4. Промыслу и ремесла не имеетъ. В консистенскую дачу в годъ платитъ 44 к. Питается отъ хлебопашества, пахая землю постороннихъ з десятины. Въ 7-й: *Мартинъ Гумель*, 30 л., природной здешной козачої подсоседокъ; в семь дворѣ живеть съ малолѣтства. Ево жена *Устинья*, 23 л. У нихъ сынъ. Земли пахатной и другихъ угодій—нетъ. Скота: кобила, воловъ 2, корова, бикъ, теленокъ, свиней 4, овецъ 3. Промыслу и ремесла не имѣть. Въ консистенскую дачу нѣчево не платитъ. Питается отъ хлебопашества, пахая постороннихъ землю з десятины.

Задворніе ево жъ хоружого Прийма подсуѣдческіе дворы:

Первый дворъ,—въ немъ хать 4, хижъ 4, хлѣвовъ 5. В немъ живутъ: а) *Лоснтій Черниченко*, 35 л., уроженецъ полку Чернигов-

свого, села Волѣвки, съ посполитихъ; въ семь дворѣ живеть съ 1760 г. Ево жена Меланія, 30 л. У нихъ дѣтей 2. Земли пахатной и другихъ угодій нетъ. Волось 2, корова, бикъ, телица, свиней 2. Промислу и ремесла не имѣеть. Въ консистенскую дачу въ годъ платитъ 64 к. Питается отъ хлѣбопашества, пахая землю постороннихъ з десятины. б) *Герасимъ Мелниченко*, 25 л., природній сего жъ села козакъ, которого удалился съ малолѣтства, в семь дворѣ живеть съ 1764 г. Ево жена Дарья, 26 л. У нихъ дѣтей 3, Земли пахатной и другихъ угодій нѣтъ. Скота: волъ, корова, телица, свиня. Промислу не имѣеть. Въ консистенскую дачу въ годъ платитъ 64 к. Питается отъ хлѣбопашества. в) *Николай Прокопенко*, 22 л., уроженецъ сей же сотни, с. Великого-Самбура; съ посполитихъ. В семь дворѣ живеть съ 1766 г. Ево жена Катерина, 20 л. У нихъ синь. При немъ живеть, з одного толко пропитанія, вдова *Пелагея*, 69 л., сего жъ полку, села Григоровки, бившего посполитого Василя Бута жена. Земли пахатной и другихъ угодій—нѣтъ. Скота: волъ, корова, бикъ, телица, овецъ 2, свиней 2. Промислу не имѣеть. Въ консистенскую дачу въ годъ платитъ 40 к. Питается отъ хлѣбопашества. г) *Семень Саоченко* имѣеть отъ роду 40 л., уроженецъ полку слободского сумского, села Козацкой, съ посполитихъ; въ семь дворѣ живеть съ 1756 г. Ево жена Матрона, 35 л. У нихъ дѣтей 3. Земли пахатной и другихъ угодій нѣтъ. Промислу не имѣеть. Въ консистенскую дачу платитъ въ годъ 50 к. Питается отъ заработку: зажинаеть и замолочиваеть.

Другой дворъ,—въ немъ хать 5, хижъ 4, хлѣвовъ 3. Въ немъ живутъ: а) *Иванъ Артюшенко*, 45 л., уроженецъ мѣст. Варви, сего жъ полку, съ козаковъ, которого удаляся, въ семь дворѣ живеть съ 1741 году. Ево жена Матрона, 40 л. У нихъ дѣтей 2. Земли пахатной и другихъ угодій—нѣтъ. Скота: корова, телица, теленокъ, свиней 3. Промислу не имѣеть. Въ консистенскую дачу въ годъ платитъ 50 к. Питается з заработку. б) *Петръ Чернищенко*, 33 л., природной здешной козакъ, которого удалился съ малолѣтства, в семь дворѣ живеть с 1750 г. Ево жена Авдотья 30 л. У нихъ дѣтей 3. Земли пахатной и другихъ угодій, тожь скота, промислу и ремесла не имѣеть. Въ консистенскую дачу въ годъ платитъ 48 к. Питается зъ заработку. в) *Демидъ Яценко*, 35 л., уроженецъ полку нѣжинского, села Шаповаловки, съ козаковъ; въ семь дворѣ живеть съ 1756 г. Ево жена Анна, 30 л. У нихъ дѣтей 3. Да съ нимъ въ одной хатѣ живеть вдова *Мария*, 30 л., бившего здеш-

него посполитого, владѣнія майора Якова Скоропадскаго, Филиппа Алиошенка жена; у нея дѣтей 2. Земли пахатной и другихъ угодій—нѣтъ. Въ консистенскую дачу платитъ 50 к. Питается заработываніемъ. г) *Михайло Мохонко*, 35 л., уроженецъ полку нѣжинскаго, села Городища, владѣнія бывшего гетмана; въ семь дворѣ живетъ съ 1755 г. Ево жена Арина, 30 л. У нихъ дѣтей 3. Земли пахатной и другихъ угодій—нѣтъ. Скота: корова, телѣца, теленокъ. Промислу и ремесла не имѣеть. Въ консистенскую дачу въ годъ платитъ 50 к. Питается отъ заработку.

Третій дворъ,—въ немъ хата 1, хижа 1, хлевъ 1, сараевъ 4, кузня 1. Въ немъ живетъ *Петро Холоднякъ*, 30 л., уроженецъ сего жъ полку села Галки, с козачихъ подсоседей; въ семь дворѣ живетъ съ 1760 г. Ево жена Анастасья, 25 л. У нихъ дѣтей 3. Ево сестра родная девка *Марія*, 17 л. Земли—нѣтъ. Скота: меринъ, коровъ 2, биковъ 2, телюнокъ 2, овецъ 3, свиней 2. Промислу не имѣеть. Въ консистенскую дачу въ годъ платитъ 60 к. Питается сколько отъ хлѣбопашества и отъ ремесла ковалскаго.

Четвертій дворъ,—въ немъ хата 1, хижа 1, хлевъ 1. Въ немъ живетъ *Алексей Черниченко*, 45 л., уроженецъ полку Черниговскаго, мѣстечка Новгородка, съ посполитихъ; живетъ съ 1760 г. Ево жена Марія, 40 л. Работница девка Авфросинья 13 л., бывшего здешнего козака Павла Кравченка дочь; работаетъ въ годъ за 1 р. 20 к., при пищи и одежи. Земли—нѣтъ. Скота: кобила, корова, телѣца, телюнокъ, свиня. Промислу и ремесла не имѣеть. Въ консистенскую дачу платитъ 60 к. Питается отъ заработку, зажиная и замолочивая.

8-53

Имѣются въ продажѣ слѣдующіе труды

А. М. Лазаревскаго:

Описаніе Старой Малороссіи.—Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія.—Томъ I. **Полкъ Стародубскій.** Кіевъ, 1889 г. Стр. XVI + 470 + XXX.
Цѣна 3 рубля.

—Томъ второй. **Полкъ Нѣжинскій.** Кіевъ, 1893 г. Стр. IV + 521 + XXV Цѣна 3 р. 50 к.

—Томъ третій. **Полкъ Прилуцкій.** Кіевъ, 1902 г. Стр. XIV + 426 + XXIII Цѣна 3 рубля.

Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи.—V—
Кіевъ, 1889. Стр. 148 Цѣна 70 коп.

Украинскія историческія мелочи.—I.—Кіевъ, 1901. Стр. 78.
Цѣна 40 коп.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ: **Н. Я. Оглоблина** (Кіевъ. Крещатикъ, 33 и С.-Петербургъ, Екатерининская, 4) и в **Українській книгарні** (Кіевъ, Безаковская, 8).